

БОРЬБА КЛАССОВ

СОДЕРЖАНИЕ

7-8

1932

ПЕРЕДОВАЯ 2

И. СТАЛИН

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ (доклад на VII съезде
партии) 7

БЕЛА КУН

О ВОЙНЕ И ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ 11

Е. КОРОВИН

КАК НАЧИНАЮТСЯ ВОЙНЫ 32

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ и Ф. МИЛЛЕР

О РАЗОРУЖИТЕЛЬНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ 48

Е. НАВИНА

КАК ИМПЕРИАЛИСТЫ ОРГАНИЗУЮТ ПРОПАГАНДУ 60

Л. КРИЦМАН

ЗАХВАТ БЕССАРАБИИ 70

ИСТОРИЯ ВКП(б) И КОМИНТЕРНА

ФЕРРА

ОБРАЗОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМПАРТИИ 85

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА ВОСТОКЕ

ДОКУМЕНТЫ О ПОЛОЖЕНИИ В СОВЕТСКИХ РАЙОНАХ
КИТАЯ 114

ЗОРИН

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ КИРГИЗОВ И КАЗАКОВ В 1916 г. 128

БИБЛИОГРАФИЯ

КУГЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИА-
ЛИЗМА (документы из архивов царского и временного
правительства 1878—1917 гг) 140

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР **М. Н. ПОКРОВСКИЙ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. ВОЛИН** (зам. отв. редактора)
Л. МЕХЛИС, А. ПАНКРАТОВА, И. ТОКИН (ответств. секретарь)

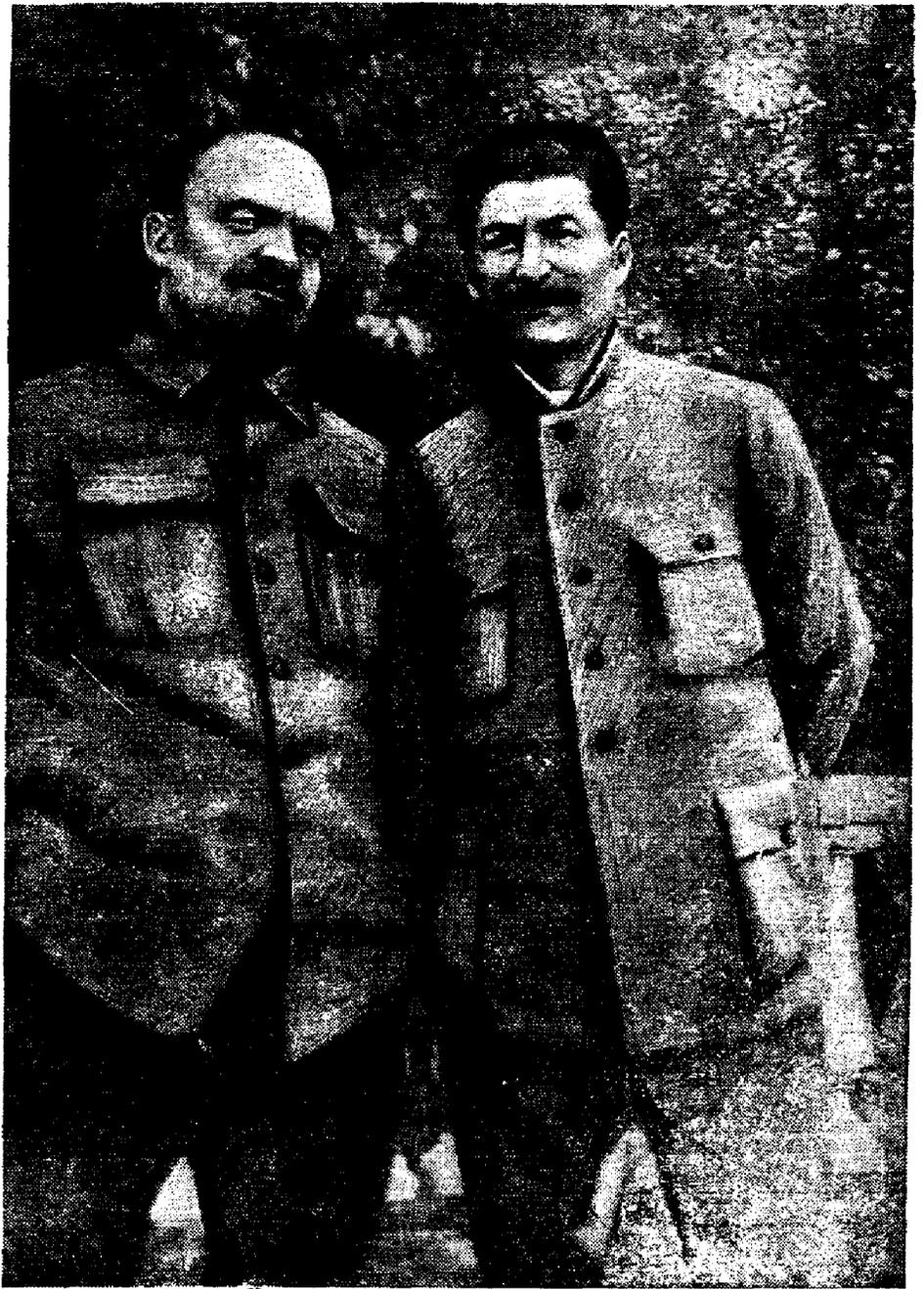
АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 8, ТЕЛЕФОН 4-85-62

ОФОРМЛЕНИЕ КОМЕРА
и
ВОДБОР ИЛЛЮСТРАЦИЙ
Барбары
Отепановой

с'езд МЕЖДУНАРОДНОГО значения

Пятнадцать лет тому назад собрался VI с'езд нашей партии — с'езд непосредственной подготовки первой в мире победоносной социалистической революции. Это был с'езд, на котором большевистская партия на основе творческого марксизма с величайшей конкретностью и глубиной обсудила вопросы стратегии и тактики пролетариата в его борьбе за Октябрь, наметила формы борьбы за тот путь развития российской и международной революции, который с замечательной глубиной был сформулирован т. Сталиным: «Прекращается война, разрываются все финансовые связи с империализмом, революция движется дальше, расшатываются основы буржуазного мира и начинается эра рабочей революции». Это был с'езд, на котором большевистская партия, опираясь на революционную теорию марксизма-ленинизма, разработала конкретные пути борьбы за новый общественный строй и дала этим самым программу непосредственной борьбы за социалистическую революцию как для российского, так и для международного пролетариата. Решения VI с'езда имеют и н т е р н а ц и о н а л ь н о е з н а ч е н и е. Пролетарская революция во всех странах развивается по общим законам. Несмотря на величайшее разнообразие и извилистость ее путей, несмотря на громаднейшие конкретные исторические различия в ее ходе в разных странах, ее общий исторический путь един, едины в своей основе формы и методы борьбы пролетариата за власть в эпоху империализма. И VI с'езду большевистской партии принадлежит величайшая историческая заслуга разработки вопросов, стоящих в нашу эпоху перед пролетариатом всего мира.

Опыт российской революции, опыт борьбы пролетариата всех стран показал, что главным и решающим условием победы рабочего класса, борющегося за власть, является то, чтобы партия пролетариата оформляла и руководила стихийно возникающими выступлениями масс, ведя их по линии своих революционных лозунгов, чтобы подготовка революционной борьбы за власть проходила под руководством одной партии, по линии изоляции соглашательских партий, представляющих собой главную опасность в период революционных боев пролетариата. Изоляция соглашательских партий является «основным стратегическим правилом ленинизма» (Сталин). Следующее условие победоносной борьбы пролетариата за социалистическую революцию состоит в борьбе за передачу власти советам — органам, созданным в процессе революционного творчества российского пролетариата и приобретшим всемирно-историческую роль как могущественный новый государственный аппарат, теснейшим образом связанный

с народными массами, представляющий собой высшую форму пролетарской демократии, дающий авангарду возможность воспитывать, подымать до своего уровня, вести под своими знаменами гигантскую массу революционных классов — рабочих и крестьян. Задача пролетарской партии в период непосредственной борьбы пролетариата за власть заключается в том, чтобы превратить советы в органы государственной власти.

Осуществить все эти свои задачи, сделать все свои лозунги лозунгами самих масс партия пролетариата может лишь тогда, когда она умеет убедить массы на их собственном опыте в правильности выставленных ею лозунгов, когда она умеет найти те пути, которые подводят массы к выдвигаемой ею программе борьбы. Поэтому обязательной особенностью правильной тактики партии рабочего класса является то, что она «не смешивает руководство партией с руководством массами, что она ясно видит разницу между руководством первого рода и руководством второго рода, что она является таким образом наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся» (Сталин).

Российский пролетариат одержал свою октябрьскую победу именно потому, что большевистская партия сумела осуществить все эти условия. Усвоение опыта ее борьбы и опыта съезда нашей партии, происшедшего в этот исторический отрезок времени, должно стать достоянием всех наших братских коммунистических партий.

Огромная актуальность истории нашей партии этого периода лишь один раз подчеркивается тем, что враги большевизма неизменно пытаются извратить эту историю, сфальсифицировать ее. В высшей степени знаменателен тот факт, что меньшевик Троцкий начал свою лобовую атаку на партию Ленина с «исторического» исследования, в котором он выступал против ленинской тактики в революции 1917 г., т. е. выступал против основ большевизма, прикрывая свою борьбу против ленинизма шулерской фальсификацией исторического прошлого. Свои нападки на ленинизм Троцкий сосредотачивал прежде всего на вопросе о роли партии, отвергая ленинскую постановку этого вопроса, так же как и ленинскую тактику нашей партии в борьбе за мобилизацию масс.

Победа российского пролетариата была обусловлена тем, что во главе его стояла большевистская партия, что он был организованным классом, сплоченным воедино той «красной» организованностью, «какой нет ни в одной стране в такой мере, как у российского пролетариата», и о которой т. Сталин говорил в своем ответе т. Ярославскому, возражавшему против этого положения. Эта «красная» организованность была историческим итогом великого опыта революционной классовой борьбы российского пролетариата, проделавшего две революции, имевшего во главе п о д л и н н о м а р к с и с т с к у ю революционную партию и своих вождей, ставшего с самого начала своей революционной борьбы авангардом мирового пролетариата.

Выступление российского пролетариата на арену классовой борьбы и возникновение большевизма открывают новую и значительнейшую главу в истории международного революционного рабочего движения. Возникшая в стране, являвшейся «узловым пунктом противоречий империализма» (Сталин), в стране перед пролетариатом которой революционные задачи стояли непосредственное, ярче, ближе и острее, чем перед пролетариатом любой другой страны, большевистская партия с самого начала своего существования была партией борьбы за социализм, с необычайным революционным мастерством ставившей задачи демократической революции так, чтобы подвести массы непосредственно к борьбе за социализм, к борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Благодаря ее революционному воспитанию и руководству революционные массы тотчас же после своей победы в демократической революции создали революционную демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, осуществившуюся в 1917 г. в своеобразной форме двоевластия. Эта форма была наполнена глубочайшими противоречиями между либеральной буржуазией и союзным капиталом, которые хотели, как говорил т. Сталин в своем докладе на VI съезде партии, «маленькой революции для большой войны», с одной стороны, и массой рабочих и крестьян, стремящихся покончить с войной, с помещиками и капиталистами, — с другой. В этом заключалось основное противоречие революции, которое неизбежно должно было привести к революционному взрыву.

Характеризуя в своем докладе о политической деятельности ЦК основные особенности российской революции, т. Сталин говорил о г л у б о к о м х а р а к т е р е нашей революции, о том, что она «стала принимать характер социалистической, рабочей революции». И эта социалистическая, рабочая революция неизбежно и необходимо должна была вступить в непримиримое противоречие с контрреволюционным правительством буржуазии и с вошедшими с ним в соглашение меньшевиками и эсерами. Первым

взрывом этих противоречий были апрельские события, вторым, гораздо более глубоким и напряженным,—июльские дни. Исходя из общей оценки соотношения классовых сил, наша партия в эти дни, как говорил т. Сталин в своем отчете ЦК, «не хотела выступления, партия хотела переждать, когда политика наступления на фронте будет дискредитирована. Тем не менее выступление стихийное, вызванное разрухой в стране, приказами Керенского, отправлением частей на фронт, состоялось, и партия, не желая занимать положения прохожего, сочла своим долгом вмешаться в движение... Наша партия была единственной партией, оставшейся с массами в их борьбе с контрреволюцией, и мы сделали все, чтобы выйти с честью из создавшегося положения».

Благодаря предательской политике меньшевиков и эсеров июльские дни закончились победой контрреволюции. Ленин вынужден был уйти в подполье. Нашу партию бешено травили и преследовали. Победа контрреволюции означала наступление нового этапа российской революции. Двоевластие, сложившееся после Февраля, было ликвидировано. Создавалась новая обстановка, новое соотношение сил. «Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился,—писал в эти дни Ленин.—начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы... Власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Петер реакционные войска, на кадетов и монархистов».

Перед партией стояла задача наметить свою тактику в этих новых исторических условиях. Эту задачу выполнил VI предоктябрьский съезд, работавший под общим идейным руководством Ленина, находившегося в подполье, и под непосредственным руководством т. Сталина, проводившего и отстаивавшего ту политическую линию, за которую боролся Ленин, за которую уже много лет боролся большевизм.

На VI съезде с замечательной яркостью вскрылась непроходимая пропасть между догматическим марксизмом и марксизмом творческим. Та политическая линия, за которую боролись Ленин и Сталин, представляет собою глубочайшее проявление творческого марксизма, исполненного духом диалектики, ясностью научного анализа и верой в творческую силу масс. Какое блестящее применение революционного марксизма к конкретным историческим условиям представляет собою например глубоко диалектическая постановка Лениным и Сталиным вопроса о лозунге «Вся власть советам». Объясняя свою постановку этого вопроса, т. Сталин говорил: «Лозунг определяется не формой организации революционного учреждения, а тем содержанием, которое составляет плоть и кровь данного учреждения. Если бы в состав совета входили кадеты, мы никогда бы не выдвигали лозунга о передаче ему власти. Теперь мы выдвигаем лозунг передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Следовательно вопрос не в форме, а в том, какому классу передается власть, вопрос о составе советов... Надо ясно дать себе ответ, что не вопрос о форме является решающим. Действительно решающим является вопрос, созрел ли рабочий класс для диктатуры, а все остальное приложится, создастся творчеством революции».

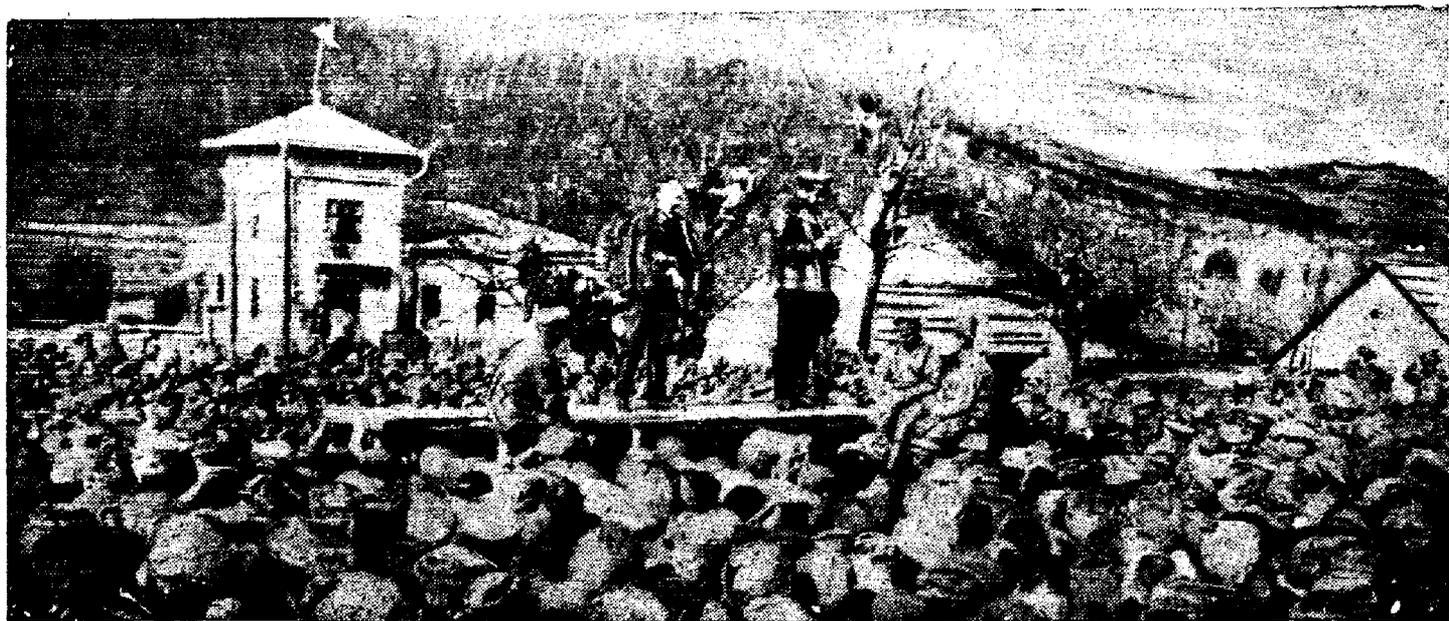
Борьба между творческим и догматическим марксизмом на VI съезде партии в зачаточной форме заключала в себе ту борьбу, которую партия провела в последующие годы против троцкизма и против правого оппортунизма. Те колебания, которые обнаружены были отдельными участниками съезда по вопросу о возможности социалистической революции в нашей стране, с одной стороны, игнорирование гегемонии пролетариата и роли бедняцких масс крестьянства — с другой, в годы социалистического строи-

тельства выросли в систему взглядов, враждебных ленинизму. Выступление Преображенского с троцкистской «поправкой», сводившейся к тому, что государственная власть должна быть направлена «к миру и при наличии пролетарской революции на Западе — к социализму», не было случайным, так же как не была случайна «неверная в самой основе», — как сказал т. Сталин, — схема Бухарина, утверждавшего, что российская революция идет к первому этапу крестьянской революции. И замечательным предвидением пути развития международной пролетарской революции звучит ответ т. Сталина на «поправку» Преображенского:

«Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой абсолютной свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Развитие международной пролетарской революции действительно пошло так, что СССР оказался страной, пролагающей путь к социализму. За 15 лет, отделяющие нас от VI съезда нашей партии, пройден уже большой отрезок этого пути. СССР вступил в период социализма, окончательно утвердившись на социалистическом пути, и является базой мировой пролетарской революции. Героические успехи российского пролетариата, взявшего власть в отсталой стране и строящего социализм, являются боевым призывом к борьбе пролетариев всего мира. Ибо вся история борьбы российского пролетариата и его партии за социалистическую революцию есть история творческого марксизма, возглавляющего, воспитывавшего, оплодотворявшего революционную борьбу масс за диктатуру пролетариата, за социализм. И всемирно-историческое значение VI съезда партии заключается именно в том, что он дает коммунистическим партиям всего мира, борющимся за завоевание диктатуры пролетариата, руководящие указания, пронизанные духом творческого марксизма.

Выступление большевиков на фронте перед Октябрем

ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ

ДОКЛАД ТОВ. СТАЛИНА НА VI СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

Вопрос о современном моменте есть вопрос о судьбах нашей революции, о силах,двигающих революцию, и силах, подкапывающихся под нее.

С чего пошла революция? С коалиции четырех сил: пролетариата, крестьянства, либеральной буржуазии и союзного капитала. Почему шел на революцию пролетариат? Потому, что он—смертельный враг царизма. Почему шло крестьянство? Оно доверяло пролетариату и оно жаждало земли. Почему шла либеральная буржуазия? Потому, что она в ходе войны разочаровалась в царизме. Она думала, что царизм даст ей возможность завоевать новые земли. Не надеясь на увеличение емкости внутреннего рынка, она избрала путь наименьшего сопротивления: путь расширения внешнего рынка. Но она ошиблась: царизм и его войска не смогли даже оградить границы и отдали противнику 15 губерний. Отсюда — измена либеральной буржуазии царизму. А союзный капитал? Он смотрел на Россию как на подсобное мероприятие для своих империалистических целей. Между тем царизм, первые два года подававший надежды на сохранение единства фронта, стал склоняться к сепаратному миру. Отсюда — измена союзного капитала царизму.

Царизм оказался изолированным и тихо и спокойно помер.

Эти четыре силы Февральской революции, шедшие вместе, имели разные цели. Либеральная буржуазия и союзный капитал хотели маленькой революции для большой войны. Но масса рабочих и крестьян шла не для этого на революцию. У них были другие цели: 1) покончить с войной и 2) побороть помещиков и буржуазию.

Вот основы противоречия революции.

Кризис 20—21 апреля (3—4 мая) был первым проявлением этих противоречий. Милюков делает попытку империализм пассивный превратить в империализм активный. В результате массового движения получилось коалиционное правительство. Принцип коалиции, как показал опыт,—самое лучшее средство в руках буржуазии для того, чтобы одурманить массы и вести их дальше за собою. С момента образования коалиционного правительства началась мобилизация контрреволюции сверху и снизу. Между тем война продолжается, экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер. Революция врывается в сферу производства — ставится вопрос о контрасте. Революция врывается в сельскохозяйственную сферу — ставится вопрос не только о конфискации земли, но и о конфискации инвентаря, живого и мертвого.

Поскольку большевики являлись глашатаями пролетарской революции, они верно определили ее характер. Те, которые предлагали ограничиться закреплением революционных завоеваний, были не революционерами. Путь соглашательства, избранный меньшевиками и эсерами, был обречен на бессилие. Не было никакой силы, не было никакой возможности остановить революцию на полпути. Таким образом тот факт, что у нас революция развивалась и шла вперед, толкал нас на путь необходимости перешагнуть через революцию буржуазную к революции социалистической.

Некоторые товарищи говорили, что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции. Они

были бы правы, если бы не было войны, если бы не было разрухи, не были расшатаны основы народного хозяйства. Но эти вопросы о вмешательстве в хозяйственную сферу ставятся во всех государствах как необходимые вопросы. В Германии этот вопрос поставлен и обошелся без прямого и активного участия масс. Другое дело—у нас в России. У нас разруха приняла более грозные размеры. С другой стороны, такой свободы, как у нас, нигде не бывало в условиях войны. Затем громадная организованность рабочих: у нас например в Питере 66 процентов организованных металлистов. Наконец нигде у пролетариата не было таких широких организаций, как советы Р. и С. Д. Все это исключало возможность невмешательства рабочих масс в хозяйственную жизнь. В этом реальная основа постановки вопроса о социалистической революции у нас в России. Поскольку рабочие вмешиваются активно в процесс организации контроля, обмена, постольку у нас ставится практически вопрос о социалистической революции. И поэтому товарищи, возражающие против этого пункта, неправы.

Поскольку революция шагнула так далеко вперед, она не могла не возбудить бдительности контрреволюционеров, она должна была родить контрреволюцию. Это — первый фактор мобилизации контрреволюции.

Второй фактор—авантюра, начатая политикой наступления на фронте, и целый ряд прорывов фронта, лишивших власть всякого престижа и окрыливших контрреволюцию, которая повела атаку на эту власть. Ходят слухи, что у нас началась полоса провокации в широком масштабе. Делегаты с фронта считают, что и наступление и отступление—словом все, что произошло на фронте — подготовлено для того, чтобы обеспечить революцию и свалить «революционное» министерство. Я не знаю, верны они или нет, но замечательно, что 2(15) июля из правительства ушли кадеты, 3-го (16) начинаются июльские события, а 4-го (17) получаются известия о прорыве фронта. Говорить, что кадеты вышли из-за решения по вопросу об Украине, нельзя: кадеты заявляют о необходимости разрешить украинский вопрос. Есть и второй факт, говорящий за то, что действительно началась полоса провокаций: я говорю о перестрелке на Украине. В связи с этими фактами товарищам должно быть ясно, что прорыв фронта был одним из факторов, долженствовавших провалить идею революции в глазах широких мелкобуржуазных масс.

Есть еще третий фактор, усиливший контрреволюционные силы в России. Это—союзный капитал. Если союзный капитал, видя, что царизм идет на сепаратный мир, изменил правительству Николая, то ему никто не мешает порвать с нынешним правительством, если оно окажется неспособным сохранить «единый» фронт. Миллюков сказал в одном из заседаний, что Россия расценивается на международном рынке как поставщик людей и получает за это деньги. И если выяснилось, что новая власть в лице временного правительства не способна поддержать единого фронта наступления на Германию, то не стоит и субсидировать такое правительство. А без денег, без кредита правительство должно было провалиться. В этом секрет того, что кадеты в эпоху кризиса возымели громадную силу. Керенский же и все министры оказались куклами в руках кадетов. В чем сила кадетов? В том, что их поддерживал союзный капитал.

Перед Россией стояло два пути: либо прекращается война, разрываются все финансовые связи с империализмом, революция двигается дальше, расшатываются основы буржуазного мира и начинается эра рабочей революции; либо другой путь — путь продолжения войны, продолжение наступления, подчинение всем приказам союзного капитала и кадетов,—и тогда полная финансовая зависимость от союзного капитала (в Таврическом дворце были определенные слухи, что Америка даст 8 миллиардов, даст средства восстановить хозяйство) и торжество контрреволюции.

Третьего пути быть не может, третьего не дано.

Попытка эсеров и меньшевиков выдать выступление 3—4 (16—17)

июля, выступление рабочих, которым невтерпех стало переносить политику капитала, за вооруженный мятеж—просто смешна. Если говорить о виновниках, то надо иметь в виду объективные условия: 1) развитие революции в социалистическую, 2) прорыв фронта, показавший мелкой буржуазии негодность коалиционного правительства и 3) союзный капитал, не желающий субсидировать революцию. В ряду этих сил выступление рабочих—маленькая точка, которую и не заметишь. Единственным виновником выступления является то, что контрреволюция обнаглела. Меньшевики и эсеры стали бить налево, в большевиков, обнажив тем самым революционный фронт и отдав себя и нас в плен контрреволюционерам.

3(16) июля мы предлагали единство революционного фронта против контрреволюции. Наш лозунг «Вся власть советам» и значит—создать единый революционный фронт. Но они, боясь оторваться от буржуазии, повернулись к нам спиной, что разбило революционный фронт в угоду контрреволюционерам. Если говорить о виновниках контрреволюции, то виновниками являются эсеры и меньшевики, предатели революции. Если спросить, в чем сила кадетов, которые, сидя в кабинетах, издавали свои директивы для ЦИК, где они черпали свою силу, то ответ может быть один: в союзном капитале, в том, что Россия нуждается в деньгах, нуждается во внутреннем займе, которого не дает буржуазия, или обеспеченном внешнем займе, которого не дает союзный капитал, потому, что ему не нравится политика коалиционного правительства. Контрреволюционная буржуазия, союзный капитал и верхи командного состава— вот три опоры контрреволюции. Наше несчастье в том, что Россия—страна мелкобуржуазная, идущая за эсерами и меньшевиками, входящими в соглашение с кадетами, и до того момента, пока крестьянство не разочаруется в идее соглашения верхов с низами, мы будем страдать и революция будет проваливаться.

Но подземные силы революции не дремлют: поскольку война продолжается, поскольку продолжается разруха, никакие репрессии, никакие казни, никакие московские совещания не спасут правительство от новых взрывов. Крестьянство не получит земли, рабочий не получит контроля над производством, солдат будет возвращен в прежнее рабство. Делегаты с фронта передают, что у солдат зреет мысль кровавой расправы, и поскольку контрреволюция будет торжествовать, постольку новые взрывы и новые битвы абсолютно неизбежны. И если контрреволюционерам удастся продержаться месяц—другой, то только потому, что принцип коалиции не изжит.

Что такое временное правительство? Это—кукла, это—жалкая ширма, за которой стоят кадеты, военная клика и союзный капитал— три опоры контрреволюции. Если бы «социалистические» министры не были в правительстве, быть может контрреволюционеры были бы уже свергнуты. Но характерная черта момента в том, что контрреволюционные мероприятия проводятся руками «социалистов». Только создав такую ширму, контрреволюция может еще просуществовать месяц—другой. Но поскольку развиваются силы революции, взрывы будут, и настанет момент, когда рабочие поднимут и сплотят вокруг себя бедные слои крестьянства, поднимут знамя рабочей революции и откроют эру социалистической революции на Западе.

Я хотел бы разяснить одно место в резолюции: до 3(16) июля была возможна мирная победа, мирный переход власти к советам. Если бы съезд советов решил взять власть в свои руки, кадеты, я полагаю, не осмелились бы выступить открыто против советов, ибо такое выступление было бы обречено заранее на гибель. Но теперь, после того, как контрреволюция организовалась и укрепилась, говорить, что советы могут мирным путем взять власть в свои руки,—значит говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов...

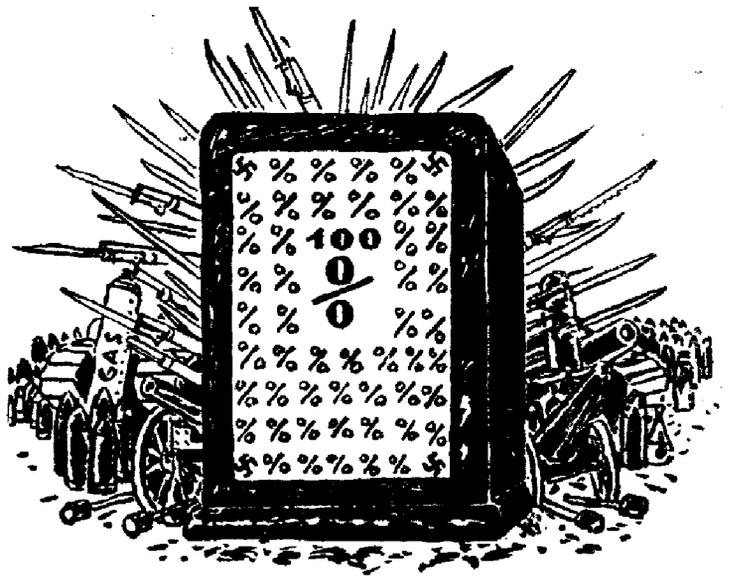
*„Братья, не стреляйте!“—переход
улиц на сторону рабочих и солдат-
ских советов в Германии в 1918 г.*

**... ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И СОЗДАНИЕ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ—ТАКОВЫ ЕДИНСТВЕННЫЕ
ВЫВОДЫ ИЗ ВЕРСАЛЬСКОГО УРОКА ДЛЯ ПРО-
ЛЕТАРИАТА ВСЕГО МИРА**

ЛЕНИН

*Антисенаторная
демонстрация в Берлине*

О ВОЙНЕ И ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ

БЕЛА КУН

Тов. Сталин определил ленинизм как марксизм эпохи империализма и пролетарской революции, т. е. как марксизм той эпохи, которая заполнена империалистическими, национально-освободительными и гражданскими войнами. Поэтому нет ни одной составной части ленинизма, которая не была бы в той или иной форме связана с вопросом о войне. Было бы однако глубокой ошибкой смешивать составные части ленинизма и рассматривать ленинизм как учение о войне. Задача заключается в том, чтобы рассмотреть ленинское учение о войне как неразрывную часть ленинизма и показать на этой проблеме конкретное применение ленинизма к сложнейшему вопросу нашей эпохи.

Каковы основы и составные части ленинского учения о войне?

Прежде всего в основе его лежит теория империализма вообще, и в особенности теория о неравномерности развития капитализма, теория об обострении этой неравномерности развития капитализма в эпоху империализма. Ленин всегда подчеркивал, что при империализме неравномерность развития капитализма обостряется и что эта неравномерность в период империализма означает, как говорит т. Сталин, «скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы уже поделенного мира в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового империализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах»¹. В противовес этому учению большевизма об эпохе империализма Троцкий, как известно, считал, что неравномерность развития капитализма в эпоху империализма уменьшается.

Теория империализма Ленина является основой всего его учения о войне. Ленин развил учение Маркса и Энгельса о войне применительно

¹ И. Сталин, Заключительное слово на седьмом расширенном пленуме Исполкома Коминтерна.

к новым условиям исторической эпохи, применительно к новой фазе капитализма — империализму. К основному из того нового, что внес Ленин в сокровищницу марксизма, принадлежит его учение об империалистическом характере войн, ведущихся современными капиталистическими государствами.

Если мы посмотрим например на отношение Энгельса в 90-х годах к назревавшей тогда войне между Германией и царской Россией, мы увидим, что Энгельс, как это было правильно в то время, желал поражения царской России. В 1890 г. в статье «О внешней политике русского царизма» Энгельс выступал сторонником войны капиталистической Европы против абсолютистской феодально-бюрократической самодержавной монархии. До империализма представители революционного пролетариата должны были ставить вопрос так, как ставил его Энгельс. В эпоху же империализма позиция пролетариата радикально меняется. Мы видим, что Ленин в 1914 г. в известных тезисах Центрального комитета РСДРП (большевиков) не стоит ни на стороне царской России ни на стороне Германии; он признает эту войну империалистической войной и делает отсюда соответствующие политические выводы. «Европейская всемирная война, — писал Ленин в этих тезисах, — имеет ярко определенный характер буржуазной империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж других стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачивать, раз'единить и перебить пролетариев всех стран, натравливая наемных рабов одной нации против наемных рабов другой в пользу буржуазии, — таково единственное реальное содержание и значение войны»¹.

Ленин, исходя из неравномерности развития капитализма, показал, что империалистическая эпоха не только не исключает, но даже предполагает ряд национально-освободительных войн. Известно, что в этой связи Ленину пришлось бороться против «левых» и в первую очередь против группы «Спартак», отрицавших необходимость лозунга о признании права наций на самоопределение и отвергавших исторически прогрессивное значение национально-освободительных войн, а также и против некоторых пацифистских элементов, вроде шведских и норвежских диммервальдистов, часть которых поддерживала учение левых радикалов в Германии, и голландских марксистов.

Важнейшая составная часть теоретических основ ленинского учения о войне состоит в том, что, по определению Ленина, империализм есть канун социалистической революции. Из этого следует, что эпоха империализма является не только эпохой империалистических и национально-освободительных войн, но также эпохой гражданских войн, эпохой социалистических революций.

Таким образом, по учению Ленина о войне, в эпоху империализма мы имеем войны трех родов: империалистические войны, являющиеся безусловно реакционными, грабительскими; национально-освободительные войны против империализма, являющиеся прогрессивными войнами, и наконец гражданские войны, пролетарские войны внутри отдельных стран и между странами пролетарской диктатуры и странами господства империализма. При этом следует указать, что одна форма войны, по определению Ленина, может превращаться в другую форму войны. Выражением этого учения является лозунг о превращении империалистической войны в войну гражданскую.

В своей полемике против Розы Люксембург и против Пятакова Ленин указывал также на возможность того, что империалистическая война, которая началась в Европе в 1914 г., может превратиться в национальную войну. «Основное положение марксистской диалектики» — говорил он. —

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 44.

„Долой царя“. Революционная демонстрация солдат в феврале 1917 г.

Солдаты требуют отставки
Временного правительства

...в БУДУЩЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ ПРОЛЕТАРИАТ ОСУЩЕСТВИТ ЗАВЕТ ЛЕНИНА о ПРЕВРАЩЕНИИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ в ГРАЖДАНСКУЮ, в СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ...

Красная гвардия

Вооруженный народ. Красная гвардия на параде 1 мая 1917 г.

состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистскую и обратно»³.

С этой точки зрения очень интересно отметить одну записку Ленина бывшему вождю германских коммунистов Паулю Леви, позже ставшему ренегатом, написанную во время II конгресса Коминтерна. В этой записке Ленин писал, что он считает возможным превращение империалистической войны 1914—1918 гг. в войну национальную, в войну национально-освободительную со стороны Германии — против Франции, со стороны Болгарии — против Румынии, против других стран, которые были заинтересованы в разделе Болгарии.

Мы видим такое превращение одного вида войны в другой вид войны во время китайской революции, когда северный поход Чан Кай-ши, который начался как национально-освободительная, национально-революционная война, уже перед Шанхаем и особенно после занятия Шанхая превратился, с одной стороны, в империалистическую, контрреволюционную, реакционную войну, а с другой стороны, — в войну гражданскую под руководством нашей коммунистической партии.

Огромное место в учении Ленина о войне занимает разработка вопроса об отношении между войной и революцией. Следует прежде всего указать на абсолютную неправильность той точки зрения, по которой война является необходимым условием, необходимой предпосылкой революции. Как известно, некоторые правые оппортунисты извращали ленинизм, заявляя, что война является необходимой предпосылкой всякой революции, что без войны невозможна революция. Таковы были взгляды правых элементов в рядах ВКП(б) и в рядах других секций Коммунистического интернационала. О том, что эти взгляды не имеют ничего общего с правильной, научной постановкой вопроса, свидетельствует хотя бы опыт буржуазных революций 1848 — 1849 гг., когда революции начались не вследствие войны или после войны. Об этом же свидетельствует опыт испанской революции и многих других. Такая возможность революции без войны существует и теперь. Революционный процесс назревает теперь перед войной.

Таким образом теория империализма и в особенности закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма говорят, что главной формой войн этой эпохи являются империалистические войны, причем это обстоятельство не только не исключает, но безусловно предполагает наличие и возможность национально-освободительных войн. Империализм есть канун социалистической революции. Война является в известном смысле ускорителем этой социалистической революции. Эпоха империализма является следовательно не только эпохой империалистических и национально-освободительных войн, но и эпохой гражданских войн.

Следующую часть учения Ленина о войне составляет учение об отношении пролетариата к войнам различного типа, о его стратегии и тактике во время этих войн.

Здесь основным тезисом Ленина является следующее: социальный характер войны, ее истинное значение определяются не тем, где стоят неприятельские войска (как это думают эсеры и меньшевики, опускающиеся до вульгарности темного мужика); этот характер определяется тем, какую политику продолжает данная война, какие классы и в каких целях ее ведут.

Из этого основного положения следует первая из стратегических и тактических основ Ленина в вопросе об отношении пролетариата к империалистической войне — отказ от защиты «отечества» буржуазии во всех ее видах, т. е. отказ от поддержки «своей» буржуазии и «своего» правительства.

³ Ленин, т. XIX, стр. 181.

**...ПРЕВРАЩЕНИЕ ОДНОГО ВИДА ВОЙНЫ В ДРУГОЙ ВИД ВОЙНЫ
МЫ ВИДИМ, КОГДА СЕВЕРНЫЙ ПОХОД ЧАН КАЙ-ШИ, КОТОРЫЙ
НАЧАЛСЯ КАК НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ, НАЦИОНАЛЬ-
НО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА... ПОСЛЕ ЗАНЯТИЯ ШАНХАЯ ПРЕ-
ВРАТИЛСЯ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ КОНТР-
РЕВОЛЮЦИОННУЮ РЕАКЦИОННУЮ ВОЙНУ, А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ—
В ВОЙНУ ГРАЖДАНСКУЮ ПОД РУКОВОДСТВОМ НАШЕЙ КОММУ-
НИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ...**

Отказ от защиты отечества не исчерпывает однако всей совокупности взглядов Ленина по вопросу об отношении пролетариата к империалистической войне. В начале войны за отказ от защиты отечества стояли довольно широкие группы, как например большая, отнюдь не большевистская, Циммервальдская группа, значительную часть которой составляли элементы, бесконечно далеко стоящие от большевизма — правые циммервальдовцы, полупацифистские и пацифистские группы, против которых Ленин вел решительную борьбу. За отказ от защиты отечества, — конечно не так, как Ленин, а так, как некоторые правые циммервальдовцы, — высказывались даже полубуржуазные пацифисты, которые считали себя «революционными пацифистами» и заявляли, что отказываются от защиты отечества, от поддержки своей собственной буржуазии и своего правительства.

Ленин как большевик не ограничивался одним отказом от защиты отечества во всех его видах — он сразу же, немедленно конкретизировал политические и организационные задачи пролетариата, которые идут дальше, чем отказ от защиты отечества, — к борьбе за превращение войны империалистической в войну гражданскую. В известных тезисах конференции заграничных секций РСДРП Ленин таким образом формулировал задачу пролетариата в отношении борьбы с империалистической войной: «превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами»⁴.

В этом положении заключается основа основ всей ленинской стратегии и тактики. Основным звеном этой тактики в отношении империалистической войны является этот тезис — тезис о превращении империалистических войн в гражданские войны. Таким образом учение Ленина представляет собой не простой отказ от защиты отечества, не простое отрицание возможности защищать буржуазное отечество, оно идет далеко за этот предел — оно идет к лозунгу и к борьбе за превращение империалистических войн в войны гражданские.

Ленин подходил к этой борьбе по-большевистски. Он сразу же наметил те конкретные задачи, которые стоят перед пролетариатом всех воюющих стран по пути превращения современных империалистических войн в гражданские войны. «Как первые шаги по пути превращения современной империалистической войны в гражданскую войну, — говорит Ленин, — надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира»; 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы вообще; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще»⁵.

Чрезвычайно интересно с точки зрения изучения истории ленинизма проследить, каким образом возникла у Ленина идея братания. Некоторые болгарские товарищи рассказывали Ленину, что в конце Балканской войны солдаты разных армий (Балканская война началась, как известно, войной коалиции балканских государств против Турции, а кончилась дракой воевавших с Турцией государств) начали братание в окопах с сербскими солдатами, греческими и румынскими.

Эти товарищи рассказывали также о том, что балканские социалисты отказались от организации братания во время Балканской войны, и Ленин сразу же признал эту позицию неревolutionционной и указал, что именно бра-

⁴ Ленин, т. XVIII, стр. 126.

⁵ Ленин, т. XVIII, стр. 126.

БРАТАНИЕ

Вверху—братание русских солдат с немецкими, внизу—немецких солдат с французами - военнопленными

тание является формой действительно революционного действия в окопах во время войны между империалистическими странами.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. В пятом пункте приведенных нами тезисов о первых шагах по пути превращения империалистической войны в гражданскую Ленин говорит о поддержке всякого рода массовых и революционных выступлений. На этом лозунге очень ярко видно, как и чем отличается учение Ленина о войне, ленинская

тактика в борьбе против империалистической войны от тактики левых радикалов, Розы Люксембург, Либкнехта и др. Если посмотреть на всю литературу левых радикалов, в первую очередь Розы Люксембург и Пашнекука, то ясно видно, что их борьба с империалистической войной представляла собой в общем смутный, нечеткий, неясный протест против войны. Они не указывали конкретных форм борьбы масс, не давали конкретных лозунгов, способных организовать, вооружить и возглавить революционную борьбу против войны. Эти же тезисы показывают непроходимую пропасть между ленинской постановкой вопроса о войне и между лозунгом Троцкого «борьба за мир», который был еще менее способен организовать революционную борьбу, чем некоторые лозунги левых радикалов, и по существу повторял лозунги буржуазных пацифистов.

Чрезвычайно ярко это различие между позицией Ленина и левых радикалов видно и в вопросе о постановке нелегальной работы в империалистических армиях.

Ленин на основе опыта революции 1905 г. и русско-японской войны, на основе опыта Балканской войны считал, что партия пролетариата должна вести как во время мира, так и во время войны нелегальную работу в и три империалистических армий, подготавливая и таким путем превращение империалистической войны в войну гражданскую. Иначе ставили вопрос о работе в армии левые радикалы.

Пролетариат ставит вместе с тем своей задачей — и это составляет основу следующего стратегического и тактического тезиса Ленина — поддерживать и организовать революционную борьбу против войны широчайших народных масс и в частности национально-освободительные войны, направленные против империализма. Это положение представляет собой существенную часть ленинского учения о войне, ленинской стратегии и тактики в отношении империалистической войны и в отношении национально-освободительного движения. Поэтому например Ленин считал, что пролетариат должен был использовать ирландское восстание для обострения и расширения кризиса империализма в отличие от германских левых радикалов, от голландских марксистов и других левых циммервальдовцев, которые, исходя из своих ошибочных предположений о реакционности признания права наций на самоопределение, о невозможности национально-освободительных войн в эпоху империализма, чуть ли не враждебно относились к ирландскому восстанию, о котором отдельные из них говорили, что оно представляет собой простой путч, что оно, мол, связано с немецким генеральным штабом, и потому не дело революционного пролетариата поддерживать это восстание.

С наибольшей полнотой эта часть учения Ленина о войне и о поддержке пролетариатом национально-освободительных войн была изложена им в тезисах и речах на II конгрессе Коммунистического интернационала, когда Ленину пришлось отстаивать свои тезисы по национальному и колониальному вопросам против тогдашних центристов, а теперь крайне-правых социал-демократов, а также против Серрати, которые очень резко выступали против этих тезисов и издевались над речью Ленина и речами других большевиков, считавших, что пролетариат должен рассматривать национально-освободительное движение как движение, связанное с революционной борьбой, что он должен поддерживать его всеми силами.

По вопросу об отношении пролетариата к войнам третьего типа — войнам пролетарских государств со стороны государств империалистических — основной принцип ленинского учения состоит в обязательной поддержке пролетариями всех стран пролетариата, борющегося против империализма, за социалистическую революцию. Эта часть ленинского учения была сформулирована Лениным тогда же, когда им создавалось все его учение о войне, но с наибольшей полнотой она была разработана после Октябрьской революции.

Демонстрация рабочих молодежи в Берлине в знак протеста против насилия китайских генералов на КВЖД

...ТОЛЬКО ТЕ ПАРТИИ ЯВЛЯЮТСЯ КОММУНИСТИЧЕСКИМИ И ТОЛЬКО ТЕ РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЯВЛЯЮТСЯ РЕВОЛЮЦИОННЫМИ, КОТОРЫЕ ОБЯЗЫВАЮТСЯ ПОДДЕРЖИВАТЬ ПРОЛЕТАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА В БОРЬБЕ С ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕРЖАВАМИ...

Английские рабочие протестуют против захвата КВЖД китайскими генералами

Уже первый конгресс Коминтерна в своей платформе прямо указал, что только те партии являются коммунистическими партиями и только те рабочие организации являются революционными организациями, которые обязываются поддерживать пролетарские государства в борьбе с империалистическими державами.

Этот тезис нашел дальнейшее развитие в работах т. Сталина, который показал, что в наше время основным лозунгом по вопросу о войне является защита Советского союза.

После Октябрьской революции учение Ленина обогатилось новыми составными частями, среди которых главным и важнейшим является учение об отношении пролетариата как господствующего класса к войне. Еще на апрельской конференции говорилось о том, что если пролетариат возьмет в свои руки власть, то он не сможет действовать со старыми лозунгами. Уже между Февралем и Октябрем большевики не были пораженцами в старом смысле этого слова, и получилось весьма своеобразное отношение к лозунгу мира. Некоторые троцкисты и сам Троцкий пытались использовать это своеобразие для своего собственного оправдания; они пытались изобразить дело так, будто большевики пришли к лозунгу Троцкого «борьба за мир». На самом деле было конечно совершенно иначе. Лозунг мира между Февралем и Октябрем, как его выдвигали большевики, имел совершенно иное содержание и иное значение, чем лозунг Троцкого «борьба за мир». В учении Ленина лозунг о демократическом мире выглядел таким образом: демократический мир возможен только в том случае, если пролетариат хотя бы в некоторых странах стоит у власти, если пролетариат возьмет в свои руки власть. Без этого демократический мир невозможен. Исторический ход развития классовой борьбы показал правильность большевистских лозунгов и тактики.

Переход власти в руки российского пролетариата ставит по-новому вопрос о мире и вопрос о защите победившим пролетариатом своей страны.

Сразу же после Октябрьской революции Ленин ставит вопрос о том, что рабочий класс теперь безусловно стоит за оборону социалистического отечества. Этот лозунг был понят и поддержан революционным рабочим классом.

Типичным проявлением полного непонимания ленинизма вообще и тактики Ленина в вопросе о войне в частности на том этапе была оппозиция «левых коммунистов», одним из центральных обвинений которых против Ленина было обвинение его в том, что он якобы не хочет вести революционную войну. Историческая проверка доказала, что брестская тактика — единственная последовательно революционная тактика. Она никогда не означала, что Ленин отказался от идеи и возможности революционной войны. От этой идеи Ленин никогда не отказывался. Вся его брестская тактика была построена именно на подготовке российского пролетариата и крестьянства к ведению революционной войны. «О необходимости готовить революционную войну, в случае победы социализма в одной стране и сохранения капитализма в соседних странах, наша пресса говорила всегда, — писал Ленин в дни брестских переговоров. — Это бесспорно. Спрашивается, как пошла на деле эта подготовка после нашей Октябрьской революции? Эта подготовка пошла так, что нам пришлось армию демобилизовать... Демобилизация многомиллионной старой армии и приступ к созданию на добровольческих началах Красной армии — таковы факты»⁶. Этого диалектического своеобразия положения никак не могли понять «левые коммунисты».

Ленин видел возможность победы социализма в отдельной стране, верил в неисчерпаемую энергию революционных масс, постоянно подчер-

⁶ Ленин, т. XXII, стр. 261—262.

Berlin
bleibt
rot.

1933. Berlin. Arbeiter
eigen. Kampfzettel an
... Mai 1933. Arbeiter
... und 1933.

„Берлин станет красным.“

...РЕВОЛЮЦИЯ НЕСОМНЕННО ЗРЕЕТ И КРЕПНЕТ С КАЖДЫМ МЕСЯЦЕМ, С КАЖДОЙ НЕДЕЛЕЙ...

Боевая демон-
страция безра-
ботных в Берли-
не. Арестован-
ные рабоче
п р и ветствуют
демонстрантов
„Рот фронт“

кивая, что российская революция представляет собою базу мировой пролетарской революции. «Последний и решительный бой,—писал в те дни Ленин,— вспыхнет лишь тогда, когда разразится социалистическая революция в передовых империалистических странах. Такая революция несомненно зреет и крепнет с каждым месяцем, с каждой неделей. Этой зреющей силе надо помогать. Ей надо уметь помогать... Сохраняя советскую власть, мы оказываем самую лучшую, самую сильную поддержку пролетариату всех стран в его невероятно трудной, тяжелой борьбе против своей буржуазии. И большего удара для дела социализма теперь, чем крушение советской власти в России, нет и не может быть»⁷.

Впоследствии т. Сталин развил эту теорию в борьбе с Троцким и всякого рода троцкистами, которые изображали Октябрьскую революцию в совершенно неправильном освещении, пытались доказать, что Ленин якобы ориентировал партию на пассивное ожидание поддержки со стороны революционного пролетариата других стран.

Интересно отметить, как т. Сталин в новых условиях развил учение Ленина о международном значении Октябрьской революции: «Неправы также и те, — говорил т. Сталин, возражая троцкистам, — которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию, как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне. На самом деле не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революции других стран, но и революция этих стран нуждается в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело свержения мирового империализма» (подчеркнуто мною.—Б. К.).

Примером того, что Ленин не рассматривал Октябрьскую революцию как нечто пассивное, как движение, которое только нуждается в поддержке извне, является отношение к советско-польской войне, когда Ленин прямо ставил вопрос о том, что нужно прощупать штыком, в какой мере назрела революция на Западе. Штыки не показали, что революция назрела, но это не значит ни того, что тактика Ленина не была правильной, ни того, что большевики должны отказаться от идеи революционной войны.

Последнюю составную часть ленинского учения о войне, разработанную в основном после Октябрьской революции, составляет учение о политике пролетарского государства, строящего социализм в капиталистическом окружении. Оно опирается на положение о том, что пролетариат должен использовать внутримпериалистические противоречия, выигрывая время для строительства социализма, пока не назреет социалистическая революция в западноевропейских капиталистических государствах.

Это учение широко и глубоко развито т. Сталиным в связи с данной им разработкой теории о возможности строительства социализма в одной стране. Для того чтобы понять то новое, что внес т. Сталин в ленинское учение о войне, надо охарактеризовать разницу между обстановкой, в которой пришлось Ленину развивать свою теорию о войне и в особенности теорию о политике пролетарских государств в капиталистическом окружении, и обстановкой, в которой выступал т. Сталин. Очень ярко эта разница видна на сопоставлении речи Ленина на VII съезде РКП(б) и речи т. Сталина на XVI съезде ВКП(б).

Когда Ленин отвечал «левым коммунистам» Троцкому и Рязанову, которые выступали против Брестского мира, он сказал следующее: «Я вернусь к т. Рязанову, и здесь я хочу отметить, что подобно тому, как исключение, случающееся раз в десять лет, лишь подтверждает правило, так и ему случилось сказать нечаянно серьезную фразу. Он сказал, что Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время. На этот раз вышло так, что у т. Рязанова получилась совершенно ссерьзная, правда, фраза, в которой

⁷ Ленин, т. XXII, стр. 292 и 296.

вся суть: я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время... В этом вся суть, и только в этом»⁸.

Такова была обстановка Брестского мира, и тактика Ленина основывалась именно на том, что надо уступить пространство, чтобы выиграть время.

Совсем иначе стоит вопрос о «времени» и «пространстве» в нашу эпоху.

Тов. Сталин на XVI съезде партии говорил: «Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли ни одного вершка не отдадим».

Из сопоставления этих двух речей видна вся разница между политической обстановкой времени Брестского мира и политической обстановкой настоящего времени.

В известной книге т. Сталина «На путях к Октябрю» мы видим, что т. Сталин — лучший ученик Ленина — самым последовательным образом проводил ленинскую политику в отношении войны. Но самое главное, что дал нам т. Сталин в области учения о войне, относится к вопросу об эпохе послевоенного развития и прежде всего к вопросу о временной стабилизации капитализма, происходившей на фоне общего кризиса капитализма. Вопрос о стабилизации капитализма как о новой обстановке при империализме в период его послевоенного развития был исследован т. Сталиным прежде всего в докладе на XIV партконференции и в речах о борьбе с троцкизмом. Это учение т. Сталина о войне было разработано им как дальнейшее развитие ленинского учения о войне в новых исторических условиях послевоенного периода империализма, послевоенного кризиса этого империализма, особенно применительно к периоду относительной стабилизации и так называемому третьему периоду послевоенного кризиса капитализма, когда началось расшатывание стабилизации капитализма.

Тов. Сталин дал подробный анализ этой новой обстановки и разработал в применении к ней два крупнейших вопроса, связанных с войной и с военной опасностью в новую эпоху послевоенного империализма, послевоенного кризиса капитализма. Эти два вопроса — вопрос о двух системах и вопрос о взаимной связи между внутриимпериалистическими противоречиями и противоречиями между двумя системами.

Тов. Сталин в докладе 9 мая 1925 г. на собрании московского актива дал яркий исчерпывающий ответ на вопрос, в чем же выражалась конкретно стабилизация капитализма. Анализ, данный т. Сталиным, послужил основой для стратегии и тактики Коминтерна в отношении к войне в этом периоде. На вопрос, в чем выражалась конкретно стабилизация капитализма, т. Сталин в своем докладе от 9 мая 1925 г. ответил: «Во-первых, в том, что Америке, Англии и Франции удалось сговориться временно о способах и размерах ограбления Германии. Иначе говоря, им удался сговор, называемый ими дауэсизацией Германии».

Этот сговор был продолжением войны, только иными способами, со стороны антантовских государств против Германии. Антанта распалась по вопросу о способах и размерах ограбления Германии, а в 1923—1924 гг. Америке, Англии и Франции удалось временно договориться о способах и размерах ограбления Германии.

Тов. Сталин предсказал, что стабилизации капитализма приходит конец. И мы видим, что последующее развитие полностью подтверждает его предсказания.

Вторым мировым политическим актом, определившим временную стабилизацию капитализма, по определению т. Сталина, было то, что «английскому, американскому и японскому капиталу удалось временно сговориться на счет установления сферы влияния в Китае». Однако это соглашение было расшатано Китайской революцией 1925—1927 гг.; оно было взорвано японским походом с помощью Франции на Манчжурию и Шан-

⁸ Ленин, т. XXII, стр. 331.

хай. Таким образом это соглашение можно считать уже недействительным.

Стабилизация капитализма выразилась, в-третьих, в том, что, по определению т. Сталина, «империалистическим группам передовых стран удалось временно сговориться насчет взаимного невмешательства в дело ограбления и угнетения «своих» колоний».

Такова третья основа стабилизации капитализма; однако она также дала трещину по всем швам: мы видим обострение англо-американского антагонизма вокруг вопроса о Южной Америке, Канаде и Египте, мы видим англо-японский конфликт в британо-азиатских владениях, мы видим обострение франко-итальянских противоречий в бассейне Средиземного моря в балканских странах.

Таким образом мы видим, что и это третье соглашение тоже почти кончилось и во всяком случае трещит по всем швам.

В-четвертых, т. Сталин конкретизировал вопрос о возможности того, что империалистические группы передовых стран попытаются сговориться насчет единого фронта против Советского союза. Этого единого фронта в настоящий момент еще не существует. Наоборот, последние события говорят о том, что внутримпериалистические противоречия, противоречия между империалистическими государствами, изо дня в день обостряются и мешают созданию прочного единого империалистического фронта борьбы против СССР.

Приведем несколько фактов, свидетельствующих о крайнем обострении внутримпериалистических противоречий. Одним из самых серьезных вопросов европейской политики является вопрос о Данциге, где обостряется противоречие между Германией и Польшей, т. е. противоречие между Германией и Францией. Ссылаясь только на то, что в Данциге собираются штурмовые отряды гитлеровцев, что из Данцига выселили железнодорожные правления, что на данцигских водах имелись польские военные суда, германские военные суда демонстративно посетили данцигские воды.

Что мы видим теперь? Во всех странах, которые наиболее близки к границам СССР, посредством фашизации государственного аппарата, посредством ряда фашистских государственных мероприятий уже сейчас создана та обстановка, которая во время империалистической войны сложилась только на втором и даже на третьем году военных действий.

Что касается готовности военной промышленности в капиталистических странах, то она уже более готова обслуживать войну, чем это было в 1915 — 1916 гг. Черчилль рассказывает в своих мемуарах о той борьбе, которую он и Ллойд-Джордж должны были провести для того, чтобы сосредоточить всю имеющуюся промышленность на обслуживании войны. Теперь такой борьбы вести не придется. Империалисты, подготавливающие большую войну против Советов не только на Западе, но и на Востоке, создали мощную военно-промышленную базу против Советского союза, уже заранее подготовили весь производственный аппарат, который будет обслуживать эту войну.

Ошибочно было бы однако думать, что война начнется таким же образом, как началась в 1914 г., когда правительства торжественным образом объявляли друг другу войну. Мы видим на японском примере, что война была начата без всякого объявления. 28 сентября прошлого года началась война с Манчжурией, а в этом году 28 января началась война около Шанхая. Война в Манчжурии и в некоторых северных частях Китая продолжается и теперь.

Япония начала войну с Манчжурией и продолжает дальнейшую подготовку войны без объявления войны, без объявления всеобщей мобилизации. Японцы таким образом перевезли в Манчжурию уже в марте прошлого года массу не только винтовок, но и орудий, сосредоточили там целые дивизии путем частичной мобилизации не только в стране, но также путем состава-

вления белогвардейских отрядов, и в совершенной тайне мобилизовали военный, морской и железнодорожный транспорт.

Каким образом империалисты готовят войну для вползания в нее? Об этом можно судить хотя бы по тому, что во всех армиях империалистических стран имеются так называемые «армии прикрытия». Эти «армии прикрытия» создаются для того, чтобы иметь возможность начать войну без объявления мобилизации. Они находятся в состоянии боевой готовности. Их можно в любой момент бросить на границу страны, против которой хотят начать империалистическую войну.

Возьмем например Польшу. В польскую «армию прикрытия» входят третья часть польской пехоты, половина польской конницы, авиация и броневые войска. Эти части прикрытия могут быть брошены на фронт без объявления мобилизации. Таким образом можно без объявления мобилизации бросить на фронт довольно большие армии.

Во Франции внутри армии также имеется такая «армия прикрытия», которая состоит из отборных людей, главным образом унтер-офицеров. По своему составу она является кастовой армией: в ней каждый нижний чин — унтер-офицер, а каждый унтер-офицер имеет образование не ниже офицерского. Во Франции недавно из трех министерств, связанных с делом войны, — из военного министерства, морского министерства и министерства воздушного флота, — образовали единое министерство. Министр, стоящий во главе его, имеет право, не спрашивая у парламента, призвать на военную службу 720 тысяч резервистов.

Таким образом мы видим, что империалистическая буржуазия перешла к новым формам и методам не только подготовки войны, но и начала войны. Совершенно естественно, что это ставит перед нами новые тактические задачи.

Примером того, как по-новому ставятся в новой обстановке все вопросы, может служить и уже обсуждавшийся VI конгрессом Коминтерна вопрос о братании. Существование Советского союза и Красной армии повлекло к безусловному изменению постановки вопроса о братании в отношении к войне против государства пролетарской диктатуры. Всем ясно, что мы не проповедуем нашим красноармейцам, чтобы они братались с враждебными армиями. Мы также не проповедуем этого и в Китае. Старые формы поражения «своего» капиталистического государства в применении к войне против Советского союза недостаточны. В случае военной интервенции против Советского союза коммунистические партии не должны и не могут ограничиться простым поражением. Они, как это уже писалось в решениях VI конгресса Коминтерна по вопросу о войне, должны не ограничиться простой борьбой и подготовкой вооруженного восстания против собственных правительств и своей собственной буржуазии, но обязаны активно поддерживать Красную армию и призывать солдат к переходу на сторону Красной армии.

Это уже не двустороннее братание: здесь нет братания со стороны Красной армии и даже нет только простого братания с другой стороны, а есть переход из империалистической армии на сторону Красной армии.

Вопрос относительно поведения пролетариата и коммунистических партий в этой новой обстановке, т. е. когда мобилизация не объявляется, встал уже перед компартией Японии, и она приняла по нему определенное решение. Когда в Японии была объявлена частичная мобилизация, перед партией встал вопрос: что делать? Подчиняться ли мобилизации тогда, когда война идет не непосредственно против Советского союза, а против национально-освободительного движения в Китае — причем война ведется в плане подготовки антисоветской интервенции, — или же нет?

Японские товарищи сказали: да, пойти на мобилизацию нужно, чтобы потом немедленно создать в казармах нелегальные организации, чтобы создать в тех районах и местах, откуда люди мобилизованы, организации для связи между гражданским населением и мобилизованными солдатами.

Да, надо идти в казармы. Ну, а что же дальше? Из казарм отправляют на фронт. Японские товарищи ответили на это таким образом: отказаться организованно, не занимаясь единичными выступлениями против войны. Были случаи, когда им удавалось организовать этот отказ перед отправкой на фронт уже в казарме, были случаи, когда удавалось организовать отказ только после отправки на фронт. Но что это была удачная работа японской партии, об этом свидетельствуют все многочисленные военно-судебные процессы, которые начались против японских солдат, отказавшихся подчиниться дисциплине и во время войны против Шанхая и во время войны с Манчжурией.

Обостряются противоречия между Америкой, с одной стороны, Францией и Японией — с другой, не только по вопросу о колониальном мире, но и по вопросам разоружения. Это видно по тому, как было встречено Францией, Японией и даже Англией предложение Гувера о частичном разоружении.

Самое новое в системе взглядов о войне, разработанное т. Сталиным, состоит однако в том, что т. Сталин был первым, который ясно и отчетливо указал на диалектическую связь между этими внутриимпериалистическими противоречиями, с одной стороны, и противоречиями между системой социализма и системой капитализма — с другой.

Несомненно, что обострение военной опасности, опасности военной интервенции, — то обстоятельство, что эта опасность военной интервенции стала непосредственной опасностью для всего международного пролетариата, как это сказал XI пленум ИККИ, — есть следствие того, что на одном полюсе мира мы имеем победоносное шествие социализма, в то время как на другом полюсе — в капиталистическом мире — идет дальнейшее углубление и обострение небывалого по своим размерам и глубине общего экономического кризиса; нарастает революционный подъем, происходит обострение всей классовой борьбы и назревание предпосылок революционного кризиса в ряде капиталистических стран.

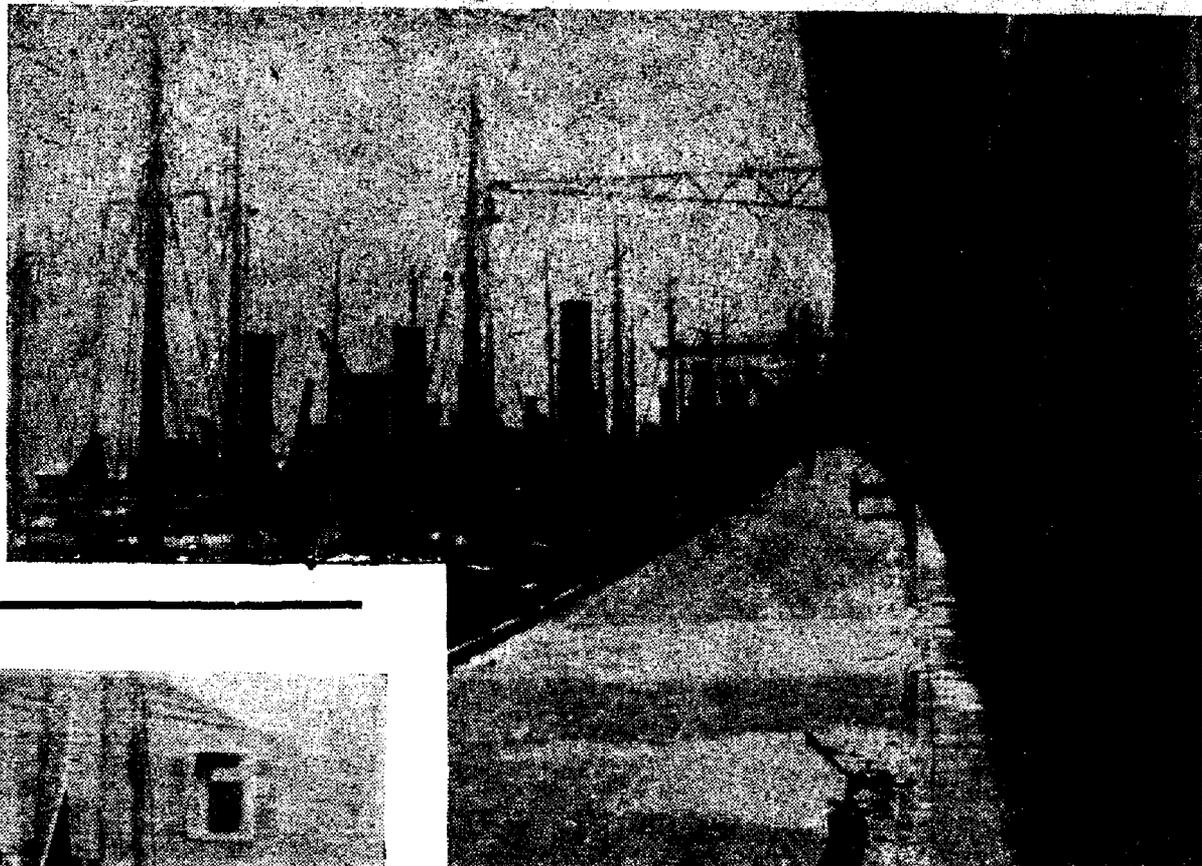
Но ошибается тот, кто недialeктически смотрит на положение, сложившееся теперь в капиталистическом мире, кто видит всюду только обострение противоречий между капиталистическими странами, кто считает, что можно успокоиться и мирно смотреть на события в отношениях между империалистическими государствами и считать, что военной опасности для Советского союза поэтому не существует.

Тов. Сталин нам показал, что самое важное на этом этапе (и это обогатило ленинское учение о войне) — это учесть взаимную связь между этими двумя группами противоречий.

Надо во всей глубине понять смысл этой установки т. Сталина, которая лежит в основе всей стратегии Коммунистического интернационала по вопросу о войне и смысл которой состоит в том, что чем более обостряются противоречия между империалистическими государствами, тем более стремятся эти империалистические страны разрешить все спорные вопросы за счет советского государства, за счет страны трудящихся. Приведу дословно:

«Поэтому каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой Страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом».

Пустые газоны
и бездействующие
суда Гам-
бурга

..СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА ПРИХО-
ДИТ КОНЕЦ... ИДЕТ ДАЛЬНЕЙШЕЕ УГЛУБ-
ЛЕНИЕ И ОБОСТРЕНИЕ НЕБЫВАЛОГО ПО
СВОИМ РАЗМЕРАМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
КРИЗИСА... НАРАСТАЕТ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ПОДЪЕМ, ПРОИСХОДИТ ОБОСТРЕНИЕ ВСЕЙ
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ...

Б а р р и ка д н ы е
б о и б а с т у ю щ и х
р а б о ч и х с п о л я-
ц и е й в Ц ю р и-
х е — р а з б и т а я
в и т р и н а м а г а-
з и н а

А н т и ф а ш и с т-
с к а я д е м о н-
с т р а ц и я в Б е р-
л и н е — б а р р и к а-
д ы н а М о з б и т е

«Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом» (Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 1930 г., стр. 616).

Противоречие между капитализмом и СССР есть основное противоречие нашего времени. Это противоречие разлагает и расшатывает самые основы капитализма. Как говорит т. Сталин, «оно вскрывает до крайней степени все противоречия капитализма и собирает их в один узел, превращая их в вопрос жизни и смерти самих капиталистических порядков».

К числу тех вопросов о войне, в которых т. Сталин обогатил учение Ленина, относится вопрос о роли пацифизма.

Мы знаем учение Ленина о пацифизме, мы знаем, что Ленин непримиримо преследовал пацифизм как буржуазии, так и социал-пацифизм. Мы знаем, что мирная политика советской власти не имеет ничего общего с тем вульгарным социал-пацифизмом, который (особенно до и во время войны) являлся средством одурачивания масс.

Надо отметить в этой связи развитие социал-демократии от реформизма до социал-шовинизма, до социал-империализма, до социал-фашизма.

Социал-демократия до войны не являлась открыто активным фактором подготовки империалистической войны; но не ведя борьбы, последовательной и революционной, борьбы в духе штуттгартских и базельских резолюций, социал-демократия фактически поддерживала империалистическую войну. Но социал-демократия военного и послевоенного периода стала непосредственно активным фактором подготовки империалистической войны.

Социал-фашизм является фактором прикрытия и подготовки империалистической войны и ведет подготовку общественного мнения вообще и рабочего класса в особенности к войне в интересах империалистов.

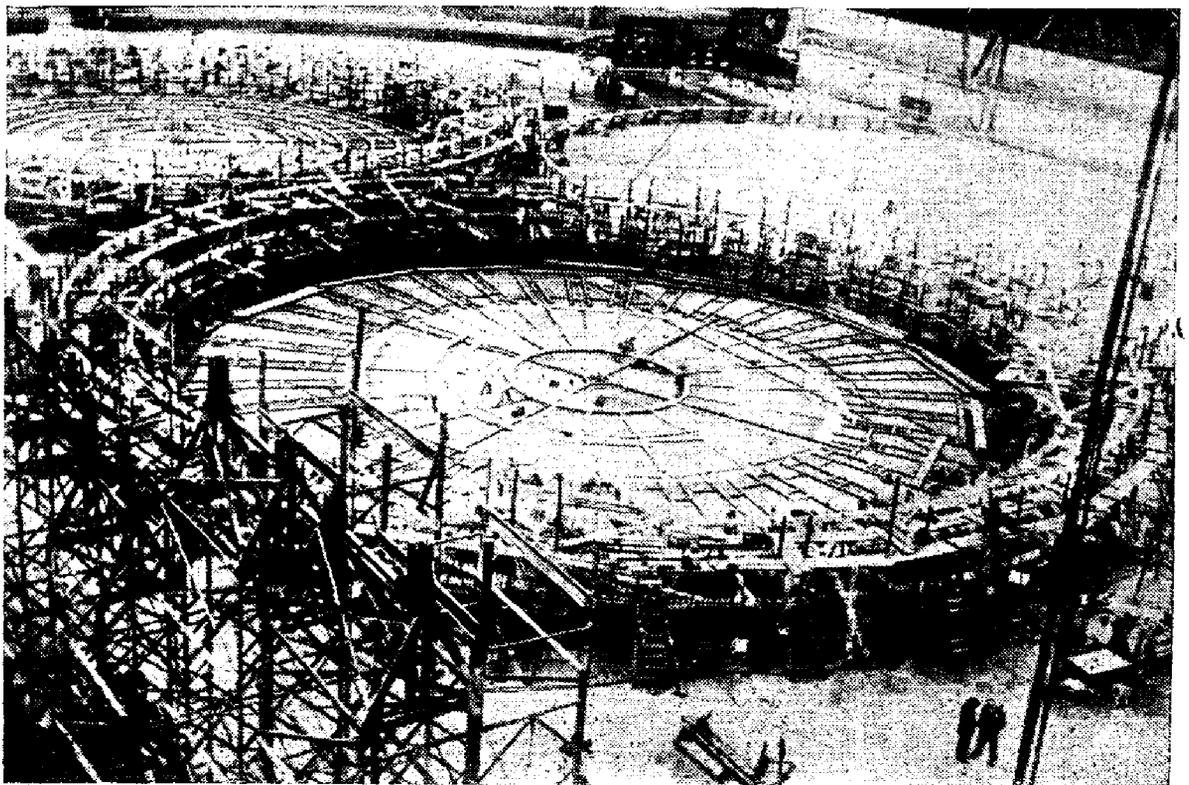
Когда т. Сталин еще в 1924 г. разрабатывал вопрос о методах буржуазии в деле защиты своего господства посредством фашизма и социал-

фашизма, он обосновал учение о новой роли пацифизма как основного метода подготовки масс к поддержке империалистической войны.

Таковы, если говорить кратко, основные черты учения Ленина и Сталина о войне, учения, представляющего собою блестящее применение марксизма к анализу вопросов войны в эпоху империализма и социалистической революции. На основе этого учения мы должны вести дальнейшую разработку тех многочисленных вопросов, которые ставит перед пролетариатом всего мира непосредственная опасность повой империалистической войны и военной интервенции, с одной стороны, и большие изменения военной техники и военной тактики — с другой. Если с этой точки зрения посмотреть на перспективы Советского союза в будущей войне, то прежде всего необходимо учесть величайшее значение, которое имеют для поднятия обороноспособности Советского союза индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, ленинская политика отношения пролетариата к крестьянству. Политика социалистического строительства, разработанная т. Сталиным, является основой нашей военной стратегии. Развитие Красной армии без индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства не могло бы пойти в том направлении и теми темпами, как оно пошло.

...ВОЗДУШНЫЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ—В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САСШ...

Америка приступила к постройке второго воздушного гиганта типа „Акрон“ (немецкий дирижабль)

Перед Коминтерном стоит задача применения ленинско-сталинского учения о войне к новым условиям. К сожалению этот вопрос недостаточно разработан, хотя в нашем распоряжении имеется могущественнейший метод Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина по вопросам войны.

Таким вопросом, стоящим перед нами и требующим дальнейшей разработки, является например вопрос о методах подготовки империалистической войны, вопрос о вползании в войну. Нынешние войны, как это видно на конкретном примере японской войны против Китая, подготавливаются и начинаются не так, как подготавливалась и начиналась война 1914 г. Возьмем хотя бы вопросы, связанные с организацией аппарата государственного насилия. Во время войны 1914 г. переход к отмене всех демократических свобод произошел только во время войны. Перестройка хозяйственного, производственного и финансового аппаратов государства на началах военного хозяйства даже в Германии, в стране, которая наиболее была подготовлена к войне, также произошла только во время войны.

Другой вопрос, стоящий перед Коминтерном, — это вопрос о работе компартий на военных предприятиях. В связи с развитием военной техники и огромным возрастанием роли тыла для ведения военных действий этот вопрос приобретает огромное значение. Если раньше перед нашими партиями в первую очередь стояла задача работы внутри армии на фронте и именно там нужно было сосредотачивать все наши силы, то теперь тыл в связи с развитием военной техники приобретает чуть ли не первенствующее значение в деле нашей борьбы против империалистической войны. Возьмем некоторые цифры, показывающие, какое огромное значение имеет военная промышленность для будущей войны. На каждую винтовку приходится в среднем на фронте 1,5 чел., в тылу на производство одной винтовки требуется 5 чел. в год. Если возьмем пулемет, то цифры такие: на каждый пулемет на фронте надо иметь 12 чел., в тылу — 16 чел. На каждое орудие на фронте требуется 70 чел., в тылу — 80 чел. На каждый танк на фронте требуется 25 чел., в тылу — 75 чел. На каждый самолет на фронте требуется 25 чел., в тылу — 125 чел. При этом надо помнить, что чем сложнее военная машина, тем больше она требует ремонта. В Америке и во Франции установлена норма, по которой на каждый самолет, действующий на фронте, нужно в год произвести 6 самолетов, потому что убыль самолетов составляет 50 проц. в месяц. Это значит, что если какое-нибудь государство хочет иметь на фронте 1.000 самолетов, то оно должно произвести 6.000 самолетов в год. Конечно 1.000 самолетов для войны мало, воздушную войну можно вести только имея десятки тысяч самолетов.

Генерал Дуэ, один из итальянских знатоков военного воздушного дела и тактики, создал теорию о самостоятельных воздушных силах. Он считал, что сильная авиация за 1—2 суток может покончить войну. Однако его теория несостоятельна. Это показывает история событий под Шанхаем, когда японцам, несмотря на высоту авиационной техники, не удалось сломить обороноспособность.

Воздушная война требует огромной армии, работающей в военной промышленности. По подсчетам генерала Дуэ, для нее надо иметь полтора миллиона людей в производстве. Какая огромная разница с 1914 годом — во Франции в это время в военной промышленности было занято всего 100 тыс. рабочих, в Англии — 150 тыс., но уже в 1918 г. во Франции в военной промышленности занято 2.300 тыс. чел., в Англии — 2.500 тыс. чел. Легко представить себе, какое должно быть соотношение тыла и фронта теперь. Из этого факта разрастания значения тыла и особенностей военного производства следует, что в настоящее время задачи работы на военных предприятиях по своему значению в борьбе против империалистической войны и подготовке к борьбе за превращение империалистиче-

ской войны в войну гражданскую, приобрели такую же важность, какую имеет создание нелегальных организаций в империалистических армиях.

Уже на VI конгрессе Коминтерна нам удалось заново, в новой обстановке, ответить на некоторые новые вопросы под руководством т. Сталина.

Нет сомнения, что на новые вопросы нашей тактики по вопросам поведения пролетариата в новой обстановке подготовки войны, в условиях новых методов начала войны, Коммунистический интернационал найдет такие же ответы в духе Ленина и Сталина, какие были даны VI конгрессом Коминтерна по всем другим вопросам учения Ленина и Сталина о войне революционного пролетариата, по новым тактическим вопросам борьбы с империалистической войной и военной интервенцией.

Это является составной частью обеспечения той победы, за которую мы будем бороться в случае новой военной интервенции, в случае новой империалистической войны. В этой будущей войне мировой пролетариат осуществит завет Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую войну, в социалистическую революцию.

Третьяков

ПУТЬ КАПИТАЛА

Рис. Мазерелл

как начинаются войны

КУЛИСЫ
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ДИПЛОМАТИИ

Неразрывная связь между современным капитализмом и войною—положение, элементарное для марксиста-ленинца и ясное даже для идеологов буржуазии¹. «При капитализме невозможны иные средства восстановления время от времени нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике»². «Война нужна империалистам, так как она есть единственное средство для передела мира, для передела рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала»³. Программа Коминтерна, принятая на его VI конгрессе, в разделе, посвященном анализу империализма, указывает, что «монополистическая форма капитализма сопровождается неизбежными империалистическими войнами»⁴, и отмечает (во введении), что «империализм со стихийной силой вскрывает и углубляет все противоречия капиталистического общества, доводит до крайнего предела классовый гнет, обостряет до исключительного напряжения борьбу между капиталистическими государ-

ствами, вызывает неизбежность империалистических войн мирового размаха».

Всякая война, в том числе и империалистическая, «есть продолжение политики иньими (именно: насильственными) средствами»⁵. Поэтому каждой империалистической войне предшествует более или менее длительный период ее подготовки под прикрытием дипломатической, военной, банковской тайны, по окончании которого заправилам империалистической кухни остается только «нажать кнопку» и найти подходящий повод для открытия военных действий⁶.

Если экономические корни империалистических войн подвергались неоднократно изучению в советской науке, то отнюдь нельзя сказать того же про изучение самой механики организации и развязывания военных столкновений. Между тем в современных условиях непрерывного обострения империалистических противоречий и нарастания военной опасности этот вопрос приобретает огромное политическое значение. «Империалистическая война, — говорил Ленин, — истерзавшая, измучившая человечество, породила такие острые, такие запутанные конфликты, что сплошь да рядом, на каждом шагу возникает положение, когда решение вопроса в

¹ См. например высказывания П. Валери и др.: И. Анисимов «Французский империализм готовит войну». «Фронт науки и техники» № 1 за 1932 г., стр. 42 и сл.

² Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XIII, стр. 132.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 495.

⁴ Программа Коминтерна, раздел 2-й.

⁵ Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 97, см. также Лен. сб. XII, стр. 395 и сл.

⁶ Лен. сб. XIV, стр. 45.

пользу войны и мира той или иной группировки висит на волоске». И в своих «заметках по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге» Ленин настаивал на необходимости «объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается»⁷, указывая практический путь для такого объяснения. «Надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, — писал он, — и раз'яснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустякового разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров или из-за споров об их таможенной или вообще торговой политике и т. д. и т. д.»⁸.

Сорвать покрывало «случайности», «рока», «тайны» с тех маневров, при помощи которых международный капитал сознательно пускает в ход машину военного насилия, значит не только разоблачить личный раз кровавую и грязную систему современного международного империалистического бандитизма, но и затруднить ее применение на практике.

II

Международный подлог, уже давно завоевавший себе почетное место, явился дипломатической прелюдией к началу войны 1870 г. Агонизирующий французский бонапартизм (Наполеона III) ищет спасения в победоносной войне за счет Пруссии. Не менее его, хотя и по совершенно другим мотивам, желал войны и Бисмарк, рассчитывая при помощи войны завершить «железом и кровью» объединение Германии под прусской гегемонией. Как за предлог к войне военные партии в обоих государствах ухватываются за весьма второстепенный вопрос о кандидатуре одного из германских принцев на испанский престол. Под давлением Франции принц Леопольд Гогенцоллерн снимает свою кандидатуру на очередную королевскую вакансию. Император германский (Вильгельм I) одобряет этот отказ. Но французское правительство пред'являет новое требование, домогаясь от Вильгель-

ма обязательства — не допускать нигде на будущее время подобных кандидатур. Париж дает директиву Бенедетти (французскому послу в Германии) добиться во что бы то ни стало торжественной гарантии. Вильгельм уклоняется от новых разговоров на старую тему. На вокзале в Эмсе от'сзжающий император любезно прощается с французским послом. На повторную попытку последнего поднять снова вопрос о гарантиях Вильгельм дает ему совет закончить дальнейшие переговоры с прусскими министрами. Телеграфное сообщение об этих переговорах Бисмарк получил во время обеда с Мольтке и Рооном (двумя руководителями прусской военной партии). Ознакомившись с телеграммой, Бисмарк передал ее своим коллегам. Прочтение телеграммы подействовало на них удручающе: шансы на войну упали, у обоих сразу пропал аппетит. Но канцлер не падал духом. «Тогда, — говорит в своих позднейших воспоминаниях Бисмарк, — я взял у них из рук депешу и с карандашом в руках присел над ней у бокового столика. 5 минут работы — и телеграмма приняла другой вид. Когда я теперь показал ее Мольтке и Роону в новой редакции, они опять повеселели». Однако Бисмарк, по собственному его признанию, «не прибавил в ней ни одного слова»; он только «сократил» ее и изменил «формулировку» ее текста таким образом, что «в новой редакции депеша приобрела характер последнего слова, между тем как в прежней формулировке она имела вид одного из эпизодов еще продолжающихся переговоров»⁹.

Эмская депеша в ее фальсифицированном виде обшла всю мировую печать и выполнила в руках французской военной партии (имевшей при желании полную возможность ее опровергнуть благодаря присутствию в Париже живого участника эмских событий — Бенедетти) свою провокационную роль. Наполеоновская империя «с легким сердцем» (выражение тогдашнего премьер-министра Э. Оливье) ринулась на войну (17 июля 1870 г.), чтобы через несколько недель (1 сентября 1870 г.) притти к краху под развалинами Седана.

3 августа 1914 г. Россия, Германия, Австрия, Сербия уже вступили в войну. Франция не спешит, заканчивая свою мобилиза-

⁷ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XXVII, стр. 372.

⁸ Там же, стр. 374.

⁹ O. von Bismark, Gedanken und Erinnerungen, B. II, S. 78—93.

ционную подготовку. Между тем германский план кампании (так называемый план Шлиффена) требует разгрома Франции до окончания русской мобилизации. Германский посол в Париже фон-Шен вручает французскому премьеру Вивьяни заявление нижеследующего содержания: «Германские административные и военные власти удостоверили ряд характерно враждебных актов, совершенных французскими авиаторами на германской территории; многие из этих авиаторов явно нарушили нейтралитет Бельгии, летая над территорией этой страны; один из них пытался разрушить сооружения близ Везеля, другие замечены были в области Эйфеля; еще один бросал бомбы на железную дорогу близ Карлсруэ и Нюрнберга. Я уполномочен и имею честь известить ваше превосходительство, что при наличии этих нападений германская империя считает себя на положении войны с Францией, по вине сей последней»¹⁰.

Между тем в официальном сообщении германского штаба от 3 августа говорится о полете неприятельского самолета над Везелем, но никаких бомбардировочных актов ему не приписывается. Что же касается Нюрнберга, то еще в апреле 1916 г. городской его магистрат удостоверил: «Командованию, исполняющему здесь обязанности главного командования 3-м баварским армейским корпусом, ничего не известно о том, чтобы когда-нибудь до или после начала войны были брошены бомбы неприятельскими летчиками на прогоне Нюрнберг — Киссинген и Нюрнберг — Анбах. Все утверждения на этот счет и газетные сведения оказались ложными». Впрочем эти опровержения мало кого трогали: миф о летчиках выполнил свое дело и по миновании надобности сдан был в архив истории.

III

Недалеко от «фальшивок» отстоит и другой излюбленный прием империалистической военной методики: *превращение «мухи в слона» путем раздувания ничтожного инцидента до размеров крупного политического конфликта, служащего предлогом для открытия военных действий*. В одних случаях здесь довольствуются «раздуванием» действительно имевших место фактов. В других, за отсутствием таковых

¹⁰ Желтая книга французск. энцикл. инст. дел. № 147, 1914 г.

(тем хуже для фактов!), прибегают к услугам «творимой легенды». Две характерных иллюстрации, взятых из практики североамериканского империализма:

1898 г. САСШ намереваются завладеть последними остатками былой испанской колониальной империи (Кубой, Филиппинами). По сигналу свыше изо дня в день американская печать начинает описывать в самых потрясающих красках «ужасы» испанского насилия над кубинским населением, на самом деле не лучшего и не худшего, чем обычные приемы колониальной эксплуатации (в том числе и американской). Но для начала войны этого оказывается недостаточно. Тогда 15 февраля 1898 г. в Гаванском порту взрывается по «неизвестной» до сих пор причине американский броненосец «Мэйн». И хотя до сих пор, по свидетельству американского президента и историка В. Вильсона¹¹, не было никаких доказательств, чтобы кто-либо из сопричастных испанским властям Кубы был хотя бы осведомлен о преступных планах взорвать «Мэйн», взрыв, разумеется, оказался приписанным испанцам.

Разразилась победоносная для САСШ война, в результате которой, по компетентному свидетельству президента САСШ Мак Кинлея, «Филиппины, Куба и Порто-Рико доверены были нам промыслом Божиим»...

1914 год. Упомянутый выше ученый профессор и пацифист (Вильсон) возглавляет американский правительственный аппарат. Политическая атмосфера САСШ густо насыщена запахом нефти, во имя которой в течение целого года правительство САСШ вмешивается в дела «независимой» Мексики, чтобы спихнуть ее президента Хуэрту как не проявляющего должной благосклонности к американским нефтепромышленникам в Мексике и более расположенного к английским¹². В Мексиканском порту Тампико 9 апреля 1914 г. мексиканские солдаты задержали на несколько часов казначея и китоловную команду американского судна «Дельфин». Неважно, что американские матросы высадились без ведома и разрешения мексиканских властей, высадились к тому же в районе гражданской войны. Неважно, что, несмотря на совершенно законное их задержание, правительство

¹¹ W. Wilson. A. History of the American People N. Y. Harpers, 1902, t. V, p. 270.

¹² См. подробности: Скотт Ниринг и Джефф Фримен, Дипломатия доллара. Л., 1926 г., стр. 74.

Хуэрты извинилось перед американским— и устно и письменно,—президент Вильсон потребовал от конгресса (парламента) одобрения на «применение военных сил САСШ в форме и в пределах, необходимых для того, чтобы добиться от ген. Хуэрты и его сторонников полного признания прав и достоинства Соединенных штатов».

За этим последовали высадка американских войск на мексиканской территории и захват важнейшей мексиканской гавани— Вера-Круц. «Достоинство» САСШ было удовлетворено. Нефтяного капитала—тоже.

IV

Пред'явить заведомо невыполнимое для другого государства требование и затем начать войну, выставляя его же нарушителем мира и «законных требований»,—таков один из классических приемов империалистических хищников. 24 октября 1909 г. во время свидания русского императора с итальянским королем в итальянском местечке Раккониджи подписывается русско-итальянский договор, согласно 5-й статье которого ¹³ «Италия и Россия обязуются относиться благосклонно, первая— к интересам русских в вопросе о проливах, вторая— к интересам итальянцев в Триполитании и Киренаике». А так как еще раньше на основании секретной переписки 14—16 декабря 1900 г. и соглашения между Италией и Францией от 1 ноября 1902 г. ¹⁴ были признаны «обоюдные интересы обеих наций в Триполитанской Киренаике и в Марокко» и каждой из них взаимно гарантирована «возможность свободно расширять свою сферу влияния в вышеназванных областях в тот момент, который она сочтет для себя удобным», то руки Италии для захвата Триполи были развязаны. Дело было за небольшим—только за Турцией, поскольку Триполитания была не чем иным, как давнишней турецкой провинцией. А потому в ночь с 26 на 27 сентября 1911 г. итальянское правительство обращается к турецкому с телеграммой, из которой последнее узнает, что «Триполитания и Киренаика находятся в состоянии беспорядка» и что там «царит опасная для итальянских подданных агитация», вслед-

ствие чего итальянское правительство «решило приступить к военной оккупации Триполитании и Киренаики». «Это решение — единственное, на котором Италия может остановиться, и королевское правительство ожидает, что императорское (турецкое) правительство даст соответствующие распоряжения, чтобы не встретилось со стороны местных турецких представителей никакого противодействия». Срок для ответа Турции был дан 24 часа. Естественно неудовлетворенное турецким ответом итальянское правительство днем позже объявляет, что «так как отношения мира и дружбы между обеими странами прерваны, то Италия считает себя находящейся с этого момента в состоянии войны с Турцией».

Остроумней других реагировала на это Германия — союзник Италии,—пожелавшая в лице императора Вильгельма II своему итальянскому «другу» успеха в его триполитанской аванюре в нижеследующих выражениях: «Когда делается гадость, надо, чтобы она удалась» ¹⁵.

28 июня 1914 г. раздался организованный русско-сербской военной кликой «сараевский выстрел» (см. ниже, гл. 8). Австро-германская дипломатия приступает к сочинению грозного ультиматума Сербии. 10 июня (т. е. за 2 недели до ультиматума) Чиршкий, германский посол в Вене, телеграфирует своему правительству: «Главной заботой здесь в настоящее время является формулировка соответствующих требований к Сербии». «Если бы сербы приняли все поставленные требования, то это был бы для Бертольда (австрийский министр иностранных дел) чрезвычайно неприятный исход». Он ломает себе голову еще над тем, какие можно было бы поставить Сербии требования, приемлемость которых была бы совершенно исключена. Находчивый германский император этим не затрудняется и охотно дает Австрии практический совет: «Очистить Санджак (т. е. занятый Сербией после войны 1912 г. с Турцией Ново-базарский округ)! Тогда свалка немедленно налицо!» ¹⁶.

Поощряемый своим правительством, Чиршкий разворачивает дальше свою «плодотворную» деятельность. «Все частные беседы фон-Чиршкого, — пишет в своих мемуарах бывший австрийский министр

¹³ Текст договора см. в сб. «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—14 гг.», М., 1922 г., стр. 298.

¹⁴ См. его текст в сб. Ключников и Сабанин, «Международная политика новейш. врем. в договорах, нотатх декларациях», М., 1925 г., вып. 1-й, стр. 303.

¹⁵ Жорж Луи. Записки посла, М., 1925 г., стр. 35.

¹⁶ К. Каутский, Как возникла мировая война, М., 1924 г., стр. 90—91.

иностранных дел Чернин¹⁷, — сводились в то время к общему мотиву — «теперь или никогда!» Несомненно, что германский посол толковал свои слова в том смысле, что Германия в данный момент готова поддержать его слова всем своим влиянием и всей своей силой, но что он сомневается в том, что она так поступит и в будущем, если мы проглотим «сербскую пощечину».

Но уже 14 июля Чиршкий мог успокоить своего берлинского повелителя и его компанию: «Нота будет средактирована так, что Сербия почти наверняка не сможет ее принять»¹⁸. И нота была «средактирована», вручена... и война началась.

V

Пограничные стычки, «случайно» начинающиеся, столь же «случайно» разгорающиеся, чтобы перейти затем в организованную войну, часто служат способом начала империалистической бойни. Один из многих примеров — начало 1-й балканской войны в октябре 1912 г., когда стравленные «империалистическими лисицами» руководители балканского «курятника» (выражение Ленина) готовы были броситься друг на друга. Нехватало только «приличного» повода для драки.

Македонские комитаджи и пограничные болгарские и сербские (черногорские) посты начинают проявлять повышенную активность. Банды Санданского и Чернопеева, пограничная стража в Драмском санджаке (посты Джадиз и Бреза), у Карабунара, в долине Струмы, у Кривы и Гевгели повторно переходят турецкую границу¹⁹, доходя (на черногорской границе) до разрушения целых селений²⁰.

В ответ на это турецкие воинские части переходят в нескольких пунктах границы союзников. Разыгрываются (например 14 октября) кровопролитные сражения (около Враньи у Ристоваца, у Мердара) при участии до 20.000 штыков²¹.

17 октября 1912 г. в один и тот же день объявляется война как балканскими союзниками, так и Турцией. 2-й пункт турецко-

¹⁷ О. Чернин. В дни мировой войны, М., 1923 г., стр. 26.

¹⁸ Каутский, Как возникла мировая война, стр. 93.

¹⁹ Wagner. Vers la victoire avec les armées bulgares, P., 1913, p. 99, 212, 213.

²⁰ Lauzanne. Au chevet de la Turquie, P., 1913, p. 35—36.

²¹ Vagby. Les victoires serbes P., 1913, p. 37.

го объявления гласит: «Ежедневные нападения (со стороны болгар—сербов) на турецкие посты и позиции на всем протяженных границах». 3-й пункт болгаро-сербской декларации отмечает: «Турецкие атаки, в нарушение международных правил, против болгарских и сербских аванпостов»²². Словом, пограничные стычки послужили для обеих сторон убедительным аргументом для доказательства «вынужденного» для каждой из них обращения к войне, поскольку, по завету Бисмарка, даже «победоносные войны только тогда легко оправдать, когда эти войны являются вынужденными» (или вернее — кажутся таковыми).

VI

Прямой захват вооруженной силой (проще говоря, дневной грабеж) города, гавани, района, являющегося объектом соответствующих империалистических притязаний, бывает также одной из форм начала войны. Из воспоминаний гр. С. Ю. Витте мы узнаем, что 23 ноября 1896 г. под председательством Николая II на секретном совещании в Петербурге обсуждался доклад русского посла в Константинополе Нелидова. «Нелидов в этом заседании развивал ту мысль, что в ближайшем времени произойдут в Турецкой империи катастрофы, и в предупреждение того положения, в котором может очутиться Россия, следует захватить Верхний Босфор, вызвав, если окажется нужным, такие события, которые давали бы нам право и возможность это совершить»²³.

Предложение это было не ново; так, еще и раньше (при Александре II и III) аналогичные проекты защищались ген. Обручевым и Куропаткиным. Витте на совещании 1896 г. высказался категорически против константинопольской авантюры. Однако Николай II согласился с предложением Нелидова, и были разработаны даже технические подробности осуществления захвата Босфора, вплоть до условной телеграммы Нелидова, которая должна была служить сигналом к началу военных операций, и до назначения дежурного чиновника для немедленной передачи этой телеграммы военно-морским властям. Затем под давлением влиятельнейших придворных кругов (вел. князь Владимир Алек-

²² Jahrbuch des Völkergesichts, В. II, Н. I, 1914, № XII и XIII.

²³ Витте, Воспоминания. Царствование Николая II, т. I, стр. 88—92.

сандрович, Победоносцев) босфорский проект был временно оставлен, хотя периодически ставился в порядок дня (см. например выступление Извольского 21 января 1908 г., докладную записку Сазонова от 23 ноября 1913 г. или совещание 21 февраля 1914 г. о «мерах подготовки возможного выступления на проливах») ²⁴.

Практический отсюда вывод и результат — трагикомические перипетии русско-турецких переговоров в августе 1914 г., когда турецкое правительство неожиданно предложило русскому свой союз против государств германо-австрийского блока, а Петербург, для которого, по выражению М. Н. Покровского, «без участия в войне Турции, и притом против России, игра не стоила свеч», упорно уклонялся от турецких об'ятий, явно стремясь превратить новоявленного союзника во врага ²⁵.

Не хуже, впрочем, петербургских политиков рассуждали и в Лондоне. Так, в вышедших в 1919 г. воспоминаниях бывшего руководителя английского флота лорда Фишера содержится нижеследующее выразительное признание: «Еще в 1908 г. я предложил королю «to Copenhagen the German fleet», т. е. внезапно напасть во время мира на германский флот, как это некогда сделали англичане с датским флотом, стоявшим на копенгагенском рейде» ²⁶.

От «великих» не отстают и «малые» — стоит только вспомнить болгарское начало 2-й балканской войны, предпринятой из-за раздела турецкого наследства. 25 февраля 1913 г. русский министр иностранных дел Сазонов телеграфирует посланнику в Софии ²⁷: «Греческий министр иностранных дел жаловался, что Болгария пытается возможно распространить свою оккупацию и направляет войска в районы, занятые греками вокруг Салоник. Учащаются кровавые стычки между греками и болгарями. По сведениям нашего телеграфного агентства, болгары во вторник вечером атаковали Нигриту значительными силами. Сражение продолжалось в четверг и в пятницу, причем обе стороны понесли тяжелые потери».

²⁴ См. подробности в сб. «Константинополь в проливах», изд. НКВД, М., 1925 г., вып. I и II, см. также Покровский, Три совещания в сб. «Империалистическая война», стр. 103—111.

²⁵ Сб. «Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. мин. иностр. дел» М., 1924 г., стр. 56 и сл.

²⁶ Мемуары герм. флота «контр-адмирала» М. 1923 г., стр. 9 и сл.

²⁷ «Оранжевая книга» № 136, 1919 г.

Аналогичные события разворачиваются и на сербском фронте. Однако подобные бои, продолжавшиеся по нескольку дней, протекают под покровом «союзных» отношений. Воюющие на деле стороны скромно говорят об «опасных течениях, угрожающих прочности Балканского союза», делают друг другу «братские призывы», держат армии мобилизованными и производят их перегруппировку, оставаясь (на словах) «глубоко убежденными в необходимости и плодотворности союза, который до сих пор давал столь благоприятные результаты» ²⁸. 11 мая русское посольство сообщает: «По полученным сведениям, болгары, с одной стороны, перешли в наступление через Ангисту, с другой — через Струму и заняли ее, оттеснив греков. Афинский кабинет в большом беспокойстве просит Сербию о помощи» ²⁹. После длительных дискуссий, угроз и несостоявшегося арбитража наступает 17/30 июня. Во время заседания сербской скупщины в Белграде получается телеграмма: «В 2 часа болгары напали на сербские войска от Интиба до Злетова, т. е. по всей линии Овчьего поля, а также и по линии других позиций» ³⁰. Выясняется в тот же день, что «болгары атаковали не только Сербский фронт, но и Греческий» ³¹. Затем дополнительно выясняется, что в сфере сербской оккупации произошла не стычка, а весьма серьезное сражение; причем на слабо защищенные позиции сербской III армии болгары ночью внезапно двинули все свои войска в количестве 90.000 чел. ³². По обнаруженным впоследствии документам ³³ установлено, что нападение было организовано болгарской военной кликой (царь Фердинанд, главнокомандующий Савов и К^о), рассчитывавшей в своем «преступном безумии» (выражение бывш. болгарского премьера Гешова) поставить Европу и союзников захватом спорных территорий перед совершившимся фактом. Имеются, впрочем, сведения ³⁴, что совершенно такие же планы имелись и у сербского правительства (ср. например напечатанное 25 июня 1913 г. в

²⁸ Jahrbuch des Völkerrechts, № XLIII.

²⁹ «Оранжевая книга», № 173.

³⁰ Там же, № 272.

³¹ «Зеленая книга румынск. мин. иностр. дел» № 167, 1913 г.

³² «Оранжевая книга» № 167, 1913 г.

³³ Гешов, Балканский союз. Воспоминания и документы, т. II, 1915 г. стр. 67—70; его же — Преступное безумие и анкета о нем.

³⁴ Enquête dans les Balkans, P. 1914, p. 189, 204.

газете «Мир» сербское объявление войны с рукописной датой (15 июня) и у греческого, еще раньше (14 июня — по данным аякеты Института Карнеджи), изготовившего такое же объявление. В конечном итоге после недели боев и потери 40 000 убитыми и ранеными болгары, греки и сербы констатировали (25/VI—8/VII 1913 г.), что они находятся «в состоянии войны», а отнюдь не в «союзных» и «братских» переговорах.

VII

Факт вооруженного нападения — далеко не единственная для современности форма начала военных действий; в условиях экономики и техники сегодняшней войны достаточно пустить в ход механизм всеобщей мобилизации, чтобы война была уже фактически начавшейся. Отсюда — исключительное внимание всех правительственных кругов к иностранным мобилизационным декретам и переходящие в прямую уголовщину способы борьбы за таковые со стороны местных милитаристских групп. Яркая иллюстрация — поведение русского генерального штаба накануне «последней» империалистической войны. Характеристику его мы находим в «Воспоминаниях» ген. Сухомлинова, бывш. русского военного министра, и в записке (дневнике) русского министерства иностранных дел, опубликованной в «Красном архиве».

24 июля 1914 г. (н. ст.), т. е. ровно за неделю до германского объявления войны, петербургский совет министров решает объявить мобилизацию четырех военных округов, а также обоих флотов — Черноморского и Балтийского³⁵. Совершенно ясно, что мобилизация Балтийского флота никакого отношения к австро-сербскому конфликту не могла иметь и была не чем иным, как подготовкой войны с Германией³⁶. Когда Германия реагировала на мобилизационные мероприятия России резким протестом, 29 июля (н. ст.) на экстренном совещании Сазонова с Сухомлиновым и Янушкевичем (начальником генерального штаба) «по всестороннему обсуждению положения оба министра и начальник генерального штаба пришли к заключению, что ввиду малого вероятия избежать войны с Германией необходимо своевременно всячески подготовиться к таковой, а потому нельзя ри-

сковать задержать общую мобилизацию впоследствии путем выполнения ныне мобилизации частичной. Заключение совещания было тут же доложено по телефону государю императору, который изъясил согласие на отдачу соответствующих распоряжений. Известие об этом было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело».

Однако вечером Николай взял свое согласие назад, считая, очевидно, нетактичным ответить всеобщей мобилизацией на сделанное в тот же день германское предложение посредничества. На другой день утром³⁷ Сазонов упрямивает Кривошеина (наиболее влиятельного из царских министров) переубедить Николая и уговорить его вернуться ко вчерашнему решению. Сухомлинов, Янушкевич и Сазонов, собравшись на квартире у Янушкевича, по телефону уламывают Николая. Сазонов отправляется на аудиенцию к царю и уговаривается с Янушкевичем немедленно по получении согласия Николая протелефонировать ему об этом из Петергофа. После этого, — сказал Янушкевич, — я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации³⁸. Убедив после часового разговора Николая в германском «коварстве» и «вероломстве», Сазонов вырвал у него снова согласие на мобилизацию. «Передав высочайшее повеление ожидавшему его с нетерпением генералу Янушкевичу, министр, ссылаясь на утренний разговор, прибавил: «Теперь вы можете сломать телефон». А 19 июля 1914 г. (ст. ст.) гр. Пурталес, германский посол в Петербурге, вручал Сазонову ноту с объявлением войны³⁹. В ней указывалось, что в результате произведенной Россией «мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил... Германская империя оказалась перед серьезной и непосредственной опасностью. Если бы императорское правительство не приняло мер к предотвращению этой опасности, оно подорвало бы безопасность и самое существование Германии» и т. д.

Телефон «замолчал», но зато пушки заговорили во-всю...

³⁵ «Красный архив», т. IV, стр. 8.

³⁶ Покровский, Как возникла мировая война, сб. «Империалистическая война», стр. 144 и сл.

³⁷ «Красный архив», стр. 22.

³⁸ «Красный архив», стр. 29—30.

³⁹ «Оранжевая книга», № 76, 1914 г.

Убийство агента иностранного правительства или главы государства либо спровоцированное, либо непосредственно организованное другим заинтересованным правительством,— излюбленный метод империалистической провокации войны.

В XVI томе сборника германской дипломатической корреспонденции («Die grosse Politik») находятся интересные документы, проливающие свет на участие Германии в попытках раздела Китая и захвате китайского порта Киао-Чао. 4 ноября 1897 г. в провинции Шандунь были убиты 2 германских миссионера. Получив известие об этом, Вильгельм II пишет своему канцлеру фон-Булову: «Вчера я получил официальное сообщение о нападении, убийстве и ограблении немецкой миссионерской станции Шентжоу-фоу в Шандуне. Итак, наконец китайцы дали нам, так давно желанное основание и случай». Германская эскадра занимает Киао-Чао, и бесспорный Китай (только что перенесший войну с Японией) вынужден подчиниться всем германским требованиям.

Но самое громкое по своим последствиям провокационное убийство — это «сараевский выстрел», послуживший поводом для «последней» мировой империалистической войны.

28 июня 1914 г. в Сараеве сербский гимназист Принцип тремя выстрелами из револьвера убил австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену герцогиню Гогенберг⁴⁰.

Данные судебного следствия и позднейшие разоблачения установили, что Принцип, Габринович и другие его сообщники были только техническими исполнителями заговора, организованного в Сербии виднейшими участниками общественно-патриотической организации «Народна одбрапа» и связанной с ней тайной военно-террористической лиги «Уедньен или смерть», больше известной под названием «Черной руки»⁴¹.

Обе организации находились в самой тесной связи с верхушкой сербского правительственного аппарата. В них участвовали виднейшие руководители сербской армии и дипломатического ведомства. Фак-

⁴⁰ Подробное описание убийства, равно как и другие фактические данные, см. Н. Полетяка, Сараевское убийство, гл. I и др., Л., 1930 г.

⁴¹ Там же, гл. IV.

тически «Черная рука» в годы, предшествовавшие войне, играла роль второго правительства Сербии. В качестве иллюстрации ее значения достаточно указать на дворцовый переворот 27 марта 1909 г., открывший путь к престолу младшему принцу Александру за счет старшего (Георга), или личный прием Александром одного из убийц (Габриновича) за 3 месяца до «сараевского выстрела». Наконец самый показательный в этом отношении факт, признанный как сербским правительством, так и официальными его историками⁴², заключается в том, что главным вдохновителем убийства и одновременно руководителем «Черной руки» был полковник Драгутин-Димитриевич, начальник контрразведывательного отдела сербского генерального штаба.

Самая переброска убийц из Сербии в Боснию (Сараево) и снабжение их оружием не обошлись без ближайшего содействия сербских правительственных агентов, начиная с военных властей и кончая таможенными чиновниками. Более того—причастным к этому, говоря уголовным жаргоном, «мокрому делу» оказался и сам глава сербского правительства престарелый Пашич. В 1924 г. в изданном в Белграде сборнике «Крв Словенска» напечатана была статья Любы Иовановича, одного из лидеров сербской радикальной партии, бывшего министра в кабинете Пашича и основателя «Народной одбраны». В ней Иованович делает следующее признание, оговариваясь, что «еще не наступило время для открытия всего»: «Не помню, в конце ли мая или в начале июня, в один прекрасный день Пашич сказал нам (он советовался по этому делу более подробно со Стояном Протичем, бывшим тогда министром внутренних дел, но нижеизложенное он сказал и всем остальным), что некоторые люди собираются поехать в Сараево, чтобы убить Франца-Фердинанда. Пашич и все мы сказали, а Стоян Протич согласился, что он должен отправить инструкции пограничным властям на реке Дрине, чтобы помешать переходу реки молодежью, которая уже отправилась с этой целью из Белграда. Но пограничные власти сами принадлежали к организации и не исполнили инструкции Стояна, а донесли ему, как он впоследствии сообщил нам,

⁴² См. например S. Stanojevitsch, Die Ermordung des Erzherzogs Franz-Ferdinand in Sarajevo. Frankf., 1923.

что инструкции пришли к ним слишком поздно, так как молодежь уже успела совершить переправу. Так не удалась попытка правительства предотвратить подготавливавшееся покушение. Точно так же не удалась попытка нашего посла в Вене, предпринятая им по собственной инициативе, отвлечь эрцгерцога от рокового пути, на который он собирался вступить. Смерть эрцгерцога произошла в обстоятельствах, более ужасных, чем те, которые были предусмотрены (?!), и с такими последствиями, о которых никто не смел и помыслить...»⁴³.

Все замечательно в этом полупризнании. И полная осведомленность сербского правительства о подготавливаемом убийстве, и попытка заранее себя выгородить (доказать алиби) — «запоздавшее» распоряжение, «неуслышанное» предостережение, — все, кроме того, что действительно могло бы остановить убийство и убийц. Из статьи бывшего сербского посланника в Берлине Богичевича оказывается, что сербское предостережение было весьма специфического свойства: австрийское правительство было извещено об угрожавшей эрцгерцогу опасности «на маневрах». Маневры кончились, как известно, вполне благополучно, и эрцгерцог имел все основания вследствие сербской информации считать опасность миновавшей. А в это самое время в «мирном» Сараеве за ним охотились десятки убийц, и весь город представлял собой зловещую для него ловушку: по дороге в Быстрик была спрятана бомба в кустах; под обеденным его столом обнаружена адская машина; другая — в дымоходе его спальни; склад бомб — в Илидзе и т. д.⁴⁴.

Но сербские правители были слишком мелкими, чтобы позволить себе такую большую подлость, как провокацию всемирной империалистической войны без того, чтобы не иметь за своей спиной чью-то мощную покровительственную руку. «О сараевском убийстве, совершенном по приказанию Аписа (конспиративная кличка полковника Дмитриевича) и его двух друзей, — пишет в своих разоблачениях Никола Ненадович⁴⁵, — знали русский военный атташе (в Белграде) Артамонов, русский посол Гартвиг, министр-президент Пашич и нынешний король Алек-

сандр». Это подтверждается показанием Дмитриевича на салоникском процессе («двое русских знали о подготавливаемом заговоре») и упомянутой выше полуофициальной сербской книгой профессора белградского университета Станоевича. Последний, выгораживая заговорщиков, пишет: «Полковник Дмитриевич после свидания императора Вильгельма с эрцгерцогом Францем-Фердинандом в Конопиште (12—13 июня 1914 г.) получил секретное сообщение от русского генерального штаба о том, что русским правительством получены точные сведения о характере и целях этого свидания... Германия одобрила план нападения Австро-Венгрии на Сербию и завоевания ее и обещала свою помощь и поддержку. Другие сведения, полученные одновременно полковником Дмитриевичем, подтвердили правильность сообщений русского генерального штаба... Среди сербского общества были распространены фантастические и возбуждающие слухи по поводу решений, принятых на свидании двух монархов в Конопиште; всеми овладела страшная нервозность, и воздух был насыщен электричеством».

Как видим, и здесь русский генеральный штаб не постеснялся для провокации войны прибегнуть к фальшивке. Если трудно согласиться с фон-Яговым, утверждающим в своей книге «Причины и начало мировой войны», что единственной целью свидания в Конопиште были «цветы» — «наследник престола желал показать своему другу-императору расцвет роз в его, особенно любимом им, богемском имени», — то нет оснований не верить секретному сообщению русского посла в Вене Шебеко, доносившего 13/26 июня 1914 г. Сазонову: «Во время свидания в Конопиште, которое посвящено было, по видимому, главным образом морским вопросам, как оказывается подвергся также обсуждению и румынский, причем со стороны императора Вильгельма были сделаны успокоительные заверения, основанные на воодушевляющих будто бы короля Карла чувствах глубокой преданности личности императора Франца-Иосифа и главе дома Гогенцоллернов. Более пессимистично отнесся император Вильгельм к будущему. Исчезновение с политической арены короля Карла, по его мнению, может сильно отозваться на направлении внешней политики Румынии и повести к заключению союзов, на которые нынешний король никогда не согласится. Ввиду этого вопрос

⁴³ М. Покровский. Как готовилась война, об. «Империалистическая война», стр. 164.

⁴⁴ Полетика, — стр. 28.

⁴⁵ Н. Ненадович. Тайне београдске камарице, «Fédération Balcanique», № 3, 1924 г.

об укреплении австро-венгерской границы с Румынией должен быть решен в утвердительном смысле»⁴⁶.

Наконец показания полковника Божина Симича, личного друга и ближайшего сотрудника Дмитриевича, напечатанные во французском журнале «Clarté» (май 1925 г.), подтверждают полностью конопиштскую фальшивку и военную провокацию русского генштаба: «Апис счел долгом посоветоваться с Артамоновым, прежде чем приступить к действиям. Он посвятил последнего в ход приготовлений к заговору. Русский военный атташе на несколько дней отложил свой ответ. Текстуально этот ответ гласил: «Marchez, si l'op vous attaque, vous ne segez pas seuls» («Действуйте, если вас атакуют, вы не останетесь одни»). В нескольких других выражениях, но одинаково по существу, охарактеризовал положение упомянутый выше сербский министр Люба Йованович. несколько дней спустя после покушения констатировавший, что «русская пресса, которая, как известно, наперед выражает мнение русского правительства, дружелюбно отнеслась к Сербии. Россия не отняла своей руки, а за Россией придут ее друзья. К этому шло, и так оно вышло».

Еще рельефнее обрисовывается русская кровавая интрига на фоне материалов, обнародованных трудами Комиссии ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма. Из напечатанного в I томе документов письма русского председателя совета министров Коковцева к сербскому премьеру Пашичу (от 7 февраля 1914 г.) мы узнаем⁴⁷, что еще в 1910 г. сербские офицерские организации получили от русского правительства (с единственным обеспечением, по выражению Коковцева, — «нравственной ответственностью») — кредит в размере 4.000.000 фр. Но этого мало. 2 февраля 1914 г. Пашич обращается с личным письмом к Сазонову, в котором просит срочно отпустить сербскому правительству 120 тыс. руб., 24 бомбомета, 36 горных орудий с необходимым запасом снарядов, а также обмундирование на 250 тыс. солдат и необходимый материал для телеграфов, телефонов, равно как для четырех станций беспроволочного телеграфа. «Все означенное вооружение должно

быть отпущено Сербии к ближайшей весне». По «высочайшему распоряжению» сербская заявка была в основном удовлетворена, и признательный Пашич просит «повергнуть к стопам государя императора глубокую благодарность за всемилостивейшее благоприятное разрешение вопроса о винтовках и патронах»⁴⁸.

Если ко всему этому прибавить майскую (1914 г.) беседу французского посла в Петербурге Палеолога⁴⁹ с «влиятельным членом русского государственного совета» «о неминуемом» и близком разделе Австро-Венгрии, июньское русско-румынское свидание в Констанце (14 июня), во время которого Сазонов задал «пораженному» Братиану вопрос: «Каково было бы отношение Румынии к вооруженному столкновению между Россией и Австро-Венгрией, если бы первая из них была бы вынуждена обстоятельствами начать военные действия», признания Сухомлинова, показания Колчака и многое другое, то тайные замыслы русской военной партии становятся явными до прозрачности...

Имеются косвенные данные о том, что нити, приведшие к «сараевскому выстрелу», не оканчивались в Петербурге, но тянулись и в некоторые другие столицы. Так например, в XI томе английских официальных документов о возникновении войны⁵⁰ воспроизведена запись беседы английского товарища министра иностранных дел Никольсона с сербским послом Бошковицем по поводу статьи от 11 июля 1914 г. в одной из английских газет, напечатанной членом парламента Боттомли, утверждавшем в ней, что «тайное разведывательное бюро при сербском посольстве (в Лондоне) было посвящено в планы убийства эрцгерцога... 15 июля сэр А. Никольсон устно осведомил посла, что подобная судебная процедура (привлечение автора статьи к судебной ответственности) может кончиться неудачей».

Рассчитывать на что-нибудь большее, кроме случайной нескромности, при современном положении политических архивов в капиталистических государствах не приходится.

⁴⁶ «Международные отношения в эпоху империализма», М.—Л., серия III, т. I, № 161 и серия III, т. IV, №№ 74, 274.

⁴⁶ Покровский, Как возникла мировая война, стр. 139—140.

⁴⁷ «Международные отношения в эпоху империализма», М.—Л., 1931 г., серия III, т. I, № 196.

⁴⁸ Покровский, Как возникла мировая война, стр. 137.

⁵⁰ «British Documents on the origins of the War», vol. XI, № 47.

Зато весьма выразительны те усилия, которые предпринимались отдельными правительствами, и в первую очередь сербским, к сокрытию сараевских следов.

25 апреля 1926 г. на партийном съезде сербской радикальной партии Пашич выступил с заявлением, что «он ничего не знал и ничего не говорил о покушении Иовановичу» и что, опубликовав свою статью, последний поступил «непростительно». Иованович защищал свои утверждения, заявив при этом, что у него имеются другие доказательства истинности своих заявлений, но он не публикует их, не желая вредить Пашичу и партии. Но он готов представить эти доказательства в виде официальных документов, если правительство «даст свое разрешение на опубликование последних». В ответ на это предложение премьер-министр Узунович и министр иностранных дел Пинчич обратились оба к Иовановичу с просьбой не приводить своей угрозы в исполнение, «чтобы не было сказано то, что не должно быть сказано».

Здесь кстати следует упомянуть о постановлениях мирных договоров 1919—1920 гг., согласно которым *все захваченные Германией и ее союзниками архивы должны быть выданы победителям и кроме того, что особенно любопытно, Австрия и Венгрия запрещено опубликование документов из своих архивов, касающихся политики австро-венгерского правительства по отношению к Югославии, Румынии и другим государствам—наследникам Австро-Венгрии—без разрешения этих государств.* А как последние понимают предоставленное им право, видно хотя бы из того, что *румынское правительство отложило опубликование этих документов до 1996 г. (!).*

Но если одни рты, пытавшиеся сказать долю правды о сараевском убийстве, закрыты, так сказать, в дипломатическом порядке, то в отношении других были приняты другие, более серьезные мероприятия. В декабре 1916 года сербский совет министров вынес постановление об аресте всех членов «Черной руки» «ввиду замышленного ими открытия Салоникского фронта австрийским и немецким войскам». Наспех состряпанное обвинение выглядело настолько чудовищным и нелепым, что к началу судебного процесса (в салоникском военном суде) оно было заменено другим.

«Черная рука» обвинялась на этот раз в «террористических, разрушительных и революционных целях», в организации

«сильнейших и продолжительнейших внутрисударственных кризисов», в попытках «ниспровержения» существующего государственного строя, в убийствах, разбоях, грабежах и в покушении на самого Александра и Пашича.

11 апреля 1917 г. начался салоникский процесс⁵¹ — блестящий образчик комедии буржуазного правосудия, — охарактеризованный бывшим сербским поверенным в делах в Берлине Богивичем как «судебное убийство». Несмотря на то, что единственным существенным аргументом обвинения были показания провокатора Цигановича и что почти все обвинения были явно фальшивы и надуманны (начальники контрразведки и генштабисты в роли революционеров!), суд вынес обвинительный вердикт, приговорив Д. Димитриеви́ча и 8 других его соратников по «Черной руке» к смертной казни, а остальных — к долгосрочному тюремному заключению. Несмотря на заступничество трех правительств (английского, французского и русского), Димитриеви́ч был казнен.

Этой казни предшествовал министерский кризис, вызванный отставкой министров Давидовича, Драшковича и Маринковича, отказавшихся санкционировать смертный приговор. Принц-регент составил однородный кабинет из членов радикальной партии (Пашича), решивший сразу участь осужденных.

Для вящей свободы действий новое правительство начало с новой фальшивки (какой по счету?), задержав на салоникском телеграфе просьбы союзных правительств о помиловании Димитриеви́ча.

26 июня 1917 г. приговор был приведен в исполнение, причем власти настолько торопились, что на месте казни осужденным пришлось ждать рассвета, так как из-за темноты солдаты не могли стрелять.

В последних словах своего завещания Димитриеви́ч писал: «Я умираю невинно, в убеждении, что моя смерть нужна Сербии из высших соображений». Действительно, трудно объяснить казнь вождя заговора 1903 г., которому династия Карагеоргиевичей обязана своим тронem, все-сильного временщика, начальника контрразведки, руководителя «Черной руки», фактического убийцы Франца-Фердинанда, иначе, как желанием сербской олигар-

⁵¹ «Тайная превратная организация». Солун, 1918. Bogichevitch, «Le procès de Salonique», P., 1927.

хия избавиться от человека, который знал слишком много ее тайн и на рубеже 1917 года, в момент налаживания секретных переговоров о мире между Австрией и Антантой, казался поэтому особенно опасным.

Любопытный исторический штрих: оправдываясь в расстреле Димитриевича, сербское правительство впервые официально признало в своем ответе английскому, что Димитриевич — подлинный организатор сараевского убийства и что якобы поэтому он именно и не мог быть помилован⁵². Заявление pristine пикантное, поскольку исходит от тех самых кругов, которые Принципа и Габриновича превратили в национальных героев сербского «освобождения», а их соучастников наградили государственной пенсией.

Другая подробность сербских политических нравов: на смену «Черной руке» немедленно выросла под пагронажем того же Александра военно-фашистская организация «Белой руки», глава которой ген. Живкович выступил впоследствии организатором фашистского переворота 1928 г.

IX

Начиная самые настоящие военные действия, капиталистические государства часто сознательно избегают называть свои операции «войной» (по соображениям внутренней политики, во избежание претензий третьих государств, для одурачивания «общественного мнения» и т. д.).

Так например все колониальные войны, которые вела Франция при Третьей республике, чаще всего назывались благозвучным словом «репрессалии» и начинались даже без того минимума внешних форм, которыми обычно обставляется начало войны. Захват Туниса в 1881 г. именовался «экспедицией», франко-китайская война 1884 г. — «Тонкинской экспедицией» и «блокадой», захват Мадагаскара в 1895 г. был охарактеризован как полицейская «мера против разбойников», и т. д. Целевую установку этих мероприятий достаточно ясно определил тогдашний глава французского правительства Ж. Ферри в телеграмме на имя своего командующего морскими силами адмирала Курбэ: «Усвойте хорошенько нашу мысль — надо произвести устрашающее впечатление, как можно большее, без объявления войны...»⁵³. В те-

зисах о войне и военной опасности, принятых пленумом ИККИ на заседании 29 мая 1927 г., дан исчерпывающий за 10-летие 1917—1927 гг. перечень так называемых «малых войн», в числе прочих своих особенностей обходящихся без декоративного оформления «великой войны». В нем фигурируют: борьба между Германией и Польшей из-за Верхней Силезии, вооруженное занятие Фюме итальянскими фашистами, греко-турецкая война из-за Смирны, военные столкновения между балканскими государствами, нападение Чехии и Румынии на советскую Венгрию, антисоветская интервенция 1918—1920 гг., франко-бельгийская оккупация Рура, война Франции с риффами в Марокко и с друзьями — в Сирии и международная интервенция против Китая.

Последний по времени образец применения этой тактики — японские военные действия в Манчжурии и в Шанхае в 1931 и 1932 гг.

Развернув в сентябре 1931 г. на широком фронте военные операции в Манчжурии и оккупировав своими войсками большую часть этой области, японское правительство дало определенную мотивировку своих военных действий. Официально японское сообщение, переданное Лиге наций 23 сентября 1931 г., гласит так:

«Так как ввиду тревожного положения, создавшегося вследствие присутствия недисциплинированных банд и поведения населения в некоторых районах Манчжурии, незначительные силы, которыми мы там располагали, признаны были недостаточными, чтобы обеспечить действительную защиту железнодорожных путей и резидентов японских и иностранных, то 39-й армейский корпус был переведен 21 сентября из Кореи в Манчжурию».

День спустя (24 сентября) в декларации японского правительства дано было более «развернутое» пояснение:

«Поведение должностных лиц и частных граждан⁵⁴ в Китае в течение последних лет было таково, что наши национальные чувства часто оказывались задетыми. В частности прискорбные инциденты последовательно имели место в различных районах Манчжурии и Монголии, в которых Япония особенно заинтересована. В созданной таким образом атмосфере беспо-

⁵² Seton Watson, The Murder of Sarajevo, «Foreign Affairs», avril, 1925 г.

⁵³ Котляревский, Правовое государство и внешняя политика, М., 1909 г., стр. 181.

⁵⁴ «Europe Nouvelle» № 712, p. 1352, 1931 г.

рядков и тревоги отряд китайских войск уничтожил пути Южно-манчжурской железной дороги, по соседству с Мукденом, и атаковал в ночь на 18 сентября нашу железнодорожную охрану. Тогда произошло столкновение между японскими и китайскими войсками».

18 января 1932 г., по официальной версии доклада анкетной комиссии Лиги наций от 6 февраля 1932 г.⁵⁵, 5 японцев подверглись избиению в Чапее со стороны китайской толпы. На это японцы 20 января ответили поджогом зданий и избиением китайских полицейских. В тот же день на собрании японских резидентов в Шанхае принимается обращение к японскому правительству о присылке военных судов и войск «для полного пресечения антияпонского движения». Японский консул в тот же день потребовал от шанхайского мэра: 1) извинения, 2) ареста виновных, 3) уплаты денежного вознаграждения, 4) «действительного контроля над антияпонским движением» и 5) немедленного роспуска всех антияпонских организаций. После некоторых колебаний 28 января шанхайский муниципалитет принял все японские требования. Несмотря на это, в тот же день командующий японской эскадрой выпустил объявление, в котором сообщал, что «японский флот, чрезвычайно озабоченный положением в Чапее, где проживает значительное количество японских уроженцев, решил высадить войска в этом районе, чтобы обеспечить там порядок и соблюдение закона». Поэтому китайским властям предлагалось приступить немедленно к выводу китайских войск из Чапея. Последние фактически в течение нескольких часов, разумеется, не могли быть уведены, и японцы в ту же ночь приступили к вооруженному занятию Чапейского квартала.

Этим боем открылись «шанхайские события» с бомбардировкой города, с воздушными, морскими и сухопутными сражениями, с тысячными жертвами.

На почтительную критику Лиги наций, позволившей себе намекнуть, что неплохо было бы, если б Япония обратилась к ее посредничеству, последовала японская реплика в виде декларации от 23 февраля 1932 г.⁵⁶, гласившей: «Является общепризнанной аксиомой, что ни один договор о мирной процедуре не составляет препят-

ствия к осуществлению права на законную самооборону».

И пока во имя этой «самообороны» японские суда, артиллерия и самолеты громили китайские кварталы Шанхая, представители Японии и Китая (оба — члены Лиги наций) «дружественно» заседали за Женевским столом и обменивались каталосладкими речами.

Х

Один за другим рассмотрели мы те приемы, при помощи которых империалистические государства либо сами начинают войну, либо сознательно провоцируют на такую своего намеченного противника. Если такова методика взаимоотношений между капиталистическими государствами, то с тем большим основанием можем мы ожидать применения этих и еще худших методов в отношении империалистических государств, вернее их господствующих классов, к Советскому союзу. «Мы живем не только в государстве, — говорил на VIII съезде РКП Ленин⁵⁷, — но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немислимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен».

Поэтому Ленин со всей категоричностью указывал на IX всероссийском съезде советов, что «первой заповедью нашей политики, первым уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, — это быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске»⁵⁸.

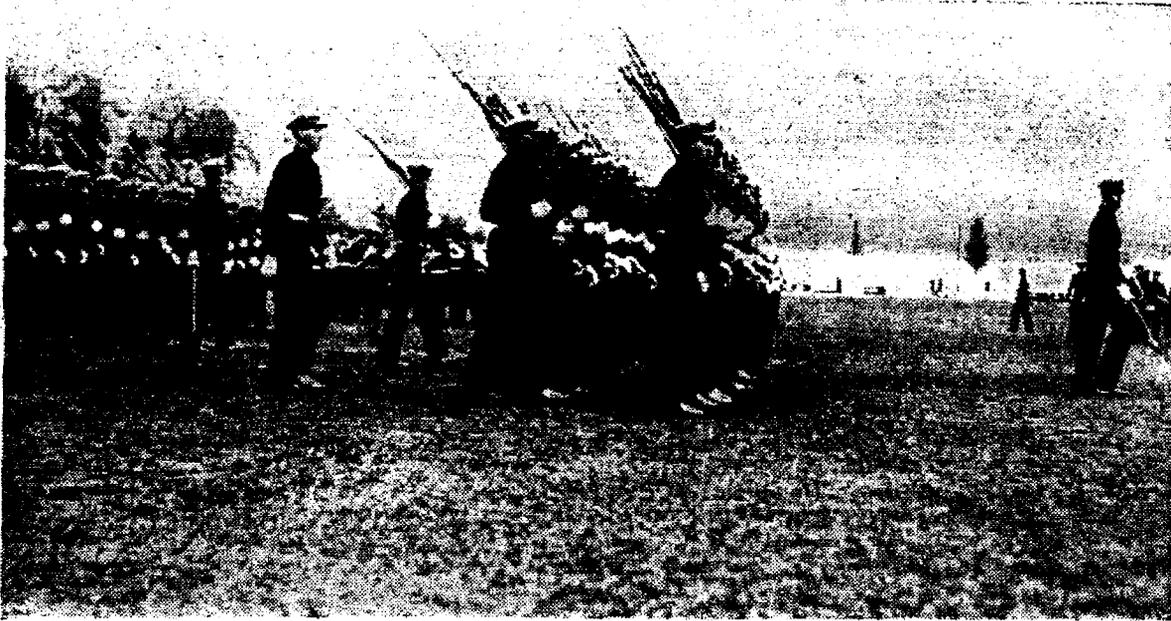
И пятнадцать лет борьбы и существования советского государства полностью оправдали ленинский прогноз. Вместо одной «эмской депешки» мы встретились с десятками и сотнями антисоветских фальшивок (материалы, послужившие для керзонских нот, «письмо Зиновьева», дело Доссера, «письмо Раковского», американ-

⁵⁵ «Europe Nouvelle» № 731, p. 216 — 218. 1932 г.

⁵⁶ «Europe Nouvelle» № 734, p. 317. 1932 г.

⁵⁷ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 122; см. также Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 125. изд. 9-е.

⁵⁸ Ленин, т. XXVII, стр. 117.

ВОЕННОЕ ВООРУЖЕНИЕ САШ. ПАРАД МОРСКОЙ АКАДЕМИИ. САМОЛЕТЫ АВИАПОРТА В НЬЮ-ЙОРКЕ

ские фальшивки, болгарские, польские и проч.).

Вместо старой дипломатической «кустарщины» мы столкнулись с организованным изготовлением фальшивок «фабричным способом»: берлинская фабрика Дружеловского, венская — Якубовича, лондонская — Сниклтона и другие ⁶⁹. Несмотря на раз-

⁶⁹ См. сб. «Антиевропейские водители», изд. НКВД М., 1926 г.

личные качества этих «изделий» и различную их судьбу, все они одинаково пахли золотом и кровью: золотом — их социально-го и индивидуального заказчика, кровью — тех столкновений, в которые при их помощи международный капитал хотел ввергнуть народы и государства (например ультиматум Керзона, англо-советский разрыв 1927 г., налет на КВЖД и т. д.).

Мы ознакомились близко с провокацией путем предъявления заведомо неприемле-

мых требований, вроде требования о вводе в Москву батальона германских войск для охраны посольства (после убийства Мирбаха) или ультиматумов и полуультиматумов Керзона и Чемберлена.

Нас провоцировали и пограничными налетами белогвардейских и фашистских банд (на финляндской, польской и дальневосточной границах) и обысками в берлинском, в лондонском торгпредствах, в пекинском полпредстве, многократными арестами и истязаниями их сотрудников. Мы испытали и прямой захватнический налет (не говоря уже о событиях периода интервенции и блокады) китайских милитаристов и их высоких покровителей на КВЖД.

Наконец редкий год проходил для нас без «сараевского выстрела»: достаточно вспомнить убийства гг. Воровского, Войкова и ряд других жертв нашего дипломатического фронта, с одной стороны, покушения и заговоры—Ванека (на японского посла в Москве), выстрелы Штерна (в германского), вплоть до убийства «необольшевником» белобандитом Горгуловым французского президента Думера — с другой. Твердо отстаивая завоевания революции и неуклонно проводя мирную политику, «нам удалось отстоять мир, не дав врагам вовлечь себя в конфликты, несмотря на ряд провокационных актов и авантюристские наскоки поджигателей войны».

Опасности прошлого, угрозы военного столкновения не только не уменьшаются, но непрерывно и неуклонно возрастают, отображая как дальнейшее углубление мирового экономического кризиса в странах капитала, так и реакцию мирового империализма на грандиозный размах и достижения социалистического строительства в СССР (вторая пятилетка, построение бесклассового общества). «Обнажаются и обостряются противоречия между важнейшими империалистическими странами». «Обнажаются и будут обостряться противоречия между странами-победительницами и странами побежденными». «Обнажаются и обостряются противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами».

Обнажились и обострились противоречия между буржуазией и пролетариатом в капиталистических странах. «Это значит, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции».

Соответственно этому «опасность войны будет нарастать ускоренным темпом»⁶⁰. «Главной и основной тенденцией в политике империалистических держав является тенденция к окружению СССР и к контрреволюционной войне против него с целью его удушения и создания всемирного буржуазно-террористического режима»⁶¹.

Отсюда последовательное, доведенное до конца разоблачение всех и всяких явных и скрытых попыток военной провокации приобретает первостепенное значение как одно из средств активной борьбы с международной контрреволюцией, борьбы за мировую Октябрь и Советскую страну как его авангард.

«Родившаяся в Октябре под знаком борьбы с империалистической войной, она в течение десяти лет была тяжелой гирей, висевшей на шее европейских империалистов, мешая им бросить трудящиеся массы друг на друга. Эту роль она может выполнить и в будущем при условии поддержки ее политики международным рабочим классом»⁶².

Успешность этой поддержки зависит от сплоченности и революционности международного пролетариата, от силы и удельного веса братских компартий. А это в свою очередь неотделимо от последовательной борьбы с международным социалфашизмом, — агентурой империалистической буржуазии в среде рабочего класса, с его идеологией — «формой подчинения пролетариата идеологическому влиянию буржуазии», с его внутренней и внешней политикой, «маской, необходимой для прикрытия подготовки новых войн».

Этой политике мы противопоставляем другую: «из империалистической войны, из империалистического мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество» (Ленин)⁶³.

Е. Коровиц

⁶⁰ Сталин, Политотчет на XVI съезде ВКП(б) — Вопросы ленинизма, стр. 492 и сл.

⁶¹ Программа Коминтерна, разд. X, § 2.

⁶² Тезисы о войне и военной опасности, приняты пленумом ИККИ 29 мая 1927 г.

⁶³ Ленин, т. XIII, стр. 368, изд. 1-е.

Безработные портовые рабочие в Штеттине

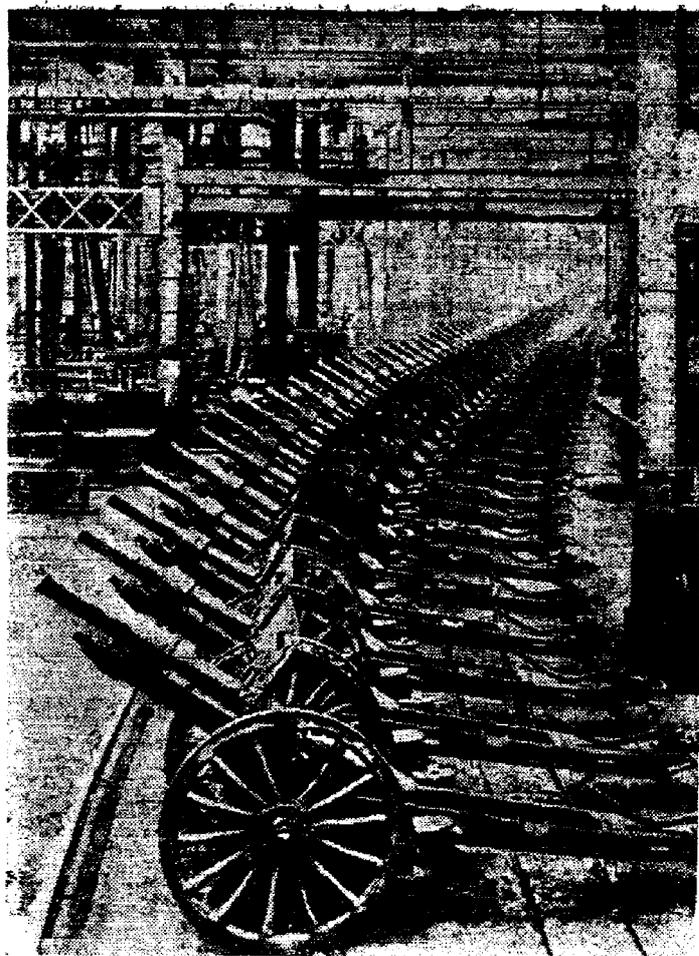
...ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО БУРЖУАЗИЯ БУДЕТ ИСКАТЬ ВЫХОДА В НОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ И ИНТЕРВЕНЦИИ...

СТАЛИН

Безработные в Лодзке спят под мостами

О РАЗОРУЖИТЕЛЬНЫХ конференциях

ЖЕНЕВА и ГААГА

Грандиозный спектакль, который разыгрывается на наших глазах в Женеве и который носит название «конференции по ограничению и сокращению вооружений», слишком затянулся и стал утомлять как его участников, так и зрителей, ту часть народной массы капиталистических стран, которая еще продолжает оставаться в гнилых, но хитросплетенных сетях буржуазного пацифизма. Объявляется длительный антракт. Женевский спектакль можно считать импровизацией лишь в том смысле, что трагикомическое раскрытие сюжета происходит неожиданно для широкой публики, в основном же роли тщательно разработаны за кулисами империалистской политики и имеют своим основанием большой практический опыт, накопленный буржуазией в условиях послеверсальских противоречий и подготовки ею новой империалистической войны.

Многочисленные сессии подготовительных комиссий, предшествовавшие созыву конференции по разоружению, в этом — политическом, а не техническом смысле — суть не только простые репетиции боль-

шого действия, задуманного к постановке на женевских подмостках: своими историческими корнями они уходят в те годы мировой империалистической войны, когда вильсоновская фразеология призвана была для прикрытия подготовки подлинных условий империалистического мира. Этот мир принес с собой новое обострение империалистических противоречий, в условиях которых идет напряженная подготовка войны против Советского союза. Бесконечные подготовительные заседания имели своей целью тихим журчанием пацифистских речей усыпить бдительность масс, словами о разоружении отвлечь внимание от неслыханных темпов роста сухопутных, морских и воздушных вооружений (единственная область, в которой капиталистический мир преуспевает даже в условиях кризиса), словами о мире, зафиксированными в многочисленных пактах, прикрыть несомненные факты подготовки новой империалистической войны и антисоветской интервенции и, ссылаясь на необходимость защиты «национальной безопасности», укреплять силы для ожесто-

ченной борьбы с пролетарской революцией, назревающей в капиталистических странах, и с национально-освободительным движением в колониальных странах, напряженно готовится к будущей вооруженной схватке за новый передел мира.

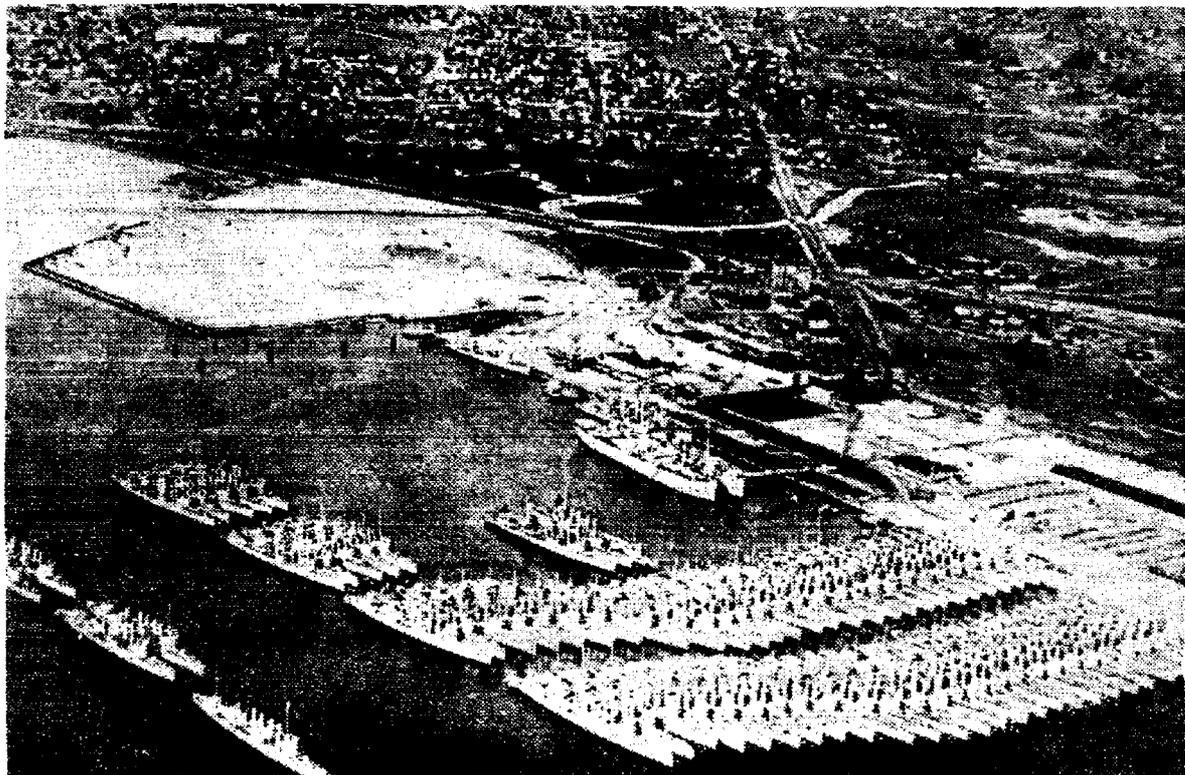
Нетрудно убедиться, что вся история послевоенных переговоров о разоружении является лишь обратной, показной, стороной не только роста вооружений, подлинные размеры которых всячески скрывают империалистские государства, но и того обострения империалистских противоречий, которое проходит в условиях всеобщего кризиса послевоенного капитализма, того процесса перегруппировки сил, который проходит на арене международной политики послевоенного периода. В этом смысле можно согласиться со словами одного из персонажей Женевской комедии, испанского представителя Сальвадора де Мадериага, который в своей книге «Разоружение» глубокомысленно заметил: «На самом деле проблема разоружения — не проблема разоружения».

Действительно, размеры вооружений капиталистических государств далеко превосходят максимальные размеры довоенного периода, а бесконечным конвейером переговоров о разоружении каждое из империалистских правительств пытается обмануть трудящегося налогоплательщика, создать условия для своего дальнейшего вооружения, подготовить наиболее благоприятные условия для будущей войны. В искренности

постановки вопроса о разоружении сомневаться не приходится лишь тогда, когда одно империалистское государство имеет в виду разоружение своего настоящего или возможного соперника и противника. Из этой сложности обстановки, в которой протекают послевоенные переговоры о разоружении или — что то же — борьба за вооружение для новой войны, самым непосредственным образом следует и сложность тех методов, которые империалистским государствам приходится применять в этой борьбе. Отсюда следует и своеобразие аргументов, которые приходится привлекать для обоснования своей позиции и сокрытия истинных ее основ.

Французский империализм, который стремится консолидировать Версальскую систему, утвердить свою гегемонию в Европе и непосредственно руководить антисоветской интервенцией, ссылается на «специальные условия французской национальной обороны» и добивается признания, что его армия, самая многочисленная в Европе, его могущественный воздушный флот, его морские силы, существенную роль в которых играют многочисленные и усовершенствованные подводные лодки — все это недостаточно для охраны французских границ.

«Таков этап, — гласит официальный меморандум, представленный в Лигу наций 15 июля 1931 г., — который... Франция уже проделала по собственной инициативе для сокращения и ограничения вооружений и который сводит последние к уровню, кажущемуся

Истребители
САСШ в гавани
Сан-Диего

муса ей совместимым с национальной безопасностью в теперешних условиях Европы и мира».

В дальнейшем французский империализм не остановился перед недвусмысленной угрозой срыва переговоров в случае, если в практическую плоскость будет поставлен вопрос о предоставлении побежденным странам — и прежде всего Германии — права на свободное вооружение, выходящее за пределы, установленные Версальским и другими послевоенными договорами. Единственным условием, выставленным в самом начале работ конференции, при котором французский империализм признавал возможность некоторого «сокращения» своих вооружений, являлось требование международной гарантии его позиций в послеверсальской Европе и передачи вооруженных сил в руки Лиги наций. Таким образом это «пацифистское» предложение имело в виду не более и не менее, как предоставление французскому генеральному штабу большой международной армии для концентрированного удара против Советского союза, а также для борьбы с антиверсальским движением.

Неудивительно, что это выступление французского империализма встретило поддержку со стороны всех военных вассалов Франции, готовых к нападению на Страну советов, всех охранителей версальской системы, которые в качестве аргумента для увеличения своих материальных вооружений ссылаются на необходимость предварительной борьбы за «моральное разоружение». Польша считает невозможным уменьшить свою армию даже на одного солдата до той минуты, пока не будет уничтожен во всем мире последний оловянный солдатик из арсенала детских игрушек...

Но если Франция борется за свое военное превосходство в Европе, то ее империалистская соперница — Италия — требует паритета по всем видам вооружений, а так как она ограничена недостаточностью своих финансовых ресурсов, то естественно выступает за снижение размеров французских вооружений. Это сближает Италию с позицией Германии, которая выступает с требованием «равноправия», т. е. ревизии соответствующего раздела Версальского договора, ограничившего размеры германских вооружений и установившего решительное военное преобладание Франции и ее вассалов.

Также несомненно заинтересованы в уменьшении французского военно-политического влияния в Европе и Соединенные штаты, которые сами тратят на свои вооружения, на свою армию и флот большие суммы, чем любое другое империалистское государство, которые под прикрытием переговоров о разоружении осуществляют свою большую военную судостроительную программу, но которые, вынужденные считаться с огромным дефицитом, пытаются укрепить свои позиции за счет снижения размеров соответствующих категорий морских вооружений Великобритании и размеров сухопутных вооружений и подводного флота Франции.

Это встречает яростное сопротивление со стороны английского империализма, который заинтересован в сохранении своего морского превосходства (линейный и крейсерский флот), но готов поддержать требование об уменьшении размеров тех категорий вооружений, которые создают могущество ее империалистских соперников — Соединенных штатов, Франции и Японии (подводные лодки, военная авиация и др.). Созванная наконец в условиях обострения мирового экономического кризиса и под гулкий аккомпанемент орудийной канонады японо-китайской войны конференция по разоружению показала картину всей глубины и непримиримости империалистских противоречий и в течение своей затянувшейся работы продемонстрировала те специфические методы, к которым прибегает империализм, когда он вынужден вести игру на пацифистских иллюзиях масс. Эти иллюзии достаточно широко эксплуатируются империализмом, не менее широко, чем в эпоху подготовки мировой войны 1914—1918 гг.

Довоенный буржуазный пацифизм с торжеством указывал, что после первой Гаагской конференции 1899 г. до 1911 г. между различными правительствами было заключено более двухсот договоров о мирном третейском разбирательстве споров, не считая всяких иных соглашений аналогичного смысла. Но это не мешало конечно почти непрерывным вспышкам вооруженных конфликтов и наконец возникновению мировой войны. В договорах и пактах между капиталистическими государствами — и при этом до созыва конференции по разоружению — и в послевоенную эпоху недостатка нет.

«Сто тридцать восемь двусторонних договоров о мирном улажении споров, предусма-

привающих методы примирительной процедуры и арбитража или судебного расследования, были зарегистрированы различными правительствами в Лиге наций в Женеве.— пишет известный американский журналист Вильям Терри.— Сверх того, 14 стран, включая Францию и Великобританию, приняли генеральный акт Лиги наций, определяющий мирные методы, посредством которых подписывающие его державы обязуются изыскивать улажнение всех споров. Тридцать четыре страны, включая главные державы Лиги, ратифицировали «опциональную статью» Международного трибунала, по которой они соглашаются, что трибунал будет иметь юрисдикцию во всех спорах юридического характера, возникающих между ними. Но все это огромное количество соглашений об арбитраже и безопасности, которое было принято, — меланхолически заключает В. Терри, — не вызвало сокращения вооружений ни на одного солдата и ни на одну пушку».

Затянувшиеся переговоры на конференции по разоружению дают для империалистов одно несомненное преимущество: возможность под прикрытием этих переговоров, отвлекая ими внимание масс, прикрывая ими свои истинные цели, продолжать политику вооружений. С этим самым тесным образом связаны и методы работ конференции — эти бесконечные и глубокомысленные дискуссии по вопросу о том, что такое танк, что такое пушка и являются ли они орудиями наступления или обороны. Целая армия военных экспертов бесплодно спорит об «идее танка» и политическим противоречиям между своими капиталистическими государствами придают такую сложную форму, что, когда известному математику Альберту Эйнштейну недавно был предложен документ с различными исчислениями этих военных экспертов, он заявил о своей неспособности разобратся в этой сумасшедшей пляске цифр. Вместе с тем, пользуясь этой затяжкой конференции, каждое из капиталистических правительств подготавливает общественное мнение своей страны к провалу дела разоружения и изыскивает возможность снять с себя ответственность и возложить ее на другую группировку и прежде всего на Советский союз.

Однако советская делегация, исходя из основных принципов внешней политики пролетарского государства, последовательно разоблачала и неуклонно продолжает

разоблачать все хитроумные маневры империалистических государств. Представители Советского союза выступили с четким и ясным проектом полного разоружения, но это предложение было отвергнуто капиталистическими государствами. Также отвергнут был и детально разработанный советский проект о частичном разоружении. Борьба советского правительства за мир встречает сочувствие и полную поддержку со стороны рабочих и трудящихся, со стороны всех истинных друзей мира и противников империалистской войны. И когда некоторое время назад одна западноевропейская буржуазная газета писала, что своим проектом всеобщего разоружения советское правительство ничего нового не говорит, а лишь продолжает традицию старой царской политики, нашедшей свое отражение на Гаагской конференции 1899 г., то это свидетельствует не только о невежестве буржуазного органа, а прежде всего конечно о попытке скомпрометировать принципиальную политическую линию Советского союза, его последовательную и решительную борьбу за мир.

Гаагскую довоенную «разоружительную» конференцию 1899 г. следует рассматривать как выражение обостряющихся империалистских противоречий в борьбе за передел мира, как этапы в подготовке мировой империалистской войны 1914—1918 гг. Вместе с тем можно довольно отчетливо нащупать не только некоторую аналогию, но и общность в методах и целях, которые усвоены были в империалистской практике гаагских конференций и которые в уточненной форме развертываются теперь на Женевской конференции применительно к новым, гораздо более сложным, условиям. Исторический опыт сказался тут не только в методах империалистского саботажа советской программы подлинного разоружения, но и в использовании империализмом самой идеи разоружения для утверждения своего дальнейшего классового господства, для укрепления своих позиций в подготавливаемой империалистской войне.

Попытка империалистского использования идеи разоружения отнюдь не нова, она появилась вместе с быстрым ростом милитаризма и маринизма, в эпоху, когда заканчивался империалистский раздел мира и начиналась подготовка к борьбе за его передел. Инициатором первого «пацифистского» предложения о сокращении размеров вооружений обычно считают царское

правительство. Когда русский министр иностранных дел Муравьев от имени Николая II обратился 24 августа (н. ст.) 1898 г. ко всем правительствам о предложении созвать конференцию для обсуждения вопроса о том, «каким образом можно было бы положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства и предупредить угрожающее всему миру несчастье», то все буржуазные пацифистские организации представили это как совершенно неожиданное выступление, открывающее непосредственную возможность для уничтожения империалистского соперничества и прекращения войн.

В действительности же идея созыва международной конференции по сокращению вооружений в 90-х годах прошлого века, так сказать, носилась в воздухе и даже разрабатывалась в руководящих буржуазных политических кругах Западной Европы. Первые проекты английского премьер-министра Сольсбери относятся к 1891 г. и отражают в себе попытки британской политики, тогда предпочитавшей еще состояние «блестящей изолированности», закрепить свое руководящее положение в Европе замедлением роста вооружений своих соперников на континенте. В 1894 г. британское правительство сочло даже возможным сделать России совершенно секретное предложение о созыве конференции по сокращению вооружений, при том однако непременно условии, чтобы формально инициатива исходила от Петербурга. Царская политика тогда поспешила отказать от предлагаемой ей роли: «Выгадает от этого, — писал Александр III, — только одна Англия, у которой армия самая незначительная, а флот громадный, который, конечно, никогда Англия не согласится уменьшить». В дальнейшем более или менее аналогичные проекты создавались и обсуждались в руководящих политических кругах европейских держав, причем чертой, позволяющей установить некоторую общность всех этих проектов, являлось предположение добиться некоторого снижения вооружений своего возможного соперника или настоящего противника.

Это не мешало конечно и даже предполагало, что вокруг подобных проектов создавалась обычно известная пацифистская шумиха, которая приняла особенно большие размеры в связи с выступлением царского правительства в 1898 г. Материалы, сохранившиеся в делах бывш. царского ми-

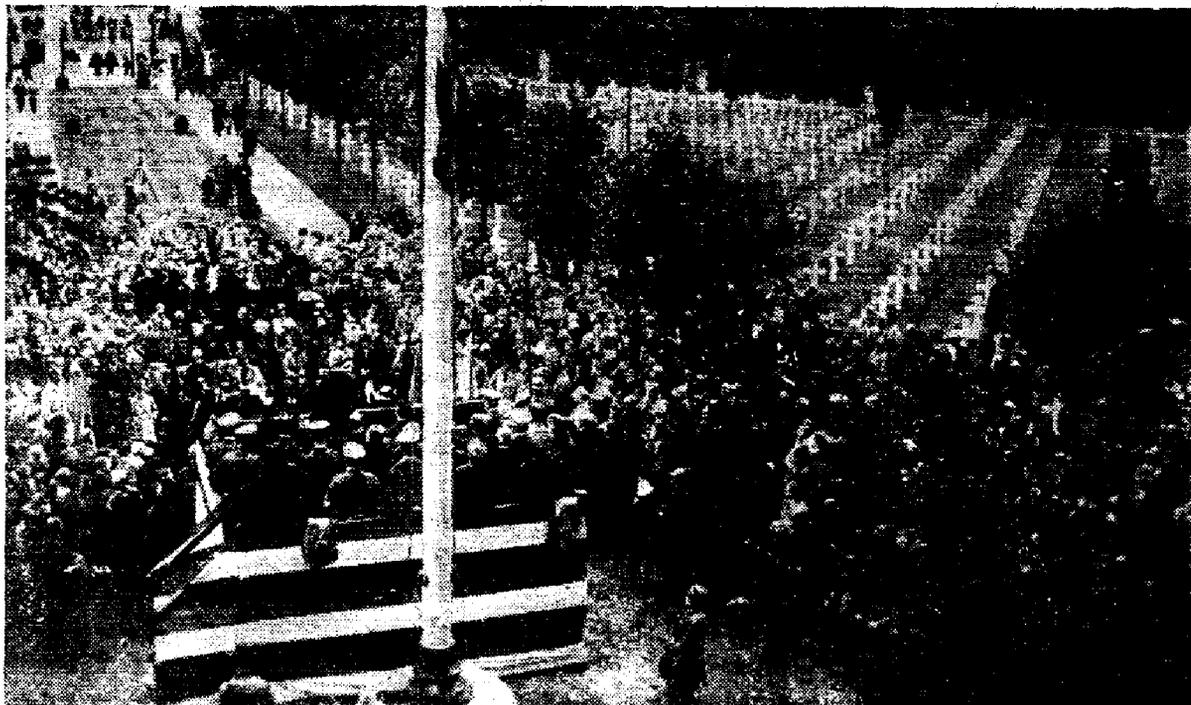
нистерства иностранных дел, дают достаточно полное представление о той большой предварительной работе, которую царское правительство проделало в отношении соответствующей обработки общественного мнения как в России, так и за границей, устанавливая связи с большой европейской и американской прессой и особенно рассчитывая на кампанию буржуазных пацифистских организаций.

Несомненно, именно в расчете на эту кампанию царское правительство, усвоив отнюдь несвойственную ему пацифистскую фразеологию, писало в разосланном всем иностранным правительствам и широко опубликованном циркуляре:

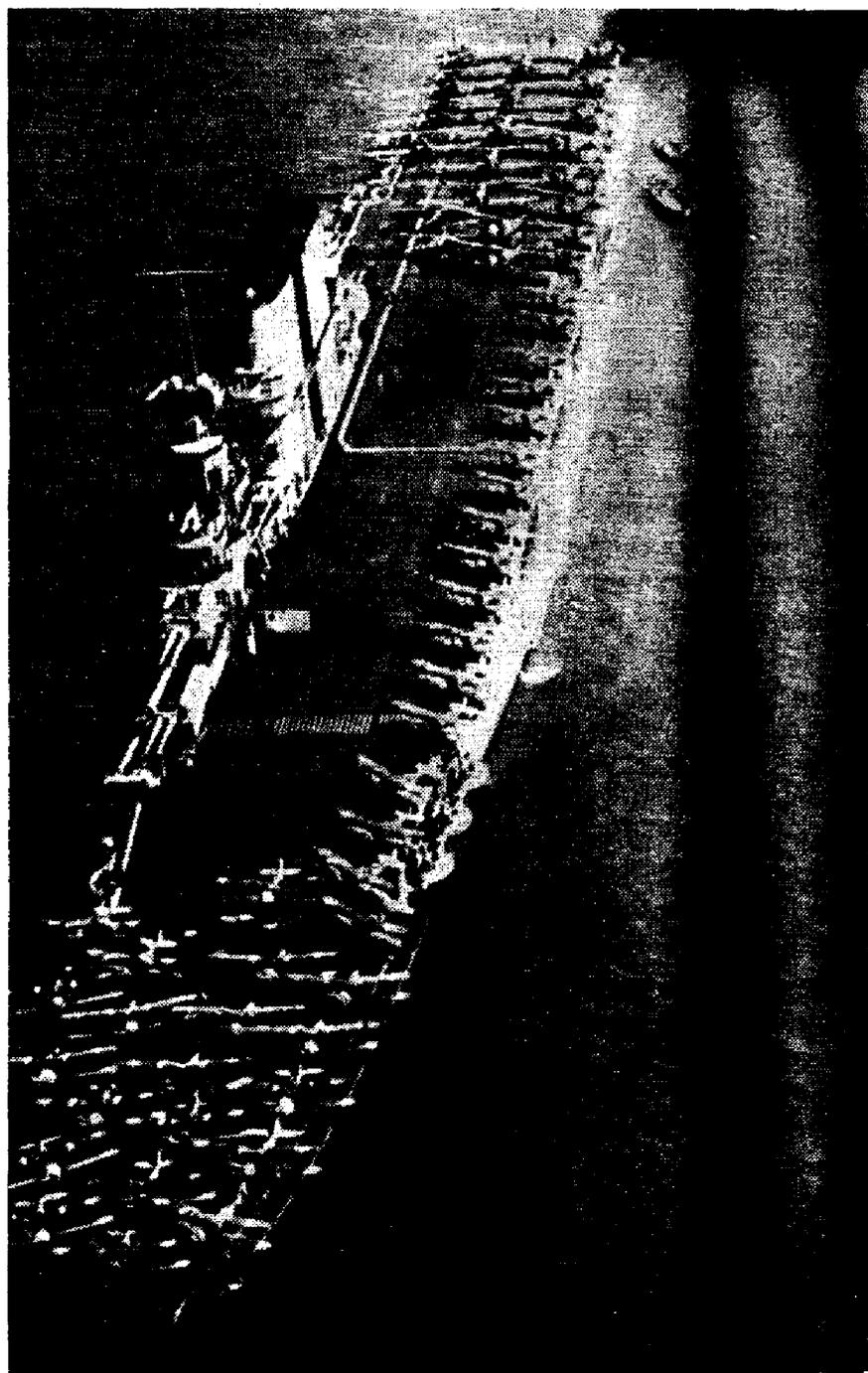
«Духовные и физические силы народа, труд и капитал отвлечены большей своей частью от естественного своего назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходятся на приобретение страшных средств истребления... Национальная культура, хозяйственный прогресс, общее благосостояние — все это пресекается или направляется по ложному пути. Экономические кризисы, — говорится далее в циркуляре, — вызываются в значительной части системой крайних вооружений, а постоянная опасность, которая заложена в этом уровне размеров военных материалов, превращает армии наших дней в нестерпимое бремя, которое народы все более и более лишь с трудом могут снести».

И выступая с предложением ко всем державам собраться на конференцию для обсуждения вопроса о сокращении вооружений, царский циркуляр заключал: «Эта конференция должна стать с божьей помощью благоприятным предзнаменованием грядущего (т. е. XX) столетия». Неплохое пророчество относительно столетия, открывшегося резким обострением империалистских противоречий, вызвавших мировую войну! Но в одном отношении это пророчество особенно удачно: — созванная по инициативе царского правительства Гагская конференция и по объективному смыслу своему, и по результатам, и по методам борьбы и соперничества действительно оказалась историческим предшественником конференции, которая спустя 33 года собралась в Женеве.

Хотя и не в таком огромном количестве, как теперь, когда все подвалы Лиги наций наполнены макулатурой в виде многопудовых пацифистских петиций, в частности организованных II интернационалом, созыв

*Могилы американских легионеров
в Париже. Внизу — американская
авиоматка*

**..ИМПЕРИАЛИЗМ ПОСТАВИЛ НА
КАРТУ СУДЬБУ ЕВРОПЕЙСКОЙ
КУЛЬТУРЫ; ЗА ДАННОЙ ВОЙНОЙ,
ЕСЛИ НЕ БУДЕТ РЯДА УСПЕШНЫХ
РЕВОЛЮЦИЙ, ПОСЛЕДУЮТ ВСЯ-
КИЕ ДРУГИЕ ВОЙНЫ, — СКАЗКА О
ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЕ ЕСТЬ ПУСТАЯ,
ВРЕДНАЯ СКАЗКА**

ЛЕНИН

первой Гаагской конференции сопровождался большой петиционной кампанией. «Пацифисты торжествовали: они были единственными из тех, кто сумел правильно оценить значение циркуляра, — пишет один из безвестных пацифистских историков пацифистского движения, — между тем как известный германский историк Моммзен назвал царский манифест «печаткой мировой истории».

Это определение, пользовавшееся большим успехом, несомненно отражало в себе известное и даже нескрываемое раздражение правящих кругов Германии против выступления русского правительства. Раздражение это было тем более сильно, что руководящие круги европейской политики, прекрасно понимая политическую цель «пацифистского» выступления царского правительства, все же вынуждены были принять участие в комедии, автор которой пытался играть главную роль, использовать предстоящую конференцию в своих собственных политических целях.

Поспешность, с которой сочло необходимым выступить царское правительство, определялась общей политической обстановкой. Это был момент крайнего обострения англо-французских противоречий, достигшего своего предела в Фашодском столкновении, — обострения, которое грозило и неподготовленную царскую Россию вовлечь в вооруженный конфликт. С другой стороны, в результате испано-американской войны Соединенные штаты, захватив Филиппинские острова, повели широкое империалистское наступление на Дальнем Востоке, где к тому времени царская Россия захватила достаточно сильные позиции и готовилась к дальнейшей экспансии. Это устремление царской политики на Дальний Восток требовало известной гарантии со стороны западной границы, откуда угрожала Германия, которая не только приступила к осуществлению своей грандиозной морской судостроительной программы (направленной прежде всего против Англии), но и только что провела увеличение постоянного состава своей армии и ввела новую скорострельную пушку. Далее царское правительство получило сведения о быстром перевооружении и укреплении австрийской артиллерии, и вынуждено было констатировать, что при недостатке материальных средств оно не может быстро укрепить соответственным образом свою артиллерию. Но прежде всего царская Рос-

сия как на Дальнем Востоке, так и вообще по всей линии своей политики сталкивалась со своим вековым соперником — Англией, которая отнюдь не собиралась сдавать свои военно-морские позиции, укрепляющие ее роль в мировой политике. Плохое состояние русских финансов, колоссальнейшие затраты, которыми царское правительство должно было поддерживать свою дальневосточную экспансию, постройка сибирской дороги, а также других дорог, имеющих стратегическое значение, потребности усиления военного флота и т. д. — все это ставило перед петербургской политикой задачу попытаться выйти из положения путем обходного маневра: увеличение своей военной мощи предполагалось частично возможным за счет некоторого снижения вооружения соперников. Муравьеву и Витте, который был тогда министром финансов, использование идеи сокращения вооружений казалось тогда выходом из положения, и в результате внутренней борьбы с руководящими военными кругами этот проект победил: автором первого в эпоху империализма манифеста, призывающего к сокращению вооружений, был не кто иной, как генеральный прокурор синода, реакционер и мракобес Победоносцев, этот подлинный духовный отец позднейших империалистских разоружительных проектов.

Цели царского проекта сокращения вооружений выступают достаточно отчетливо в постановлении специального совещания, состоявшегося под председательством военного министра Куропаткина.

«Для нас, инициаторов нынешнего проекта о сокращении вооружений, — говорится в этом постановлении, — необходимым является выступить на конференции с предложением положительного свойства по всем пунктам циркуляра. Рассматриваемый вопрос может быть разрешен с заметной для нас выгодой, если обратиться к статистике, к процентному отношению вооруженных сил к общему количеству населения и военного бюджета к бюджету государственному. Эта сторона вопроса дает нам решительное преимущество над нашими западными соседями. Уменьшение процента, — говорится далее, — отношения мирного или военного состава войск к населению, или даже числа обученных к общему числу подлежащих военной повинности, послужит к прямой нашей выгоде,

т. к. в этом отношении мы стоим позади главных государств Европы»¹.

В инструкции, которую царское правительство выработало для своей делегации в Гааге, самым точным и недвусмысленным образом указывалось на необходимость отстаивать возможное сокращение тех категорий вооружений, которые отсутствуют или имеются лишь в недостаточной степени в царской армии, и наоборот всячески противостоять попыткам сокращения тех категорий, которыми царская армия достаточно обеспечена. Еще более в этом отношении характерны те предложения, носящие по внешней видимости технический характер, которые имели в виду снизить военно-морскую мощь британского империализма.

Программа Гаагской конференции, предложенная царским правительством, заключала в себе пункты не только о сокращении вооружений, но и о нормах регулирования войны, а также о третейском разбирательстве как средстве мирного улажения конфликтов. И хотя Муравьев уверял в Берлине, что на конференции «всякие вопросы политического порядка должны быть совершенно исключены, что вообще конгресс должен предоставить лишь возможность для обмена мнений по вопросам военно-технического порядка», весь ход конференции по сокращению вооружений, собравшейся в Гааге 18 мая 1899 г., показал достаточно отчетливо, что эта конференция с самого начала мыслилась ее участниками как арена для обостренной, иногда даже неприкрытой никакой пацифистской фразой политической борьбы между главнейшими империалистскими державами.

Политическое значение, которое придавалось этой конференции царской политикой, не ограничивалось теми мотивами и соображениями, о которых упоминалось выше. Оно, это значение, выступает во всем своем объеме только в связи с теми широко задуманными маневрами, которые одновременно предприняла не слишком тонкая политика царской России, имея в виду организацию европейской дипломатической коалиции, направленной против Англии. Это нашло свое выражение в химерических планах Витте создания континентального франко-русско-германского блока, подрывающего господствующее значение Вели-

кобритании. «Разве это не сумасшествие, — говорил Витте германскому послу в Петербурге, — что континентальные державы все свои финансовые силы расточают, чтобы вооружиться друг против друга? В то же время Англия (а возможно также Америка и Япония) наблюдает за тем, как континент раскалывается, потирает себе по этому поводу руки и ограничивается тем, что увеличивает единственно действительное оружие для будущего мирового господства — свой флот, достигающий такого могущества, которому нет равного и который может оказаться в состоянии в нужный момент держать под ударом всю Европу и стать основой мирового владычества». «Континентальные державы, — развивал дальше свои планы Витте, — имея в виду общую опасность, угрожаемую им со стороны Англии (а впоследствии Америки и Японии), должны ответить прекращением взаимной неприязни, а большие сбережения, которые будут сделаны благодаря невозможному снижению сухопутных армий, использовать для того, чтобы усилить морские вооружения и сделать их равновеликими английским».

Таким образом, созывая Гаагскую конференцию, царское правительство пыталось организовать в Европе такую политическую комбинацию, которая предоставила бы ему возможность играть руководящую роль, а с другой стороны, пыталось добиться снижения силы английского флота, обеспечить уменьшение сухопутных вооружений своих непосредственных соседей на Западной границе — Германии и ее союзницы Австро-Венгрии.

Понятно, что все эти попытки царской политики не привели к желанному результату.

Таким образом особенно велико недовольство неожиданным «пацифистским» выступлением царизма было во Франции. «Огромная стачка рабочих, достигшая в дни моего пребывания в Париже, — писал 31 октября 1898 г. ген. Куропаткин, — наибольшего развития, вызов в Париж войск, ежедневное ожидание вооруженной борьбы с десятками тысяч рабочих, наконец, обидные для самолюбия французов результаты предприятия Маршана у Фашоды, — все это способствовало увеличению беспокойства французских властей». Не менее сильно это беспокойство определялось предположением, что осуществление русского проекта может затруднить рост французских вооружений против Германии и так

¹ Цитируемый, нигде до настоящего времени не опубликованный документ хранится в Архиве революции и внешней политики, дело № 21.739.

или иначе замедлить подготовку к реваншу, — и парижская пресса поспешила изобразить все дело как интригу, предпринятую Вильгельмом II в целях ослабления военной мощи франко-русского союза.

Заверения, данные царским правительством о том, что «мыслью, продиктованной императору его великодушный шаг, было поставить не столько вопрос о разоружении, сколько вопрос о приостановке вооружений, что ни в какой форме, наконец, политические вопросы не должны быть подняты на конференции», — все это оказалось недостаточно. Пришлось отправить в Париж со специальной миссией военного министра Куропаткина, который в своих беседах с президентом французской республики Фором, с военным министром ген. Шануаном и другими видными военными и политическими деятелями поспешил со всей циничной откровенностью рассеять раздраженное недоумение французской буржуазии. Без всяких дипломатических уверток, со всей грубоватосолдатской категоричностью ген. Куропаткин мог заявить своим парижским союзникам с глазу на глаз то, что всячески скрывалось от широкой публики, а именно, «что ни о каком разоружении не могло быть и речи; что задачи конференции отнюдь не будут затрагивать существующей военной конвенции, не будут касаться уже достигнутых во французской армии успехов технических, не будут касаться вопроса о принятии во Франции скорострельной пушки». Не удивительно, что, выслушав подобные заверения и уяснив себе истинный смысл царской «пацифистской игры, ген. Шануан неоднократно повторял: «Теперь я понял, в чем дело, и совершенно успокоился», а президент Фор, который конечно тоже наконец «понял, в чем дело», порекомендовал русскому военному министру ознакомиться с подготовительными работами французского генерального штаба, в частности с мобилизационными работами, и в заключение прямо заявил «о важности совместной с нами подготовки на случай войны». И, воспользовавшись представившейся возможностью, в Париже предложили немедленно приступить к пересмотру франко-русской военной конвенции, дополнив ее некоторыми новыми моментами относительно размеров вооруженных сил, выставляемых в случае войны против Германии. Ни Франция, ни Германия, разделяемые серьезными противоречиями, не

собирались вступать в единую политическую комбинацию, к тому же такую, в которой первенствующее значение предполагала играть Россия. Германия незадолго до этого получила секретное, но определенное предложение от Англии — заключить союз, и вместе с тем находилась еще под непосредственным впечатлением достигнутого с Англией абсолютно секретного соглашения о сферах влияния в Южной Африке, об условиях раздела португальских колоний.

Имея в виду предложения Витте, самым непосредственным образом политически связанные с предложением о созыве конференции по сокращению вооружений, Вильгельм II с нескрываемым раздражением пытался в самом конце декабря 1898 г.:

«Теперь, когда Англия мобилизована, готова, вооружена для борьбы и является более сильной, чем когда бы то ни было, он хочет организовать антианглийскую лигу... Собака зарыта в том, что у него нет больше денег! Плачевное состояние, голод и нужда, снижение размеров поступлений по доходам — все это увеличивается в стране, и именно теперь он должен создавать большой флот, чтобы вооруженным путем обеспечить неслыханную экспансию государства (на Дальний Восток). Слишком поздно, сударь! Теперь я не хочу!»

Русское предложение о заключении союза против Англии было в довольно категорических выражениях отвергнуто.

Но на Гаагскую конференцию Германия все же решила идти, чтобы использовать в своих целях пацифистские иллюзии, а также чтобы не остаться в изолированном положении. К тому же Германия вовсе не собиралась открыто рвать свои отношения с царской Россией. Русско-германские противоречия так сказать «перекрывались» все обостряющимися противоречиями между Германией и Англией, и последняя, заняв выжидательную позицию, предоставила своему сопернику — Германии — срывать все те планы, которые направлены были против нее, т. е. Англии, другим ее же политическим антагонистом — Россией.

Эту свою линию — срыва направленной против нее конференции путем стойкого выжидания и расчетливого обострения русско-германских противоречий — британская политика проводила достаточно определенно и последовательно. Когда же появились первые сведения о том, что царское правительство предполагает внести предло-

жение об обязательном третейском разбирательстве возникающих между государствами конфликтов, то первой определила свою позицию все та же Германия. Понимая, что это русское предложение облеченное в пацифистскую форму, прежде всего ставит своей целью ущемление самостоятельности и независимости английского империализма, руководящие политические круги Германии в то же время прекрасно отдавали себе отчет, что в дальнейшем этот арбитраж сможет превратиться в орудие франко-русского союза. «Для государства,—писал 12 мая 1899 г. Бюлов, тогдашний германский министр иностранных дел,—ничто не имеет более высокого значения, чем соблюдение его собственных интересов». И раскрывая подлинную природу всякой империалистской политики, Бюлов далее отмечал в цитируемом секретном письме — и это накануне открытия Гаагской мирной конференции! — что

«последнее (т. е. преследование реальных империалистских интересов) у великих держав не отождествляется с сохранением мира, но скорее с насильем по отношению к врагу и конкуренту путем хорошо сплоченной более сильной группы. Поэтому следует сделать вывод, что в расчетах русской дипломатии, если она вообще стоит на почве действительности, арсенал великих держав представляет собою в большей мере орудие силы, чем орудие мира».

Нельзя не отметить, что это было довольно верным определением подлинной роли пацифистских привесков.

Неудивительно, что вокруг этого русско-го предложения разыгралась ожесточенная борьба, которая завела Гаагскую конференцию в тупик. Царское правительство уже этим самым на первых порах добилось своей основной политической цели: оно обострило отношения между отдельными государствами, вызвало известное возбуждение в западноевропейской политической прессе и пыталось вести определенную пропаганду в том смысле, чтобы как-нибудь поднять престиж царизма. Буржуазные пацифисты своей пропагандой оказывали царизму вероятно хорошо оплачиваемую услугу. Общее положение, создавшееся на конференции, очень верно и откровенно передано было в секретном донесении руководителя германской делегации в Гааге: «Все чувствуют,—писал он 28 мая 1899 г.,—что общественное мнение ждет от

конференции результатов, хотя никто во всеобщее разоружение и не верит».

И тут, пока Германия долго размышляла о том, как выйти из положения и взять инициативу в свои руки, чтобы можно было свалить ответственность за срыв конференции, выступила на передний план английская политика со своим собственным проектом арбитражного рассмотрения конфликтов. Тактически это могло показаться присоединением к предложению, направленному против нее, но фактически это являлось использованием враждебного проекта в своих собственных интересах, маневр, столь часто применяемый империалистами и теперь в Женеве. Маневр этот был тем более безопасен, что англичане заранее дали понять, что такие вопросы, как их отношения с колониями, например с Египтом, во всяком случае не могут быть предметом третейского разбирательства.

Но главная задача английского маневра была разрешена: встретившись неожиданно с англо-русским единым фронтом в этом вопросе, изолированная Германия вынуждена была открыто заявить о неприемлемости для нее обязательного подчинения решению арбитража, и таким образом при общем удовлетворении соответствующая комиссия отказалась от сделанных предложений. Английский империализм мог торжествовать победу: он снял с себя ответственность за срыв конференции и, умело используя пацифистские лозунги, заставил и на сей раз германскую политику таскать для себя каштаны из огня.

Дабы спасти положение и окончательно не разоблачить себя, конференция приняла необязывающее решение о желательности третейского рассмотрения некоторых спорных вопросов, возникающих между отдельными государствами, но и это вызвало со стороны германского императора раздражительную резолюцию: «В своей практике я буду и в дальнейшем полагаться только на бога и на свой острый меч». Если оставить в стороне бога, который всегда приводится в движение, когда дело идет о подготовке к империалистской войне, в упоминании о роли острого меча как орудия дальнейшей империалистской политики нашло свое удачное выражение то, что имели прежде всего в виду все капиталистические участники Гаагской конференции и что имеют теперь в виду империалистские участники Женевской конференции.

Но еще большего обострения противоречия достигли тогда, когда представители царской России выступили с проектом, предусматривающим запрещение увеличения численности войск и военного бюджета на пять лет, запрещение увеличения морского бюджета сроком на три года. Это «пацифистское» выступление царизма определялось, как отчасти указывалось выше, довольно холодным политическим расчетом — приостановить перевооружение австрийской и германской армий с тем, чтобы пополнить средства для более быстрого усиления своего флота. Наряду с этим свой «пацифизм» царское правительство предполагало использовать как оружие в борьбе со все усиливающимся революционным движением рабочего класса:

«От такого положения вещей, — говорил тогда Витте, — рождаются социалистические учения и пропаганда социализма во всех ее видах в Западной Европе, что уже начинает переноситься и к нам, поэтому и со своей стороны считая величайшим благом для Европы в частности и для всего мира вообще, если будет положен предел вооружению».

А так как реально-политически этот предел царское правительство мыслило установить в части сухопутных вооружений прежде всего для Германии и Австро-Венгрии, а в части морских вооружений прежде всего для Великобритании, то понятно, что русские предложения встретили отпор со стороны главных империалистских держав и получили поддержку лишь со стороны таких мелких государств, как Швеция и Дания. Но и тут, оставаясь в тени, Англия тем самым передала инициативу наступления на русские проекты в руки Германии, которая совершенно недвусмысленно заявила о неприемлемости русских предложений, поскольку они прежде всего, в первую очередь, направлены против нее.

Любопытно, что германская политика встретила в данном вопросе полную поддержку и со стороны французского империализма: французский делегат Буржуа, присоединившись к германской аргументации, заявил, что во Франции, как и в Германии, народные массы не страдают от роста вооружений, но для пацифистской видимости, — маневр неоднократно применяемый на наших глазах в Женеве, — внес к резолюции дополнение следующего содержания:

«Комиссия считает, что ограничение расходов на военные нужды, являющихся в на-

стоящее время для всего мира бременем, в высшей степени желательно для подания материального и морального благосостояния».

Так как подобными благами и не обязывающими пожеланиями вымощен даже ад, описанный у Данте, то Гаагской конференции, как позднее в аналогичных случаях и Женевской, не осталось ничего иного, как молчаливо принять это предложение. Таким образом собравшиеся в Гааге представители господствующих классов 26 государств пришли к благополучному финалу: обострение империалистских противоречий и дальнейший рост вооружений можно было прикрыть никого не обязывающими декларациями и пожеланиями относительно прав и обязанностей нейтральных государств во время войны, о неприкосновенности частной собственности при ведении морской войны и т. п. Далее, человечество могло считать себя счастливым тем, что бомбардировка военно-морскими силами городов, портов и селений пойдет по всем правилам, установленным Гаагской конференцией, что сухопутная война имеет свои собственные законы, которые при особенно сильном желании со стороны ее участников могут даже выполняться, и что в случае нежелания воевать империалистские правительства имеют возможность этого не делать, обратившись для разрешения конфликта в специально учрежденное судилище...

Приняв все эти добрые пожелания, и при том единогласно, Гаагская конференция подписала соответствующие акты и в торжественной обстановке 29 июля 1899 г. прекратила свое существование.

«Если хотят соизмерить значение Гаагской конференции, — писал тогда Альфред Фрид, один из деятелей пацифистского движения того времени, — следует отдать себе отчет в том, что здесь мы имеем перед собой начало, а не завершение творчества. С этой точки зрения первая Гаагская конференция действительно означает поворотный момент в истории народов».

Буржуазный пацифист вряд ли предполагал, какой правильной, хотя и совершенно в ином смысле, оказалась его оценка первой разоружительной комедии эпохи империализма. Гаагская конференция действительно в известном смысле знаменовала собой поворотный момент в истории новейшего капитализма, момент, характеризующийся перегруппировкой политических сил на мировой арене, когда вопрос о раз-

деле мира сменился вопросом о напряженной борьбе за его передел. Она знаменовала собой появление новых «пацифистских» методов, которые начали применяться господствующими классами в борьбе за утверждение своего господства. Она знаменовала собой раскрытие широких возможностей в поисках новых форм увеличения вооружений, которые могут быть представлены как сокращение вооружений. Наконец она знаменовала собой обострение империалистских противоречий и непосредственную опасность войны. В этом смысле Гагская конференция 1899 г. была действительно лишь началом империалистского творения. Всего лишь через несколько недель после Гагской конференции, когда некоторые делегаты еще не успели возвратиться домой, вспыхнула англо-бурская война, вскоре предпринята была общая империалистская интервенция против боксерского движения в Китае, а несколько позднее на горизонте Дальнего Востока начались первые вспышки русско-японского столкновения. Во всяком случае Гагская конференция по сокращению вооружений действительно оказалась конференцией подготовки целой серии империалистских войн. Но ее значение идет еще дальше: специфические методы империалистской борьбы, выкованные в начале борьбы за передел мира, оказались достаточно хорошо испытанными, чтобы в

более развернутом виде и при новой обстановке применить их в период борьбы за новый передел мира, в период напряженной подготовки второго тура империалистских войн.

«Из истории Европы,—говорил тов. Сталин,—мы знаем, что каждый раз, когда заключались договоры о расстановке сил для новой войны, они, эти договоры, назывались мирными. Заключались договоры, определяющие элементы будущей войны, и всегда заключение таких договоров сопровождалось шумом и криком насчет мира. Фальшивые певцы мира всегда в таких случаях находились».

Русский царизм, который жалким образом пытался в Гааге фальцетом петь песни о мире, конечно и не предполагал, какой большой спектакль будет спустя тридцать три года поставлен империалистскими правительствами на женевских подмостках. На сей раз однако игра империалистских лицедеев сильно затруднена активностью советской дипломатии, срывающей маски с тех, кто является проводником методов, исторически усвоенных международной буржуазией от свергнутого рабочим классом царизма.

А. Е. Есенин
Миллер

Военные маневры студентов Нью-Йоркского университета

...Забудь отца и мать, когда капитал тебя призывает...

Рис. Мазерелла

как ИМПЕРИАЛИСТЫ организуют пропаганду

Во время войны 1914—1918 гг.—первой мировой империалистической войны—буржуазия всех наций развила огромную деятельность в области разработки самых различных методов обмана, одурачивания широких народных масс. Эти методы были чрезвычайно разносторонни. Буржуазия поставила на службу своей классовой войне все средства убеждения и принуждения: прессу и полицию, социал-демократию и церковь, кино, театр, спорт, школу, идеи пацифизма и идеи воинствующего милитаризма, она сделала своим орудием всех враждовавших между собою веками «богов» — христианского, магометанского, иудейского; она заставила «христа» и «богородицу» благословить войну рядом с «неговой»; по ее призыву изысканные писатели и поэты, почитавшие себя Вольтерами современной эпохи, торопливо и охотно превратились в фельдфебелей, отпечатывавших своими сапогами патристические шовинистские гимны; даже публичные дома были милитаризованы для «национальной защиты».

Постановка столь широкой и разветвленной империалистической пропаганды не могла быть проделана аппаратом буржуазного государства, даже значительно усиленным помощью социал-демократии, без создания специальных организаций. И в первые же месяцы империалистической войны во всех воюющих странах начинают создаваться различные комитеты, задачи

Контрреволюционный немецкий плакат, изображающий большевиков (1919 г.).

которых заключаются в постановке пропаганды среди населения и солдат. Эти комитеты, как правило, были государственными организациями, но возникали и работали они обычно как органы «общественной инициативы», созданные различными героями парламентских трибун и политических скандалов.

В недавно вышедшей в Германии книге Тимме «Мировая война без оружия»¹ мы находим большой материал по вопросу об истории этих комитетов и методах их работы. Книга фашистская, целью своей она имеет показать, что все те, кто боролся в Германии против войны, т. е. в первую очередь пролетарские революционеры, являются наемниками генеральных штабов враждебных Германии государств. В этой своей части книга Тимме представляет собой обычную клевету буржуазии на рабочий класс; все ее «идеи» стары до одурения. Большевикам не впервые приходится выслушивать обвинения в шпионаже и в «государственной измене»; кто не помнит хотя бы знаменитых показаний Ермоленко о том, что Ленин — немецкий шпион?

Но наряду с этими фашистскими гнусностями мы находим в книге Тимме такие материалы, знание которых конечно вопреки воле автора и вопреки его целям будет полезно широким трудящимся массам. Пролетариат всего мира живейшим образом заинтересован в том, чтобы узнать, как империалисты «делали» войну, как они создавали «общественное мнение», как они одурачивали народные массы. Поэтому он с величайшим вниманием следит за тем, как буржуазные политики и «историки», чтобы провести какую-либо политическую комбинацию, выбалтывают в своих речах и исследованиях секреты дипломатических переговоров и тайны организации войны. С этой точки зрения книга Тимме, который для того, чтобы показать, что все интернационалисты в Германии были шпионами, рассказывает о том, как организована была империалистическая пропаганда во время мировой войны, представляет несомненный интерес. Хотя сообщенные им факты касаются преимущественно пропаганды «в стане врага», интерес самих материалов если их очистить от тех стремлений, которые владеют автором, если осветить их светом на-

шей науки, — для нас несомненен, тем более, что пропаганда империалистов внутри страны велась в основном теми же методами и средствами.

Как же была организована эта пропаганда во время войны?

В первые месяцы войны, когда благодаря социал-демократии империалистам удалось бросить массы в бой, когда государственное насилие и помощь социал-патриотов обеспечивали им на известное время «спокойствие» в тылу, основное внимание начавших тогда создаваться органов пропаганды было сосредоточено на пропаганде в нейтральных странах и среди населения оккупированных областей. В Германии, в которой больше, чем в какой бы то ни было другой стране, была велика роль военных кругов, начало этой пропаганде положило высшее военное командование, которое уже в ноябре 1914 г. начало издавать в Шарлевале на французском языке «Арденнскую газету», предназначавшуюся в первую очередь для пропаганды среди населения Бельгии и завоеванных Германией французских провинций. Германия быстро организовала эту пропаганду и

Монтаж Д. Гардфильд

...обеспечили на известное время «спокойствие» в тылу...

¹ Hans Thimme, *Weltkrieg ohne Waffen*, Berlin, 1932 г.

„За веру, ца-
ря и отече-
ство“ — поп
агитирует
солдат перед
наступле-
нием

вскоре приступила к распространению «Арденнской газеты» и среди французских солдат, сбрасывая ее с аэропланов на линии французских окопов. В дальнейшем эта работа чрезвычайно развилась и расширилась, и раньше, чем в других странах, пропаганда в пользу войны и кайзера приняла организованный характер именно

в Германии. В империалистской Германии ведение этой пропаганды осталось сосредоточенным в руках военного командования, которое само ее налаживало, и организация империалистской пропаганды не приняла там таких действительно массовых, широких форм, как это было в «демократической» Франции.

Пилсудский и
кардинал
Ратти на па-
раде 1920 г.

Основой для создания могущественнейшей французской организации военной пропаганды—так называемого Дома печати—послужили многочисленные французские общества, ведшие еще до войны под различными предлогами и в разнообразнейших формах французскую шовинистическую агитацию. Таким обществом был например Союз для пропаганды французского языка в колониях и за границей, сокращенно называвшийся «Альянс франсэз», почетными членами которого были самые видные вожди французского империализма — Клемансо, Пуанкаре, Бриан и т. п. С первых же дней «Альянс» поставил свою работу на непосредственное обслуживание войны и развернул кампанию по вербовке в армию, в частности в иностранный легион, призывая народы всего мира стать на защиту страны республики, революции, реформ, равенства, свободы, демократии, словом, всего на свете, кроме банков и капитала. С ноября 1914 г. «Альянс» начал издавать свой бюллетень, выходивший сначала на французском и немецком языках, а затем к началу 1915 г. издававшийся уже на 9 языках. Этот «Бюллетень», так же как и другие подобные ему издания (например издававшиеся Парижской торговой палатой «Документы войны»), выпускался в тесном контакте с французским правительством и заполнен был различной информацией и статьями, хитро оплетавшими читателя путами французского шовинизма.

Большую роль в пропаганде идей французского империализма как во Франции, так и в других странах сыграла французская католическая церковь, которая наполнила всю свою деятельность в эту эпоху тем, что систематически внушала массам необходимость сражаться и отдавать свою жизнь за «божье дело». Церкви вообще принадлежит почетное место в рядах глашатаев и агитаторов империалистической войны. Решительно во всех странах был создан ряд религиозных организаций, ведших шовинистическую пропаганду. Официальная церковь неизменно заявляла о поддержке ею, а также конечно и богом, войны, которую, по словам французских, английских и русских попов, богу угодно было закончить в пользу Антанты, а по словам попов немецких и австрийских—в пользу Тройственного союза. Во всех странах церковь фабриковала многочисленнейшие «чудеса», «явления» христов и божьих матерей, «перстов божьих» и тому по-

...Пострадал за „отечество“...

Рис. Гроппера

добных изумительнейших вещей, неизменно предлагавших солдатам данной страны сражаться против другой страны. Что же касается французской католической церкви, то она между прочим развила очень большую деятельность за границей. Так, в феврале 1915 г. ею был организован Католический комитет французской пропаганды за границей, основавший в одной только Испании 60 групп; французская протестантская церковь организовала с той же целью Протестантский комитет, еврейская—Еврейский комитет.

Одной из самых крупных организаций пропаганды, действовавших как внутри Франции «для поднятия духа населения», так и за границей, был Союз французских ассоциаций против враждебной пропаганды, насчитывавший 11 млн. членов. Этот союз продолжал существовать и после войны, когда он превратился в одну из сильнейших и активнейших антисоветских, антибольшевистских организаций.

С целью объединения деятельности всех этих организаций и усиления их, французское правительство решило создать госу-

дарственную организацию для печати и пропаганды, которая руководила бы всеми этими разнородными объединениями и помогала бы им. Министерству иностранных дел было поручено выполнить эту задачу, и оно организовало в феврале 1915 г., в бытность премьером Бриана, Дом печати, объединивший все действовавшие до того времени органы печати и пропаганды. Насколько велика была его деятельность, видно хотя бы по тому, что из одних секретных сумм ему было предоставлено в 1916 г. 25 млн. франков.

При Доме печати было организовано 4 отдела: дипломатический, военный, пропаганды и наблюдения за иностранной печатью. Отдел пропаганды распространял листовки, книги, фотографии, кинофильмы². Военный отдел, слившийся с существовавшей при военном министерстве «Службой воздушной пропаганды», составлял листовки, которые должны были разбрасываться с аэропланов на линии немецких окопов.

В 1918 г. французское правительство организовало государственный «Генеральный секретариат для информации и пропаганды», централизовавший в своих руках руководство всей работой по пропаганде.

Деятельность всех этих организаций была направлена как на пропаганду за границей, так и на усиленную шовинистическую агитацию внутри страны. Особенно стремительны и активны были они тогда, когда им нужно было бороться против интернационалистического движения французского пролетариата.

Даже Тимме, автор упоминаемой нами книги, который хочет изобразить всю деятельность этих организаций направленной целиком против Германии, даже он вынужден признать, что у них «много сил отнимала борьба с движением в пользу мира внутри Франции». Действительно, чем ближе к концу войны, тем больше места начинают занимать в пропаганде всех этих многочисленных организаций «Lenin» и «bolcheviks», которых они изображают как некие исчадия ада, обросшие дикими волосами, с глазами чудовищ, зверскими лицами и конечно немецкими шпионами.

После окончания мировой войны большинство этих организаций продолжало существовать. Теперь их деятельность бы-

ла уже почти целиком посвящена борьбе с большевизмом и Советской Россией. Кадры их вскоре пополнились представителями русской эмиграции. Эти организации приступили к широкому изготовлению различного рода фальшивок, изданию листовок, книг, кинофильм, даже романов. Типичным произведением подобного рода является например вышедший в 1919 г. в Париже роман «Quand le coeur trembla» («Когда содрогнулось сердце»), героиня которого, носящая довольно странное имя — Васька Федор (mademoiselle Vas-ka Fedor), зверски влюбляется в князя Иванушку Медвежинского (Jvanuska Medvesinsky); князь сей — банкир, обладающий изумительно благородным сердцем и столь же изумительным пробором. Совершенно ясно, что он — друг Франции и французского посла в России мосье Палеолога. Когда происходит Февральская революция, единственной заботой князя становится уплата «прекрасной Франции» русских долгов. Вся революция изображается конечно как борьба благородных сторонников уплаты долгов, в числе которых находится и красавица Васька Федор, и гнусных, омерзительных противников уплаты — большевиков, они же жулики, они же немецкие шпионы. После Октября большевики приходят арестовать князя. В момент, когда у него сидела Васька Федор, камердинер подал ему визитную карточку: «Мосье такой-то, комиссар Чека». Князь арестован, Васька тоже, долги не платят, словом — бей большевиков.

Не меньшую, чем Франция, антигерманскую, а затем антисоветскую организацию пропаганды создала Англия. В конце августа 1914 г. в Лондоне был организован Центральный комитет национальных патриотических организаций, почетным председателем которого был лорд Асквит, прозванный английскими рабочими Асквитом Федерстонским в память о произведенном по его приказу расстреле бастовавших в Федерстоне горнорабочих. Входили в этот комитет видные члены парламента и общественные деятели. Задача комитета, по словам Тимме, заключалась «в создании в широких массах, особенно среди рабочих, настроения в пользу войны до победного конца». Для пропаганды в доминионах и в колониях была создана Особая британская имперская субкомиссия, а для нейтральных стран — Субкомиссия по нейтральным странам. Комитет национальных патриотических организаций развил боль-

² Подробно об этой деятельности Дома печати см. Понсонби, «Ложь во время войны», «Борьба классов» № 5, 1931 г.

шую издательскую и литературную деятельность. Выпускавшиеся им брошюры и листовки составлялись виднейшими английскими писателями и учеными. Для характеристики методов его пропаганды чрезвычайный интерес представляет хотя бы то, что одна из наиболее шумевших его брошюр, брошюра лорда Р. Греллинга, выпущенная в 1915 г. в нескольких миллионах экземпляров, называлась «J'accuse» («Я обвиняю») — так же, как и знаменитое письмо Золя, направленное против французских черносотенцев-антисемитов, обвинявших Дрейфуса в государственной измене. Разница была только в том, что Золя обвинял французских реакционеров, а Греллинг «обвинял» немецкий империализм, чтобы восторжествовал империализм английский.

В июне 1917 г. был создан на средства правительства Комитет о целях войны («War aims Committee»), в который вошли представители консерваторов, либералов и британской Рабочей партии. Комитет этот находился в ведении военного кабинета. Он также развил чрезвычайно широкую деятельность. Интересно отметить, что памятную записку германского посла в Лондоне князя Лихновского, которую контрреволюционный историк Тарле использовал для того, чтоб «объективно» доказать, что виновницей войны является Германия и что Англия и Франция в войне совер-

...Почему они допущут? Никакой тяжести мы не чувствуем!..

шенно неповинны, этот комитет издал в 4 млн. экземпляров.

Наряду с этими «общественными» организациями пропаганды существовали и правительственные — например Бюро во-

... Здесь Валанштейн — и ни шаг дальше... — плакат империалистической войны

енной пропаганды, во главе которого стоял известный социал-реформист Чарльз Мастерман.

К концу 1917 г. вся эта деятельность по пропаганде идей шовинизма, идей империализма настолько разрослась, что было решено создать специальное Министерство информации, которое было организовано в феврале 1918 г. и сокращенно называлось «Кру Гауз». Во главе его стал крупный миллионер, консерватор лорд Бивербрук, а Бюро пропаганды во вражеских странах было поручено «газетному королю» Англии лорду Нортклиффу, создателю английской желтой прессы. За 9 месяцев 1918 г. этот комитет израсходовал около 70.000 фунтов стерлингов.

Лорд Нортклифф с присущим ему умением улавливать, что нужно для усиления господствующего класса и предпримчиво осуществлять необходимые для этого усиления мероприятия, сразу же решил, что нужно объединить пропагандистскую работу стран-союзниц. В конце февраля 1918 г. в Лондоне состоялась межсоюзническая конференция по вопросам ведения пропаганды, на которой присутствовали представители Англии, Франции, Италии и САСШ. Вторая такая же межсоюзническая конференция состоялась с 14 по 16 августа 1918 г. На ней присутствовало уже 40 делегатов. По всем важнейшим вопросам было достигнуто полное соглашение, и по предложению Нортклиффа на ней был создан постоянно действующий Межсоюзнический комитет пропаганды.

Мы видим таким образом, что в 1918 г. чрезвычайно усилились организованность и активность союзнической пропаганды. То же мы можем наблюдать и в Германии и союзных с нею странах. Было бы разумее сугубо неверным видеть причину этого усиления только в росте самих органов пропаганды и их опыта. Развитие их деятельности не было связано также ни с какими особенными переменами на фронте; основной его причиной был рост антивоенных настроений в воюющих странах, особенно усилившийся после Октябрьской революции.

Большую роль в усилении союзнической пропаганды сыграло конечно и то, что с 1917 г. в ней начали принимать участие Соединенные штаты, которые в апреле этого года вступили в войну. Уже 14 апреля, через 8 дней после формального обя-

вления Америкой войны Германии, по распоряжению Вильсона был создан Комитет общественной информации, которому было поручено вести пропаганду. Глава этого комитета Джордж Крил был фактически министром пропаганды. Он сразу же развил бешеную деятельность. Работа была поставлена действительно по-американски. Крил применил для пропаганды идей американского империализма весь тот опыт, которым располагает американский капитал в деле рекламы. Война им подлинно рекламировалась, и притом рекламировалась лучше, чем самая знаменитая резина для жвачки или же паста для зубов. Американская пропаганда ставилась, как настоящее капиталистическое предприятие. Капитал в это предприятие был вложен американским правительством. Капитал был не маленький — 6.850 тыс. долларов за один 1917 год, но поставленное по-коммерчески предприятие дало неплохой доход: Крил продавал за границу шовинистические листовки, кинофильмы, литературу, фотографии, целые выставки, и его предприятие заработало на этом деле 2.825 тыс. долларов.

Во все крупные города союзнических стран были посланы специальные уполномоченные, организовывавшие пропаганду и торговавшие криловскими товарами. Цены были установлены твердые, и даже на организацию религиозных чудес (явлений богородицы и т. п.) существовала определенная такса. Дело было поставлено очень серьезно и практично. Содержание листовок строго проверялось, они пускались в ход только после визы генерального штаба. Несмотря на то, что американцы приступили к сбрасыванию листовок с аэропланов позже других государств, они успели разбросать 3 млн. экземпляров.

Перед организациями пропаганды, ведущими работу на вражеском фронте, встала между прочим задача организовать технику распространения листовок. С самого начала войны было решено использовать для этой цели аэропланы, которые сбрасывали листовки на линии окопов и перелетали даже в тыл противника и распространяли их там. Затем для этого дела были применены баллоны («колбасы»), которые при помощи специального часового механизма или же зажигательного шнура сбрасывали прикрепленные к ним соответствующим образом листовки. Но так как в 1917—1918 гг. ветер почти неизменно дул с запада на восток, немецкие баллоны

не попадали во Францию, зато союзнические буквально наводняли немецкий фронт миллионами прокламаций. В 1918 г. были изобретены даже специальные пушки и снаряды, выстреливавшие листовками в лагерь противника.

О том, каковы были размеры этой пропаганды, свидетельствуют следующие цифры: на одном только Западном немецком фронте Франция распространила 43.300 тыс. листовок, Англия — 19.295 тыс., — Америка 3 миллиона. Германия за годы войны выпустила 2.253 тыс. экземпляров одной только «Арденнской газеты» и т. д.

Мы не будем останавливаться на содержании всех этих листовок, так как содержание это в высшей степени однообразно. Они все заполнены сообщениями о зверствах противной стороны, описаниями голода и бедствий в лагере противника, доказательствами его неминуемой гибели, самой радужной информацией насчет положения своей стороны. За всю мировую историю никогда, кроме только последующего периода борьбы против большевизма, против Октябрьской революции, против СССР не было распространено столько вранья, как во время войны³. Останемся только на одном из этих изданий, представляющем несомненный интерес, — на изданной американским Комитетом общественной информации брошюре «Германско - большевистский заговор» («The German-Bolchevik conspiracy»). Эта брошюра была составлена из тех-самых документов, при помощи которых правительство Керенского пыталось обвинить Ленина и большевиков в немецком шпионаже.

Интересно отметить, что эта брошюра была встречена германской буржуазией неодобанием и бурными протестами. С нескрываемым бешенством немецкая буржуазия даже после версальского своего поражения заявляла, что она потеряла все, но на обвинения в связи с большевиками она не согласится — ее буржуазная честь этого не допустит. Ее неодобание было вполне справедливо. И Тимме, вспоминая об этой брошюре в отделе «Ложь», тщательно опровергает это обвинение и доказывает вздорность его, отвергая всякую мысль о том, чтоб германская буржуазия могла бы иметь какое бы то ни было отно-

шение к презренным большевикам. Но попутно совсем тихонечко и осторожно он протаскивает мысль, что большевики были... шпионами Антанты.

В России пропаганда империалистов во время войны была поставлена хуже, чем в других воевавших странах. Однако царское правительство все же проявило в этой области несомненную инициативу и изобретательность. Оно действовало преимущественно распространением всяческих рассказов о зверствах немцев и подвигах русских вроде например легендарного рассказа о казаке Козьме Крючкове, сразу убившем несметное число немцев. Большую пропагандистскую работу развила также церковь и «военно-промышленные комитеты», куда входили, как известно, и меньшевики. После Февральской революции, когда буржуазия и «социалисты» развили бешеную агитацию, борясь за сохранение капиталистического строя, их пропаганда значительно усилилась, но все же не достигла такой организованности, как в Англии, Франции, САСШ и Германии.

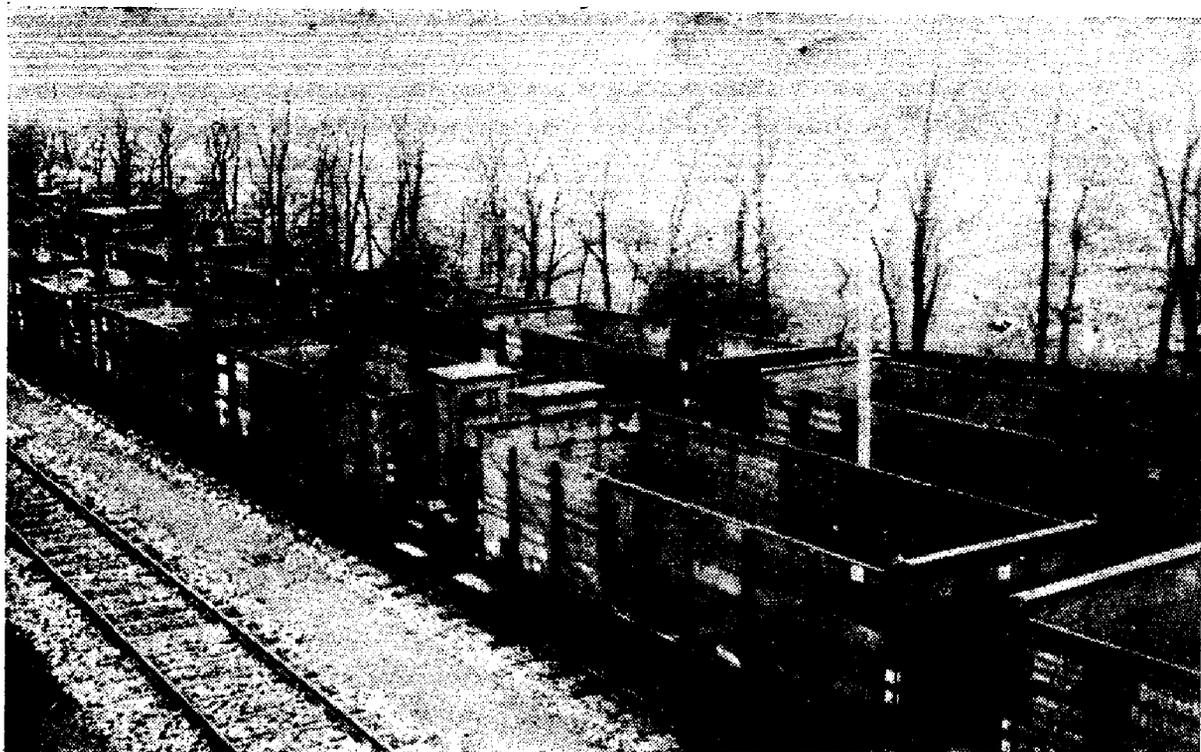
Зато во время гражданской войны русская буржуазия всерьез взялась за постановку своей пропаганды. При штабах белогвардейских армий существовали специальные отделы, ведшие пропаганду. При главном штабе Деникина было создано особое осведомительное агентство — «Осваг», поставившее работу очень широко. В нем сотрудничали «светочи русской литературы». Теперь дело ставилось уж на настоящий европейский лад. Но только «европейский манер» не помог, как не может он теперь и самой империалистической Европе, развившей сейчас в связи с подготовкой интервенции против Советского союза такую пропаганду, какой не видела даже мировая война.

Мы видим таким образом, что те факты, которые сообщает в своей книге фашист Тимме и часть которых наряду с другими фактами того же рода мы указали в нашей заметке, представляют для пролетариата несомненный интерес. Особенно большой интерес имеют они для рабочего класса Германии, ведущего героическую борьбу против партии Тимме, той партии, которая в чудовищных размерах развила пропаганду в пользу буржуазии.

³ См. по этому вопросу несколько интересных фактов из кн. Понсонби «Ложь во время войны», «Борьба классов» № 5, 1931 г.

Сотни бездействующих вагонов ржавеют у остановившихся копей „Кениге Луза“, Рур

Заброшенная постройка дома. Германия

Гамбургские моряки разбили окна в клубе, где с антисоветской речью выступил поп

**МИР
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
ГРАБЕЖА,
СОТРЯСАЯСЬ
В СУДОРОГАХ КРИЗИСА...**

Освящение
фашистских
знамен на
параде в
Брауншвейге.
Германия

**...ИЩЕТ ВЫХОДА
В НОВЫХ
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЙНАХ,
В ФАШИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА,
В ИНТЕРВЕНЦИИ ПРОТИВ СССР..**

Японские фа-
шисты

Военные уп-
ражнения в
английских
школах

ЗАХВАТ БЕССАРАБИИ

Империалистический мир лихорадочно собирает силы для нападения на Советский союз и срывает социалистического строительства. Капитализм ищет выхода из потрясающего его кризиса в новой империалистической войне, направленной в первую очередь против Советского союза. Империалисты настойчиво готовят новую антисоветскую интервенцию. II интернационал всячески помогает этой подготовке. Партии II интернационала стоят в авангарде интервентов; это еще раз подтверждается единодушием социал-фашистской печати с фашистской и белогвардейской в оценке выстрелов Гергулова и Штерна. Французский империализм занимает первое место в этой борьбе капиталистического мира против СССР. Французский империализм поддерживает Японию на Дальнем Востоке. На Западе он пытается сколотить против СССР единый фронт — от Балтийского моря до Черного. В качестве передовых позиций этого фронта французский империализм выдвигает Польшу и Румынию. Лихорадочная работа румынского и польского генштабов, поездки Пилсудского в Румынию — яркое подтверждение этого.

Румыния занимает большое место в планах французского империализма.

Углубляется экономический кризис, растет революционное движение в самой Румынии и в оккупированной Бессарабии.

Единственный выход для себя румынская буржуазия и бояре видят в империалистических захватах и в войне против Советского союза. Французский империализм стоит за их спиной, он дает им кредиты; он помогает им лихорадочно вооружаться;

он натравливает их на Страну советов. Партии II интернационала в это время повторяют провокационные выпады румынской сигуранцы и польской дефензивы; они ведут в своей продажной печати подготовку интервенции против СССР, они выгораживают Штернов и Горгуловых.

Но и французские империалисты, и социал-интервенты, и русская белогвардейщина, и румынские хищники — не новые «герои» интервенции и контрреволюции. Это — старые знакомые.

История захвата Бессарабии румынскими оккупантами разоблачает сегодняшних поджигателей новой интервенции против СССР, вскрывает мотивы их действий, показывает их звериную ненависть к первому в мире социалистическому государству и революционному движению у себя дома.

«Великая» Румыния есть продукт империалистической войны.

Потеряв во время войны почти всю территорию, за исключением части Молдавии, Румыния после войны получила ряд провинций, территориально и по количеству населения превосходящих «Старую Румынию». Население старой Румынии составляло 7.897.341 человек¹. Население вновь захваченных земель:

Бессарабии.	2.956.934 чел.
Буковины.	811.721 »
Трансильвании.	2.859.753 »
Морамуреша.	250.036 »
Кришана.	1.157.209 »
Бената.	950.968 »

Все население новых провинций составляет 9.256.621 чел.

Все эти провинции Румынии удалось захватить при помощи союзников в награду за активную борьбу с революцией в России и Венгрии и в целях создания базы для дальнейшей борьбы с Советским союзом.

Роль душителей революции была по вкусу румынским боярам и капиталистам.

В Румынии имеет место сочетание высших форм капитализма (картели, тресты) с докапиталистическими формами и остатками крепостничества в сельском хозяйстве, что особенно обостряет внутренние противоречия, выход из которых румынские бояре и буржуазия видят в жестокой борьбе против революционного движения внутри страны, в войне против СССР как базы мировой пролетарской революции и новых захватах.

¹ Тямов, Аграрный вопрос и крестьянское движение в Румынии, 1928 г.

Оккупация Бессарабии и была в первую очередь борьбой с большевиками и в то же время выражением хищнической политики империалистической Румынии.

Для Антанты в целях борьбы с большевизмом было выгодно осуществление планов «Великой» Румынии, и «союзники» играли видную роль в них.

В 1917 г. в Бессарабии широко развернулось революционное движение. Здесь были целые районы малоземельных и безземельных крестьян, которые к 1917 г. составляли не менее $\frac{1}{3}$ населения. А рядом с ними — крупнейшие имения помещиков, в руках которых было сосредоточено около половины всей земли, а также крупные кулацкие хозяйства.

После Февральской революции бедняки-арендаторы начали отказываться от выполнения обязательств и захватывать земли. Представители союза земельных собственников жаловались министру внутренних дел, что захват земли и посевов, происходящий во всей Бессарабии и главным образом в Огреевском, Сорокском, Бельцском уездах, принял угрожающие размеры.

Быстро растет рабочее движение; рабочие окончательно отворачиваются от мелкобуржуазных партий и идут за большевиками. Происходит быстрый процесс революционирования армии.

Специально посланные для обследования положения в Бессарабии представители Керенского в августе сообщали, что лозунг «поддержки» и «доверия» не пользуется успехом, требования хлеба и мира являются основными, что временное правительство дискредитировано; заметно влияние большевиков; крестьянская беднота очень недовольна, заявляя, что не чувствует никакой перемены в своем положении после революции; большевики призывают крестьян захватывать землю, инвентарь и с оружием в руках отстаивать захваченное, и под влиянием этой агитации крестьяне захватывают земли и урожай.

Для борьбы с крестьянским движением и со все возрастающим влиянием большевиков было созвано совещание представителей «демократических» организаций Бессарабии, которое постановило выпустить воззвание, командировать в уезд комиссаров для разъяснения крестьянам «вреда беспорядков» и для борьбы с большевистской агитацией.

Но никакая агитация и пропаганда меньшевиков и эсеров не могла задержать рост революционного движения. Забастовки и

демонстрации рабочих в городах, революционирование армии, крестьянское движение свидетельствовали о том, что Бессарабия идет в ногу со всей страной к новой революции.

Рабочими-большевиками в течение июля—августа 1917 г. был устроен ряд митингов, на которых выявилось недовольство рабочих Керенским и меньшевистским советом и были приняты резолюции протеста против войны.

Рабочие-железнодорожники Кишенева, Бендер, Унген, совместно с солдатами вели агитационную работу среди крестьянства, призывая захватывать земли.

Процесс революционирования армии протекал очень быстро. Армия из орудия империализма превращалась в орудие пролетарской революции.

Воспользовавшись отдаленностью Бессарабии от центра, военное командование, получая вести из Петрограда через свои руки, задерживало их, и Румынский фронт узнал о Февральском перевороте на 13 дней позднее. Когда скрывать больше было нельзя, были приняты меры, чтобы предотвратить проникновение революционного движения в армию. Но все эти попытки не могли предотвратить революционирования Румынского фронта.

Начальники все больше жалуются на упадок дисциплины.

Главнокомандующий генерал Щербачев отмечал, что уже через 30—40 дней после переворота были случаи отказа от выполнения подготовительных работ к наступлению, и приходилось ликвидировать эти вспышки не обычным путем, а присылкой на фронт «опытных и авторитетных лекторов, предпочтительно из состава солдатских и рабочих депутатов, чтобы убедить солдат в необходимости продолжать войну в активном духе» (докладная записка ген. Щербачева).

Приказ генерала Щербачева по фронту от 24 июня показывает, что в армии были части, которые не желали наступать, а те, которые как-будто изъявили согласие наступать, не вели никакой подготовительной работы.

Среди солдат растет движение против войны. Вопрос о мире и о том, как бы приобрести «земельку», внутренние события,— вот что интересует солдат.

Военно-цензурное отделение управления штаба Румынского фронта принимало все меры к тому, чтобы армия не знала о положении внутри страны.

Только за август, сентябрь и октябрь военно-цензурными пунктами фронта и Одесского военного округа было просмотрено свыше 9 миллионов писем, посланных солдатами, из них пропущено 210 тысяч с пометками, а свыше 2.800.000 тыс. уничтожено, что показывает, насколько «неблагонадежна» была армия.

В июле главнокомандующий жалуется, что никакие меры не могут предотвратить армии от разложения, ибо «прибывающие пополнения возвращены безответственной апитацией большевиков. Эти пополнения приносят с собой лозунги отрицания войны и неповиновения. Они являются очагами деморализации» (АОР, ф. 412, д. № 30).

Влияние большевиков в армиях Румынского фронта быстро растет. Наступление, подготовленное временным правительством при активном участии меньшевиков и эсеров, окончательно дискредитировало этих последних в глазах солдатских масс.

Конференция большевиков IX армии Румынского фронта привлекла на сторону большевиков большое количество солдат.

16-й корпус VIII армии заявил, что поддерживает большевиков.

После съезда VI армии Румынского фронта во вновь избранном армейском комитете большевики получили 31 место, в то время как представители других партий получили не более 10.

Большое влияние имели большевики и в IV армии Румынского фронта. Недаром Центральная рада принимала все меры к тому, чтобы лишить IV армию боеспособности. Секретариат Рады заявил, что отход IV армии с фронта (с задержкой украинцев) может быть разрешен после того; как вопрос будет согласован с бессарабским правительством.

Это революционное движение в Бессарабии не имело достаточного руководства и часто носило стихийный характер.

Местные большевистские силы были слабы и разрозненны, чтобы целиком охватить революционное движение и руководство им.

Советы, находившиеся в руках меньшевиков и эсеров, всячески препятствовали развитию этого движения, стремились отклонить от правильного пути и дезорганизовать его. Это облегчило организацию сил контрреволюции в Бессарабии и подготовку румынской оккупации.

После Февральской революции во многих местах оставалась на своем месте поли-

ция. Совет офицерских и солдатских депутатов и «Комитет общественных организаций» вели открытую контрреволюционную работу. Исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов находился целиком в руках меньшевиков и эсеров, которые шли на соглашение с буржуазией и полностью ее поддерживали. Например вместо ликвидации кишиневской черносотенной городской думы был введен в нее представитель от социалистов, что давало черносотенной думе новую возможность продолжать свою погромную политику. Рядом с советами уживались земские и всякие другие буржуазные и помещичьи организации, бывшие гнездом контрреволюции. Политика соглашательских советов содействовала их укреплению, благодаря чему они сыграли видную роль в подготовке захвата Бессарабии Румынией.

После Октябрьского переворота, когда в ряде городов (Кишиневе, Сороках, Огреве, Аккермане) советы под руководством большевиков взяли власть в свои руки, в большинстве мест рядом с советами продолжали существовать думы, управы, а в Кишиневе Сфатул-Церий продолжал свою контрреволюционную работу.

Это, а также обстановка, сложившаяся на Украине, и разлагающая работа меньшевиков и эсеров помешали упрочению советской власти в Бессарабии и облегчили захват Бессарабии.

Октябрьская революция оказала большое влияние на рост революционного движения в самой Румынии. В Яссах организуется большевистский фронтовой комитет. Румынские рабочие-железнодорожники находились под влиянием большевиков и были тесно связаны с революционным движением в Бессарабии; росло крестьянское движение. Этот рост революционного движения в Румынии толкал румынскую буржуазию и помещиков к скорейшей оккупации Бессарабии, с которой были связаны большевистские рабочие и фронтовые организации Румынии. В ответ на Октябрьскую революцию бессарабская буржуазия и помещики организовали борьбу против нее

Буржуазно-помещичья контрреволюция в своей борьбе против советов пыталась использовать национальное движение и выступила с националистическими лозунгами. Бессарабия имеет многонациональный состав населения: молдаван — 48 проц., русских — 12 проц., евреев — 10 проц., украинцев — 7 проц., болгар — 6 проц. и

остальные — немцы, армяне и др. Меньшевики и эсеры поддерживали политику буржуазии, которая хотела под флагом образования своего национального государства вести борьбу за спасение буржуазно-помещичьей собственности.

Националистическая деятельность мелкобуржуазных партий не в малой мере способствовала дезорганизации революционного движения. Срыв забастовок, дезорганизация рабочих Кишенева были одним из условий, облегчивших захват Бессарабии Румынией.

После февраля группа буржуазной интеллигенции организовала так называемую «Молдаванскую национальную партию», во главе которой стоял Иван Инкулец.

Она ведет большую подготовительную работу под маркой «национального самоопределения». Созываются митинги, съезды учителей, съезды кооператоров и т. д. В партию входили попы и помещики вроде В. Строеску, В. Херца, архимандрита Гурня.

Влияние «Молдаванской национальной партии» было однако ничтожно. На выборах в учредительное собрание из 600 тыс. поданных в Бессарабии голосов она получила только 14. Была организована «Молдаванская партия социалистов-революционеров», выражавшая интересы кулачества.

20 октября «Молдаванская национальная партия» созвала специально подтасованный по своему составу военно-молдаванский конгресс, на котором был утвержден Сфатул-Церий (Совет страны).

В состав Сфатул-Церия вошло 120 человек, из них: 44—от Совета офицерских депутатов, 30—от «крестьян-молдаван», 10—от молдаванских националистических партий и организаций и 36 представителей от других национальностей Бессарабии, которые населением не выбирались.

Таким путем был сфабрикован так называемый Совет страны—Сфатул-Церий.

Главной своей задачей Сфатул-Церий поставил борьбу с большевиками и в этой борьбе решил опереться на румынских бояр и румынскую буржуазию и на Антанту.

Румынский историк Кирицеску² в книге «История войны 1916—1919 гг. за укруп-

² Кирицеску—ныне заместитель министра просвещения в Румынии, буржуазный историк, специализировавшийся на борьбе против революционного движения и большевизма; Кирицеску—активный организатор еврейских погромов.

нение Румынии» рисует роль союзников, в особенности Франции как застрельщицы интервенции и захвата Бессарабии.

«Были опрошены,—пишет Кирицеску,—иностранные представители. Представитель Италии дал утвердительный ответ. Представитель Англии ответил, что Англия не будет препятствовать совершившемуся присоединению. Представитель Америки советовал совершить присоединение. С особенной дружбой и теплотой был разрешен вопрос представителями Франции Сен-Олером и Бертело. «Сделайте объединение как можно скорее,—сказал он Инкульцу.—Никого не найдется среди союзников, чтобы не поддержать это начинание в пользу создания Великой Румынии» (подчеркнуто мною.—Л. К.).

Эта поддержка Антанты помогла контрреволюции в борьбе с советами и большевиками. Наличие организованного и наиболее черносотенного дворянства (это Бессарабия дала Пуришкевича и Крушевана—организаторов еврейских погромов в России), небольшая вследствие слабого развития фабрично-заводской промышленности пролетарская прослойка, отдаленность Бессарабии от промышленных центров.— все это облегчило организацию контрреволюции. Кулаки активно помогали захвату Бессарабии. Они организовали отряды для борьбы с партизанским движением.

Деятели Сфатул-Церия всеми мерами готовили захват Бессарабии.

24 января 1918 г. Сфатул-Церий провозглашает «Независимую народную молдаванскую республику», 27 марта 1918 г. — объявляет Бессарабию присоединенной к «матери»—Румынии, на началах автономии, а 26 ноября 1918 г. Сфатул-Церий отказался от автономии Бессарабии в пределах Румынии. Решение о присоединении Бессарабии к Румынии было принято на особой сессии Сфатул-Церия, открывшейся в 2 ч. 30 м. ночи лишь 1/3 частью состава Сфатул-Церия. Тут же генерал Войтояну прочел королевский декрет о роспуске Сфатул-Церия.

Но провести это постановление даже в Сфатул-Церии без помощи военщины было невозможно. 27 марта 1918 г. вход в помещение, в котором заседал Сфатул-Церий, был занят войсками, аэропланы летали над домом. Военные власти присутствовали при

голосовании, а депутатов принудили громкогласно высказывать свои мнения³.

Но и это не помогло. Крестьянская фракция, несмотря на всю свою нерешительность и политические колебания, все же нашла необходимым опубликовать протест против подложной насильнической махинации.

Даже Кирицеску, превзошедший всех румынских историков в своей циничной откровенности и в извращении фактов, сам того не замечая, выболтал, что деятели так называемой «Национально-демократической молдаванской партии» были агентами Румынии, что все декларации их были насквозь лживыми, и подтверждает, что ориентация в сторону Румынии существовала лишь среди кучки бессарабской буржуазии и помещиков.

Говоря о подготовке к оккупации Бессарабии, Кирицеску пишет следующее:

«Вопрос о присоединении Бессарабии к Румынии не созрел еще в достаточной степени. Часто приходилось делать категорические декларации против тенденции отделения Бессарабии от России. Некоторые считали себя вынужденными заявить письменно, что—«между нашей страной и Россией в течение 100 лет создались неотделимые связи и что Великая Россия открывает широкие перспективы для экономического развития нашей Молдаванской республики».

Другие должны были заявить, что «в Бессарабии сепаратизма не существует, в особенности сепаратизма в сторону Румынии»⁴.

Кирицеску описывает, как румынское правительство наводило Бессарабию своими агитаторами, которые как настоящие миссионеры «румынизма» развернули большую контрреволюционно-националистическую работу, целью которой было создание пан-Румынии.

Все разговоры об автономии были лишь маневром «понятливых, благоразумных и осторожных», по выражению Кирицеску, политиков, боявшихся разоблачить перед массами истинные свои цели и до поры до времени прикрывавших их разговорами о национальной автономии.

³ «Летопись революции» № 1, журн. Истпарта Украины, 1925 г. Ст. А. Рябин-Скляревского «Оккупация Бессарабии».

⁴ Ст. А. Рябин-Скляревского «Оккупация Бессарабии». «Летопись революции» № 1, журн. Истпарта Украины, 1925 г.

Сфатул-Церий не мог собственными силами справиться с революционным движением и с растущим влиянием большевиков. О помощи русских войск не могло быть и речи. Командующий армией Румынского фронта генерал Щербачев спрятался в Яссах, охраняемый румынским отрядом от его собственных солдат. На повторные просьбы совета директората Сфатул-Церия (исполнительный орган), адресованные Щербачеву и генералу Бертело, послать в Бессарабию дисциплинированные и надежные войска «для борьбы с большевиками», они ответили отказом. Бертело обещал делегации послать дивизию чехо-словаков и сербскую дивизию из Киева. Буржуазия и помещики Бессарабии делали попытку обратиться с просьбой к Украинской раде. Но и Рада была бессильна в борьбе против революционных рабочих и крестьян. Глава украинского правительства Винниченко и министр иностранных дел Шульгин ответили бессарабской делегации: «Не можем ничем помочь, обратитесь к Румынии» (стр. 80—82).

26 февраля 1918 г. прибыла в Яссы делегация во главе с Инкульдом и Чугуряну. Кирицеску пишет: «Делегация прибыла также для того, чтобы совместно с румынским правительством подготовить присоединение Бессарабии».

В двух заседаниях от 26 и 28 февраля оба руководителя Бессарабии (идет речь об Инкульде и Чугуряну.—Л. К.) изложили генералу Авареску ситуацию в Бессарабии и заверили его, что обстоятельства благоприятствуют присоединению.

Авареску посоветовал им временно находиться под флагом независимой республики, подождав более удобного момента, чем настоящий. Делегация вернулась в Кишинев и ждала более удобного момента» (стр. 111, подчеркнуто мною.—Л. К.).

Бессарабская буржуазия, боясь гнева народных масс, временно прикрывалась этим флагом независимой республики.

«Враги Сфатул-Церия,—говорил Халипа на заседании от 27 декабря,—желают рассорить народные массы с их краевым советом, говоря о румынской ориентации».

Сфатул-Церий, боясь этих народных масс, пытается в декларации присоединения изобразить самую оккупацию Бессарабии как осуществление народной воли.

Декларация гласит: «Молдавская демократическая республика (Бессарабия) в силу исторического и национального права на основе принципа, что народы сами решают свою судьбу (подчеркнуто мною. — Л. К.), с сегодняшнего дня и впредь во веки присоединяется к матери своей — Румынии» (стр. 114 — 115).

Насколько «народ сам решал свою судьбу», показывают борьба рабочих и крестьянских масс против румынской оккупации, ряд восстаний, свыше трехсот тысяч беженцев, десятки тысяч зверски убитых и заживо погребенных рабочих и крестьян.

Интересна роль так называемого «бессарабского директората» в захвате Бессарабии.

Как известно, Инкулец и др. вожди Сфатул-Церия утверждают, что они не ставили вопроса о призыве румынских войск. Но сам же Инкулец пробалтывается и вскрывает роль, которую играли вожди Сфатул-Церия и Антанта: «Когда была послана вторичная телеграмма Щербачева, в отличие от первой в ней не называлась национальность, а мысль была та, чтобы послали (для уничтожения большевизма. — Л. К.) какие угодно, причем подразумевались русские, украинские, трансильванские, а кто хотел, подразумевал и румынские войска»...

У Украинской рады сначала были поползновения самой захватить Бессарабию.

Потеряв надежду захватить всю Бессарабию, деятели Рады пытались претендовать на отдельные уезды.

Сын генерала Щербачева (бывший адъютантом у своего отца) рассказывал о таком случае: «Однажды я присутствовал при бесподобной сцене спора между украинским комиссаром Чебатаренко и бессарабским. Они спорили о том, кому, собственно, должен принадлежать Аккерманский уезд: Украине или Бессарабии»⁶.

Но убедившись, что ей самой не справиться с большевиками, Украинская рада стала помогать румынскому правительству в оккупации Бессарабии. Действия Центральной украинской рады были согласо-

ваны с действиями румынского правительства, с действиями Щербачева и Сфатул-Церием. Войска Рады играли роль передового отряда. Так например гор. Аккерман был захвачен вначале гайдамаками, а потом туда вступили румынские войска.

Позже, когда румынские войска уже занимали Бессарабию, вожди Центральной рады и украинских мелкобуржуазных партий громко выражали свою радость. В Киеве, в Купеческом саду, Винниченко произнес речь, в которой приветствовал новую союзницу в лице боярской Румынии. Центральная рада одновременно с этим официально сообщила румынскому представителю в Киеве, генералу Коанда, что Украина может только приветствовать занятие Бессарабии румынами. На этот факт ссылается и само румынское правительство в своей ноте гетманскому правительству от 20 апреля 1918 г.

Румыния нашла самую горячую поддержку своих планов у представителей российской буржуазно-помещичьей контрреволюции, у русской белогвардейской военщины, ярким представителем которой является генерал Щербачев. Будучи главнокомандующим Румынского фронта, он поставил своей основной задачей организацию борьбы против большевизма и Советской России и сыграл большую роль как агент французского империализма в Румынии при захвате Бессарабии. Впоследствии генерал Щербачев был уполномоченным Деникина и затем Врангеля во Франции по вопросам снабжения белых армий снаряжением и оружием.

В своей докладной записке французскому командованию⁶ сам Щербачев пишет: «Ни новое правительство, ни новый верховный главнокомандующий⁷ мною признаны не были, и я начал открытую борьбу с идеями большевизма и пацифизма, чтобы сохранить хотя бы свой фронт». В этой борьбе генерал Щербачев прибегает к помощи румынских частей, предварительно расправившись с революционным движением в них. Сам он в своих записках рассказывает, как он арестовал все образовавшиеся большевистские комитеты и назначенных ими лиц командного состава на Румынском фронте. Двинувшиеся для поддержки большевистских комитетов части были встречены румынскими войсками и разоружены.

⁶ Дневник сына Щербачева в ст. А. Рябин-Скляревского «Оккупация Бессарабии Румынией», стр. 111. «Летопись революции» № 1, журн. Истдарт Украины, 1925 г.

⁶ Военно-исторический архив.

⁷ Крыленко.

На русскую территорию румынского фронта, т. е. в Бессарабию, румынское правительство в это время не осмеливалось двинуть свои части.

Щербачев предложил Центральной раде свои услуги в качестве главнокомандующего Украинским фронтом, и при помощи французской военной миссии ему удалось получить это звание.

Щербачев использовал украинские национальные части совместно с румынскими для борьбы с большевиками и для захвата Бессарабии.

В Бессарабии организовались революционные силы под руководством большевиков, которых поддерживали революционные отряды рабочих и крестьян. Они имели связь с румынскими железнодорожниками. В Соколах (ж.-д. узле под Яссами) был организован большевистский штаб фронта. Под руководством Рошаля был установлен контакт с фронтоделом Румчерода. Исполком совета рабочих и солдатских депутатов Бессарабии повел более решительную политику, в нем укреплялось влияние большевиков.

При помощи украинских и румынских частей Щербачев разогнал большевистский комитет в Яссах, но комитет собрался в Соколах и снова объявил себя фронтовым комитетом.

Для того, чтобы избавиться от все более возрастающего влияния большевиков и провести намеченный план, Щербачев приглашает на совещание в Яссы большевиков из Сокол под маркой создания коалиционного комитета из национальных комиссаров и большевиков, и арестовывает большевистскую делегацию под предлогом, что большевик Корнев покушался на жизнь Щербачева.

Через несколько дней, 8 декабря, в окрестностях Ясс был найден труп зверски убитого Рошаля. После убийства т. Рошаля Щербачев форсирует захват Бессарабии румынами.

Сам Щербачев пишет: «Это обстоятельство (рост влияния большевиков.—Л. К.), а также обращенная к румынскому правительству просьба бессарабского директората (исполнительный орган Сфатул-Церия.—Л. К.) оказать содействие румынскими войсками для подавления в Бессарабии большевистской анархии вынудили меня согласиться на временный ввод румынских войск в Бессарабию для восстановления связи фронта с тылом».

Щербачев пытается обелить себя тем, что: «введенные в Бессарабию войска, согласно письменного заверения румынского правительства и высшего румынского командования, по восстановлении порядка в Бессарабии, должны были быть отозваны». «Но дело в том,—поясняет Щербачев,—что новое правительство не выполнило обещания старого правительства».

Понятно, что смена правительства была сделана именно для того, чтобы легче провести захват Бессарабии.

Щербачев совершенно прямо говорит о том, что бессарабский директорат обратился к румынскому правительству с просьбой «оказать содействие румынскими войсками».

Дневник сына Щербачева ярко рисует роль французского империализма в захвате Румынией Бессарабии и подтверждает, что Щербачев был агентом Антанты.

«Итак, с большевиками было покончено (речь идет об убийстве т. Рошаля.—Л. К.), приходилось немедленно действовать и принимать самые решительные меры для подавления большевизма на фронте. Румыны действовали с прохладцей, и то лишь с получением каждым из них бумажки с личной папиной подписью. Но под конец, часам к 6 утра 9 декабря все более или менее уладилось при помощи союзников, которые сейчас же выразили полную готовность помочь папе.

Сейчас же к папе были прикомандированы 4 французских офицера и автомобиль. Ночью же к папе прибыл и начальник штаба ген. Бартелло⁸, полковник Пешен, были командированы 2 офицера французского генерального штаба, говорящих по-русски, в папину распоряжение, и все принялись за работу. Тем временем в Соколы был послан румынский полк для полной ликвидации там большевизма и для выселения оттуда большевиков за пределы Румынии».

Сам Щербачев на протяжении всей докладной записки стремится показать, что он всегда был верен союзникам, и вскрывает, что главной задачей Антанты и белогвардейцев была борьба с революцией и что действия «союзников» в Румынии были частью организуемого тогда Антантой широкого похода против Советской России.

⁸ Французский генерал Бартелло играл вместе с ген. Ансельмом большую роль в подавлении революции в Венгрии и на Украине.

«Основной моей мыслью было сохранить фронт хотя бы более слабого состава путем занятия его румынскими войсками... По соглашению с генералом Бартелло и при содействии Массарика я предполагал подтянуть на Румынский фронт чехо-словацкий корпус и польский корпус ген. Мусницкого. Таким образом на Румынском фронте кроме восемнадцати румынских дивизий, организованных французами, могло быть сосредоточено 4 славянских и 1 мусульманский корпус (10—12 дивизий), т. е. всего 28—30 дивизий, которые по числу штыков почти равнялись бы численному составу фронта к моменту заключения перемирия в ноябре 1917 г. По соглашению ген. Презан был выработан план развертывания операций и отхода в случае натиска превосходящих сил противника через территорию Украины на восток, где армия могла бы остаться готовой для продолжения борьбы в будущем» (с большевиками.—Л. К.).

Щербачев пытается оправдать свои действия желанием сохранить в целостности многомиллионное имущество и материальную часть фронта от расхищения и от перехода в руки Германии.

Но именно Щербачев помог Румынии захватить имущество, военное снаряжение и вооружение не менее чем на 400 тыс. человек, как указывает сам Щербачев.

«Союзники» были сами не прочь положить руку на русское имущество, но в данном случае их опередила Румыния, которая и поныне пользуется им.

Сын Щербачева выболтал, что обкрадывание русских складов и захват военного имущества происходили с ведома высокопоставленных персон. Вот что он пишет по этому поводу:

«Впоследствии наши склады были охраняемы румынами, и вот в одном из них, в городе Пятра-Намцы, оказалось, что похищено на сумму 10 миллионов рублей всяких вещей, главным образом обмундирования. Это были частные кражи. Бывали еще и официальные, когда у русского склада ставился часовой у одних ворот, а через ворота в противоположной стене вывозили возами материальную часть и обмундирования. Когда русские обращали внимание румын на хищение, румыны переставляли часового к другим воротам, а вывозили через первые и т. п.» (указан. статья, стр. 119).

РОЛЬ МЕНЬШЕВИКОВ И ЭСЕРОВ В ЗАХВАТЕ БЕССАРАБИИ

Меньшевики и эсеры с самого начала Февральской революции стремились задержать развертывание революционного движения в Бессарабии, а затем активно стали в авангарде контрреволюции. Рост влияния большевиков и развертывание массового рабочего и крестьянского движения заставили их сбросить «демократическую» маскировку и выявить свою сущность. В советах рабочих и крестьянских депутатов меньшевики и эсеры сыграли самую предательскую роль; их соглашательство с буржуазией мешало захвату власти советами. Особенно ярко выявилась их роль в Кишиневском совете и Румчероде.

10 мая 1917 г. открылся I съезд армии Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области, собравшийся в Одессе.

Руководство съездом было в руках меньшевиков, эсеров и «о к р а с и в ш е г о я» контрреволюционного офицерства.

Съезд проходил под лозунгом «Война до победного конца»⁹.

На съезде присутствовало всего несколько большевиков. В Румчерод (Исполком румынского фронта, Черноморского флота, Одесской области), который был избран на съезде, попали всего три большевика.

Деятельность меньшевистско-эсеровского Румчерода принесла много вреда революционному движению на Румынском фронте.

Румчерод почти всегда освобождал явных контрреволюционеров, и все это делалось для соблюдения «чистой демократии».

Вся его деятельность была направлена на борьбу с все более возрастающим влиянием большевиков. Недаром на фронте к Румчероду питали отвращение. Меньшевистско-эсеровский Румчерод оставался верен себе до самого конца.

Октябрьскую революцию Румчерод встретил в штыки.

Румчерод рассылал срочные телеграммы всем советам области с требованием принимать самые строгие меры борьбы против большевиков.

Меньшевистский Румчерод потерял всякое влияние на массы. На II съезде Румче-

⁹ Статья Христова «Румчерод в подготовке Октябрьской революции», «Летопись революции» № 1, стр. 170—171, журнал Истпарта Украины, 1922 г.

рода, созванном в декабре 1917 г., большинство было за большевиками, по инициативе которых и созывается II фронтовой с'езд. Приехал из Питера т. Володарский и поставил вопрос о немедленном захвате власти.

II с'езд поддержал предложение т. Володарского, и вновь выбранный исполком Румчерода повел подготовительную работу для захвата власти. Но и его работа не в малой степени тормозилась дезорганизаторской деятельностью эсеров и меньшевиков, попавших частично и в новый Румчерод.

На II фронтовом с'езде в декабре 1917 г., созванном для переизбрания Румчерода, уже остро стоял вопрос о судьбе Бессарабии. Румыны расстреливали и обезоруживали русских солдат, румынская армия вступила в Бессарабию. Большевики поставили вопрос о принятии самых решительных мер, а эсер Лордкипанидзе заявил, что «большевики провоцируют войну на фронте, что они провоцируют кровопролитие, ведут безумную политику».

Румынские войска уже вступили в Бессарабию, заняли Кагул, Леово, Унгены, а меньшевик-интернационалист Айзман утверждал, что «создавшийся конфликт нельзя рассматривать как войну. Разрыва дипломатических отношений нет, не было и соответствующих ультиматумов со стороны центрального правительства»¹⁰.

Меньшевики, эсеры и бундовцы вошли в Сфатул-Церий, а бундовец В. И. Гринфельд был директором труда Сфатул-Церия. Этот «директор труда» фактом присутствия в Сфатул-Церии давал возможность руководителям Сфатул-Церия использовать «социалиста» для своей предательской деятельности.

Когда Румчеродом обсуждался вопрос о требованиях Румынии, меньшевики заявили, что, исходя из доклада Терзиева, Румыния не претендует на оккупацию Бессарабии. Она заботится только о получении продовольствия¹¹.

Большевики же вскрывали истинные планы румынского правительства и вместе с тем соглашательскую предательскую роль меньшевиков и эсеров, они подчеркивали, что борьба против Румынии это — борьба за Октябрьскую революцию против контр-

революции не только в Бессарабии, но и международной.

На заявление эсера Терзиева и меньшевиков большевик т. Юдовский ответил: «Правая оппозиция занимается обывательскими разговорами и не верит в энтузиазм революционного народа. Нужно стать на точку зрения революционера. Всякому контрреволюционному нашествию следует дать отпор. Война с Румынией—это продолжение революции, преодоление нового препятствия. Преодолевая румын, мы преодолеваем бессарабскую и украинскую реакцию и утверждаем власть советов»¹².

Под нажимом большевиков было принято следующее постановление:

1. Потребовать от румынского правительства немедленного увода войск.

2. Обратиться к Центральной раде (Киев) и к Сфатул-Церию, чтобы с таким же требованием обратились и они к румынскому правительству.

3. Обратиться с соответствующим требованием ко всем иностранным миссиям в Одессе.

4. Издать приказ войскам фронта и области о приведении их в боевую готовность и о приостановлении демобилизации.

5. Обратиться с воззванием к населению области об организации обороны.

6. Обратиться с воззванием ко всей России (в частности по радио) с разоблачением Сфатул-Церия и Щербачева.

На этом же заседании Терзиев просил внести в протокол заявление, что эсеры и другие соглашательские партии снимают с себя ответственность за эти действия и будут всеми средствами бороться против большевиков.

При обсуждении вопроса о Брестском мире и урегулировании отношений с Румынией меньшевики и эсеры подчеркивали, что они видят причину всех бед в советской власти. На пленарном заседании Румчерода от 7 марта 1918 г. меньшевик Айзман прямо заявил об этом.

Громадным большинством была принята следующая резолюция большевиков: «Считая, что дальнейшее ведение войны с Германией, Австрией и Румынией приведет к гибели всех революционных завоеваний, мы находим в данное время возможным заключение мира на предложенных противниками условиях. Не имея в настоящий момент достаточных сил для защиты сове-

¹⁰ Архив Октябрьской революции, ф. 412, дело № 6, стр. 11—14.

¹¹ Архив Октябрьской революции, ф. 412, дело № 6, 1917—1918 гг.

¹² Архив Октябрьской революции, ф. 412, дело № 6, лист 22.

тов и завоеваний революции на Украине, последняя может быть временно очищена от советских войск, чтобы в будущем, по накоплении революционных сил, организованных Румчеродом и советами, раздавить надвигающихся контрреволюционеров»¹³.

События развертывались. Большевики и эсеры были разоблачены. Они открыто перешли в лагерь контрреволюции и выступили как агенты румынской буржуазии и Антанты.

Румынские меньшевики шли единым фронтом с бессарабскими. Румынские социал-демократы считали, что нет смысла сейчас вести пропаганду среди войск, а необходимо заняться подготовкой «культурных рабочих», которые после окончания войны станут вести подготовку к революции. А в ожидании того, пока «полная демократия» подготовит наступление социализма, румынские социал-демократы санкционировали империалистическую политику Румынии и захват ею новых провинций.

Все революционные силы струсировались вокруг большевиков. В Одессе организовался румынский коммунистический центр из революционных рабочих (беженцев из Румынии). Он еще не оформился в коммунистическую партию Румынии, но члены организации вели работу в румынской армии, распространяли большевистскую литературу и принимали активное участие в борьбе против румынских оккупантов.

БОРЬБА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН БЕССАРАБИИ ПРОТИВ РУМЫНСКИХ ОККУПАНТОВ

Удержать в своих руках захваченную Бессарабию румынские империалисты могли лишь путем жестокой борьбы против рабочих и крестьян, против революционного движения, лишь при помощи жестокого белого террора. Расстрелы, пытки для рабочих, крестьян, большевиков — вот что ввели румынские империалисты в Бессарабию. Даже сын Щербачева в своем дневнике отмечает, что «жестокости, учиненные румынами, не поддаются описаниям. Лица, почему-либо не нравившиеся румынам, пропадали, и через несколько дней их находили в Днестре, под мостом. Вообще румыны вели себя как завоеватели. Они ликвидиро-

вали всех, кто в той или иной мере им мешал».

При входе в Кишинев румыны расстреливали солдат молдавского полка, а члены комитета полка были подвергнуты пыткам и разогнаны, так как молдавские солдаты с оружием в руках встретили завоевателей.

Президиум крестьянского съезда, собравшегося в январе 1918 г., был арестован и расстрелян, и все же съезд, несмотря на террор, единогласно высказался против румынской оккупации.

Завоеватели при вступлении в Бессарабию обратились к населению с воззванием для того, чтобы скрыть истинную цель ввода румынских войск. В этом воззвании за подписью командующего румынской армией генерала Презана румынское командование давало обещание, что румынская армия уйдет, как только она, мол, выполнит свою «миссию» охраны продовольственных складов и мирных граждан.

Воззвание ярко вскрыло роль Сфатул-Церия в захвате Бессарабии. «В этот репидительный неопределенный час Сфатул-Церий Молдавской республики вспомнил о нас и через русского командующего войсками просил нас перейти Прут—1) для того, чтобы принести порядок и спокойствие в села и города ваши, защитив жизнь и имущество всего народа против злоумышленников, и 2) для того, чтобы обеспечить перевозку всего необходимого для питания русских и румынских войск, которые охраняют ваши границы и тем охраняют и границы вашей страны». Так писал генерал Презан.

Воззвание не могло обмануть рабочих и крестьян Бессарабии, которые очень быстро увидели результаты хозяйничанья оккупантов. Массовые расстрелы и пытки большевиков, рабочих и крестьян были особыми методами «укрепления свободы» и охраны «мирных жителей». Были восстановлены органы буржуазно-помещичьей власти. Советы были уничтожены. Вот характерный приказ румынского командования:

«Довожу до сведения всех, что отныне не существует других властей в Тарутине, кроме волостной земской Управы, которая одна признана и облечена властью Румынской армией. Все комитеты и советы, которые существовали до сих пор, прекращают свои действия и дела. Кто же не подчинится этому приказу, будет арестован. Кто пытается бежать или скрыться, не сдавая де-

¹³ Архив Октябрьской революции, ф. 412, дело №14, 1917—1918 гг.

ла, семья того будет арестована. Капитан Гр. Караньану»¹⁴.

Рабочие и крестьяне под руководством большевиков ответили революционной борьбой против оккупантов.

При первых попытках румын захватить отдельные города и села Бессарабии местное население (за исключением зажиточной части населения и помещиков, которые смотрели на румын как на избавителей) оказывало энергичное сопротивление. Прибывший в Кишинев отряд трансильванцев был разоружен рабочими при участии молдаванских частей под руководством т. Левенсона. Румынские отряды были разоружены. Так например в Романовке, Болграде и др.¹⁵ при наступлении на Кишинев против румын выступали молдаванские и русские солдаты. Рабочие и окрестные крестьяне принимали деятельное участие в обороне города. Крестьяне сами без посторонней помощи давали бои румынской армии. Это имело место почти во всей Бессарабии. Из рабочих и крестьян организовывались добровольческие отряды.

Рабочие и крестьяне окрестных сел защищали Бендеры. В Бендерах рабочий состав жителей составляет главным образом железнодорожники, которые руководили боями против румын. Бессарабские железнодорожники всюду встречали румынских захватчиков что называется в штыхки.

При нападении на Бендеры железнодорожники были вооружены и заставили румын отступить на время из Бендер.

Даже Кирицеску говорит:

«Местное население, вооруженное большевиками и перешедшее на сторону большевиков, перерезало телефонные провода и атаковало оружием и пулеметным огнем румынские войска, стреляя из окон, чем причинило румынским отступающим частям тяжелые потери. Кровавые репрессии последовали против банд, составленных из местного гражданского населения, которые подло атаковали румынские войска во время их отступления». Рабочие и крестьяне организовали отряды для борьбы с румынами не только в Бендерах, но и в Кишиневе, Страшены, Калараш, Утены, Кагул, Волконешты, Болград, Кубей, Леово, Романовка, Вилков, Килия. Крестьянство вело партизанскую войну. При взятии

Вилково и Килии румынам пришлось выдержать серьезную атаку вилковских и килийских рыбаков и всей речной флотилии при участии румынских революционных отрядов. Некоторые отряды впоследствии в организованном порядке влились в красногвардейские и красноармейские части как например Болградский отряд, который был причислен к добровольческим отрядам красной гвардии и был назван «Революционный батальон Румчерод». («Архив», дело № 19, фонд 412). Аккерманский отряд вел борьбу при участии отрядов красной гвардии.

Кроме того были сформированы революционные румынские отряды для активной борьбы с оккупацией Бессарабии.

Румынские революционные отряды пополнялись из числа румын-рабочих и солдат, находившихся в Одессе, в Бессарабии и в области в количестве от 10 до 15 тыс. Руководство этими отрядами было возложено на Военно-революционный комитет (организованный 14 января 1918 г.), находившийся в свою очередь под руководством румынского коммунистического центра в Одессе. Эти отряды в дальнейшем дрались на разных фронтах гражданской войны вместе с частями Красной гвардии и Красной армии.

Румынские солдаты в массовом количестве дезертировали из армии. Подходя к тому или иному селу или городу Бессарабии, румынское командование не сразу решалось наступать, продвигаясь с опаской, всячески стараясь избежать столкновения с местным населением, ибо бои с местным населением действовали на румынских солдат—революционизировали их.

Сигуранца все время жаловалась, что русские войска «разлагающе» влияют на румынских солдат и мирных жителей.

Трудящиеся Румынии присоединялись к этим протестам русских солдат. Учитывая все эти факты, свидетельствующие о том, что румынская армия и румынские трудящиеся не отделены китайской стеной от русской революции, румынское правительство конечно не рискнуло бы вторгнуться в Бессарабию, если бы этому не способствовала помощь контрреволюции внутри Бессарабии, политика Сфатул-Церия, Щербачева, меньшевиков и эсеров и сосредоточение сил Красной армии на борьбе с контрреволюцией на Украине.

В целях борьбы с румынскими захватчиками в Одессе и в частях, находившихся в прифронтной полосе, организовались от-

¹⁴ Сборник «Гражданская война», материалы, т. II. Высший военный редакцион. совет., 1923 г.

¹⁵ Архив Октябрьской революции, фонд 412, дело № 6, стр. 14.

ряды красной гвардии, причем главным контингентом этих частей были рабочие-добровольцы. Сюда входили и красногвардейские части тех бессарабских уездов, которые не были еще заняты румынами¹⁸.

Вот что пишет один из организаторов этих красных отрядов:

«Главную роль в деле привлечения рабочих в ряды Красной армии, в агитации среди них, несомненно надо приписать фабрично-заводским комитетам и правлениям профессиональных союзов. Рабочие дружно откликались на призыв к борьбе против румынской опасности». Этими фабрично-заводскими комитетами и профсоюзами руководили большевики.

Газеты того времени полны объявлений следующего рода:

«Союз рабочих парикмахеров принял следующую резолюцию: «Мы, рабочие-парикмахеры, все единодушно, с гордо поднятой головой, решили вступить в Красную гвардию для защиты революции и свободы от контрреволюционной буржуазии. Сильные духом и крепкие телом товарищи должны вступить в ряды революционной армии».

Рабочие комитеты завода И. Эллингга. Т-ва Беллино-Фендерих постановили немедленно приступить к мобилизации на заводе частей революционной армии и предоставить ее в распоряжение временного революционного комитета. Вместе с тем комитет, указывая на недопустимость несения караульной службы в городе отрядами, не стоящими за лозунг «Вся власть Советам», просит революционный комитет о немедленном разоружении дружин, не стоящих на этой платформе, и замены их надежными частями.

Эта работа вначале концентрировалась вокруг штаба красной гвардии, с которым были связаны фабрично-заводские комитеты.

«Известия» Одесского совета 11 февраля 1918 г. писали:

«Вчера в течение всего дня непрерывно поступали в штаб красной гвардии от заводских комитетов списки рабочих, подлежащих, согласно приказа Румчерода, поступить в распоряжение красной гвардии для немедленного вооружения их и отправки в виде рабочих отрядов против румын. В течение вчерашнего дня в штаб

красной гвардии поступили списки больше чем от 100 заводских комитетов».

Вторжение румын в Бессарабию повлекло за собой решительные действия со стороны Совета народных комиссаров. 26(13) января 1918 г. Совет народных комиссаров постановил:

«1. Все дипломатические отношения (с Румынией) прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынских властей высылаются за границу.

2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранение этого фонда и передает его в руки румынского народа».

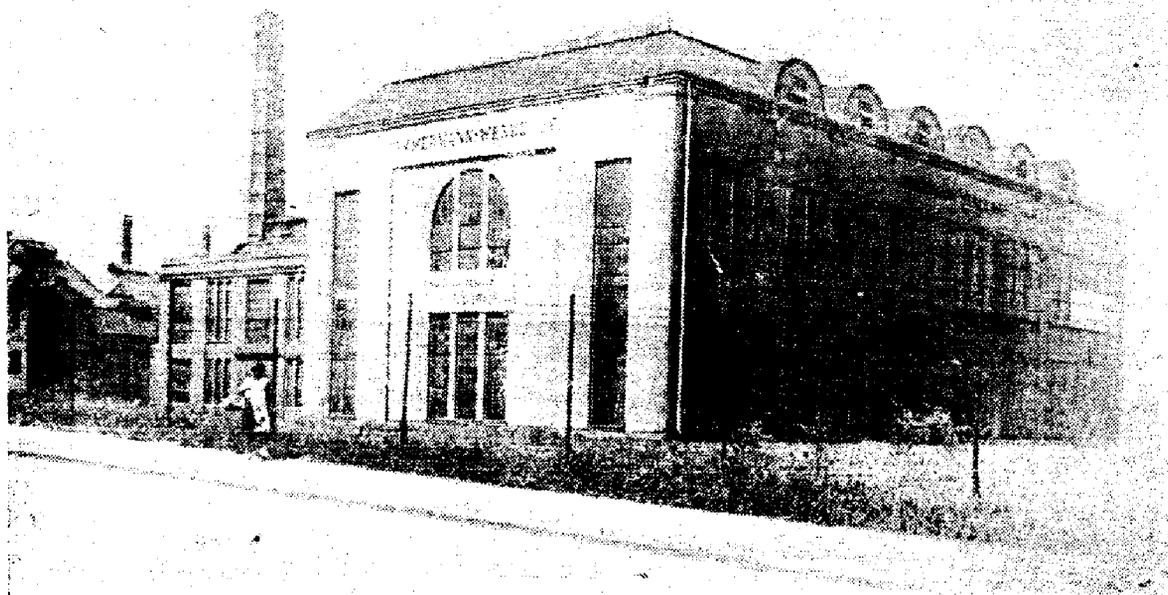
Революционные отряды, состоявшие главным образом из бессарабских рабочих и крестьян, перешли Днестр в Тирасполе, где в начале февраля 1918 г. был организован тираспольский отряд под руководством гг. Венедиктова, Горькави и Ф. Левензона.

В конце февраля была организована особая армия для борьбы против Румынии, состоявшая из добровольческих отрядов: Бессарабский конный добровольческий отряд, Днестровский полк, Конный партизанский отряд Котовского, Красногвардейский батальон, Бендерский батальон смерти, 5-й и 6-й конные заамурские полки. Но III армия, предназначенная для борьбы с Румынией, была вынуждена перейти на другие фронты гражданской войны.

Советское правительство не признает никаких «международных договоров», дающих румынам право грабить трудовое население Бессарабии. Требование плебисцита—это требование советского правительства, и никакие «международные договоры» не помогут румынским боярам и капиталистам. Бессарабия отторгнута румынскими захватчиками, которые боятся плебисцита, зная отношение трудящихся масс Бессарабии к румынским оккупантам. Широкие массы рабочих и крестьян СССР и всего мира хорошо помнят слова г. Сталина на XVI съезде ВКП(б): «На основании какого международного права отсекли господа «союзники» от СССР Бессарабию и отдали ее в рабство румынским боярам? Если это называется международным правом и международным обязательством, то что же называется тогда грабежом?»

¹⁸ Архив Октябрьской революции, дело 412, ф. № 31, стр. 175, арх. дело № 13, ф. 412.

*„Продаётся,
или сдаётся в
аренду“ — над-
пись, которая
все чаще появ-
ляется на коро-
тах фабрик Гер-
мании*

**...КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА КАПИТАЛИСТИЧЕ-
СКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НАЧИНАЮТ ОБОСТРЯТЬ-
СЯ, БУРЖУАЗИЯ ОБРАЩАЕТ СВОИ ВЗОРЫ В
СТОРОНУ СССР: НЕЛЬЗЯ ЛИ РАЗРЕШИТЬ ТО ИЛИ
ИНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КАПИТАЛИЗМА, ИЛИ ВСЕ
ПРОТИВОРЕЧИЯ, ВМЕСТЕ ВЗЯТЫЕ, ЗА СЧЕТ
СССР, ЭТОЙ СТРАНЫ СОВЕТОВ, ЦИТАДЕЛИ РЕ-
ВОЛЮЦИИ, РЕЗОЛЮЦИОНИЗИРУЮЩЕЙ ОДНИМ
СВОИМ СУЩЕСТВОВАНИЕМ РАБОЧИЙ КЛАСС И
КОЛОНИИ, МЕШАЮЩЕЙ НАЛАДИТЬ НОВУЮ ВОЙ-**

*После разгрома
демонстрации
полицейские
отряды обхо-
дят рабочие
кварталы*

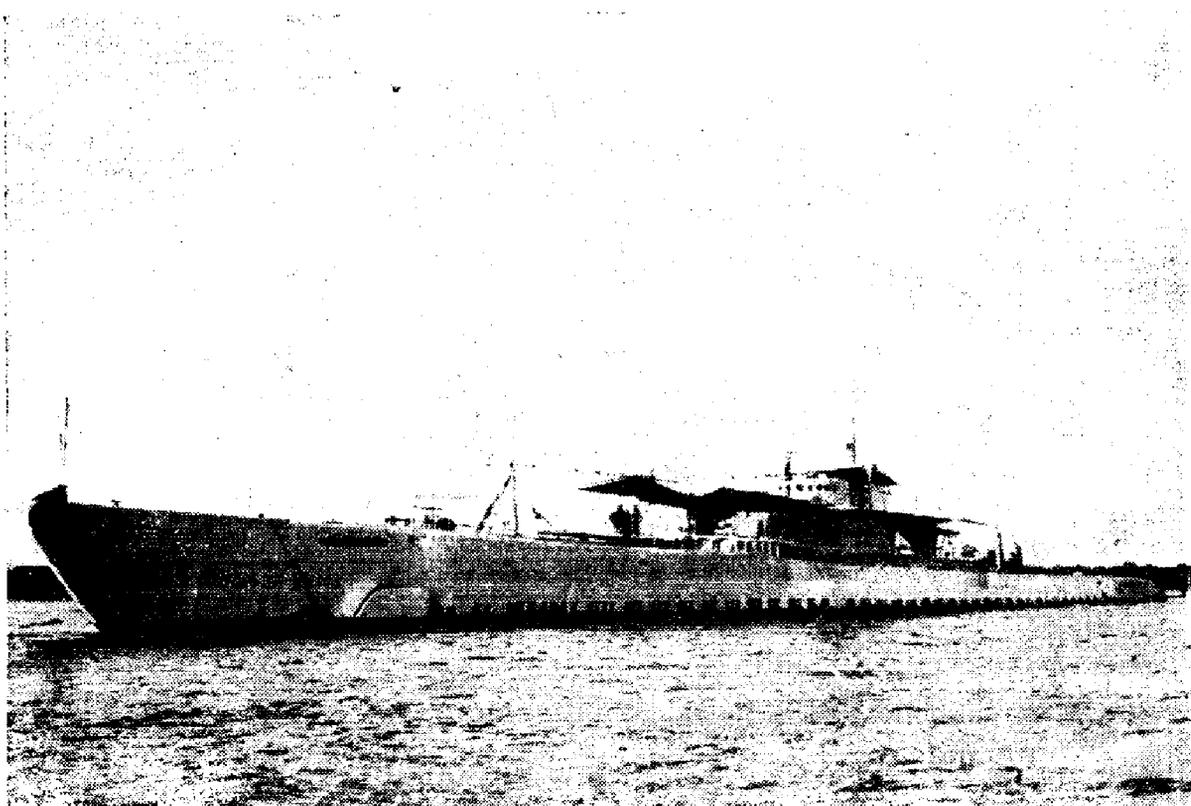
Англия расправляется со своими колониями

ну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом. Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом.

СТАЛИН

Америка показывает нового чемпиона военного флота: ныряющую субмарину; пробные ныряния на 332 фута продолжительностью 45 мин. — рекорд военного флота

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА, СТОЯЩАЯ СЕЙЧАС ПЕРЕД ВСЯМИ КОММУНИСТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ, ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ЗАВОЕВАНИИ БОЛЬШИНСТВА РАБОЧЕГО КЛАССА КАК НЕОБХОДИМОМ УСЛОВИИ ПОБЕДЫ НАД БУРЖУАЗИЕЙ И ПОДГОТОВКИ РАБОЧЕГО КЛАССА К РЕШАЮЩИМ БОЯМ ЗА ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА.

(Из резолюции XI пленума ИККИ)

Демонстрация красного дня в Берлине. На плакатах: „Не солдат Гинденбурга, а солдат красного классового фронта“, „Советский союз — отецество мирового пролетариата“

Распространение коммунистических газет и плакатов красных фронтовиков на бирже труда в Берлине

большое и ценное приобретение, имеющее и практически полезное значение для борьбы французской компартии. Следует принять во внимание, что до сих пор еще отсутствует работа, которая собрала бы материал и представила бы в цельном и полном виде на основе указаний Ленина и Сталина историю коммунистической партии во Франции. Книга т. Ферра — первая попытка выполнить трудную задачу. Тов. Ферра писал ее, находясь в нелегальных, чрезвычайно тяжелых условиях практической и теоретической работы. Естественны поэтому и некоторые ошибки, имеющиеся в ней. Мы уверены, что т. Ферра, как только представится возможность, устранит недочеты своей книги и, воспользовавшись товарищескими указаниями, сделает ее еще более ценной для марксистско-ленинской исторической науки.

«Правда» от 13 июля 1932 г. сообщила, что французская полиция арестовала т. Ферра. Правительство Эррио и его полиция надеются разбить революционное движение сладкими речами «социалистов» типа Леоны Блюма — Реноделя и арестом руководителей революционной борьбы французского рабочего класса.

Рабочие всего мира знают, что никакие репрессии не смогут остановить роста и победы большевизма во Франции.

Французский пролетариат имеет свою классовую партию, выходящую во главе пролетарского революционного движения. Этой партии и плодов ее борьбы не уничтожить ни обманом, ни насильем.

ФЕРРА

О Б Р А З О В А Н И Е Ф Р А Н Ц У З С К О Й К О М П А Р Т И

ИЗМЕНА СОЦИАЛИСТОВ И СИНДИКАЛИСТОВ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ

Состояние разброда, в котором находилось революционное движение во Франции перед войной, объясняет его полную беспомощность в тот момент, когда разразилась катастрофа. Измена его вождей отнюдь не является случайностью: это — естественный результат всей их предшествующей политики. Если они сразу и самым циничным образом стали на позиции социал-шовинизма, то это произошло потому, что в зародыше социал-шовинизм существовал уже до войны, под покровом

социалистических и пацифистских, даже «бунтовщических» фраз, предназначенных для употребления на ежегодных конгрессах и публичных собраниях. Социал-патриотизм и социал-шовинизм 1914 г. — лишь конкретное проявление довоенного социал-реформизма.

В последние дни июля 1914 г., когда война стучалась уже в двери, часть социалистических и синдикалистских вождей устроила под давлением масс, чувствовавших приближение войны, несколько платонических демонстраций. 27 июля 1914 г. например некоторые рабочие газеты, говорившие от имени Конфедерального бюро, различных синдикалистских организаций и согласительного комитета социалистической молодежи, обратились к рабочим с призывом к устройству демонстрации на Больших бульварах. Демонстрация была запрещена правительством. Синдикалистские и социалистические вожаки, развращенные буржуазной легальностью, успокоились на этом, и демонстрация, так же, как и назначенные на последующие дни митинги, была сорвана. Сбитые с толку передовые рабочие разыскивают друг друга, отправляются в помещения профсоюзов и социалистических организаций за указаниями, что делать. Ответа они не получают. Замешательство полнейшее. Наконец Марсель Самба и Лонге приносят 2 ав-

густа 1914 г. в зале Ваграм следующий ответ:

— Вы будете драться ради защиты французской культуры, ради защиты свободы народов,—говорит Самба.

— Если завтра на Францию будет совершено нашествие, — говорит Лонге, — допустимо ли, чтобы социалисты не выступили первыми на защиту Франции революции и демократии, Франции Энциклопедии, Франции 1789 года, июня 1848 г., Франции Прессансе, Франции Жореса?

После убийства Жореса печаль и возмущение рабочего класса достигают высших пределов, социалистические же и синдикалистские вожди используют похороны Жореса для того, чтобы еще сильнее внедрить в сознание масс идею необходимости защиты капиталистического отечества. На похоронах Жореса Жуо «от лица тех, кто собирается отправиться на фронт», к которым он причисляет и себя, возбуждает рабочих против германского империализма. Старый Эдуард Вальян, всю свою жизнь выступавший перед массами как один из лучших вождей революционеров и интернационалистов, восклицал:

— Поклянемся, что мы до конца выполним свой долг перед родиной, перед республикой, перед революцией.

Вождя анархистов, вроде Себастьяна Фора, стоят на той же позиции. Все «революционные» вожди рабочего класса объединились на почве ренегатства.

Предательство свершилось. Банкротство полное. Этим днем датируется подлинный разрыв между социалистической партией и анархо-реформистским синдикализмом, с одной стороны, и революционными массами — с другой.

Буржуазия удовлетворена. «Тан» может заявить 4 августа: «Мы не можем требовать ничего большего от г. Эдуарда Вальяна и его друзей».

С этого момента социализм и синдикализм организуются для еще более лучшего служения делу империализма. Официальные вожди, кадры, социалистическая и синдикалистская печать становятся лучшим орудием проведения политики французской буржуазии. Через наиболее развращенных вождей социал-демократии и синдикализма, в частности Жуо и Реноделя, министр внутренних дел Мальви фактически управляет всеми социалистическими и синдикалистскими организациями, пользуясь с исключительной ловкостью, где угрозами, где подкупом. Таким путем газета «Юма-

ЖУО

ните» превращается в руководящий орган официального шовинизма, который преподносится на потребу рабочему классу.

«Нам нужны люди и ружья» — писал например Компер Морель. А декларация социалистической фракции в парламенте, завершая единодушную измену вождей, заявляет: «Не должно быть места слабости и расхлябанности. Начальники и солдаты должны быть воодушевлены горячей верой в победу!»

Социалистические и синдикалистские вожди не довольствовались тем, что выставляли напоказ свою никчемность и падение. Они открыто перешли на сторону классового врага и стали активными агентами шовинистической буржуазии, поборниками войны «до победного конца».

Эта система измены и предательства была увенчана участием социалистов в Комитете для защиты республики и вступлением Гэда и Самба в министерство священного единения.

Пролетариат не реагировал на это сразу. Десятки лет реформизма, анархосиндикализма и соглашательства лишили его способности быстро реагировать революционным путем на это предательство. Ему не хватало понимания самого главного: того, что война эта — война империалистическая, и что пролетариат должен бороться против всякой империалистической вой-

ны; он не понимал того, что империалистическую войну можно превратить в войну гражданскую. Он не знал главного средства, при помощи которого можно превратить империалистическую войну в войну гражданскую: нелегальной организации всех революционеров, призванных на войну.

Понятно, что при таком положении вещей лишь много времени спустя могла появиться реакция против войны, за революционный интернационализм. Сперва выступают отдельные лица, их выступления носят изолированный характер. Например Монатт, делегат Ронской федерации, подает руководству Генеральной Конфедерации труда (ГКТ) заявление об отставке и выступает в декабре 1914 г. с нагнетавшей декларацией. Затем вокруг некоторых социалистических газет, в частности вокруг газеты «Попюлер дю Сантр», издающейся в Лиможе, начинает выкристаллизовываться некая оппозиция, пока очень неопределенная, с расплывчатыми пацифистскими тенденциями. Эта газета, орган федерации От-Вьсна, стала центром, вокруг которого начинают группироваться элементы, никогда не бывшие последовательно революционными интернационалистами, но которые принадлежат к тому соглашательскому пацифистскому течению, которое отражает стихийное настроение рабочих масс, инстинктивно восстающих против бойни.

Эти настроения отражали и другие органы, как например издававшаяся в Уайонна газета «Эклерер де л'Эн» (в настоящее время — орган французской компартии). Несколько недель спустя после объявления войны эта газета напечатала открытое письмо Эдуарду Вальяну, в котором задавала ему ряд вопросов: для чего война? чем объяснить противоречие между прежней позицией Вальяна и теперешней? и т. д.

Кроме Лиможа и Парижа уголками, затронутыми начинавшейся пацифистской и интернационалистской пропагандой, были Уайонна, Лион и Гренобль.

Это расположение пацифистских центров первоначально поблизости от швейцарской границы объясняется, помимо прочих причин, деятельностью небольшой большевистской группы во главе с Лениным, которая велела свою плодотворную агитацию за превращение империалистической войны в войну гражданскую.

В марте 1915 г. состоялась в Берне пер-

вая международная конференция с участием делегатов от большевиков. Это была конференция женщин и молодежи. Франция не была представлена на ней ни одним делегатом от молодежи, но в ней принимала участие Луиза Сомоно. Эта первая попытка соединения революционных сил против войны встретила во Франции очень слабый отклик. Только в октябре 1915 г., после опубликования воззвания и ареста Луизы Сомоно, бернская конференция получила некоторый отклик среди французского пролетариата.

Лишь 15 августа 1915 г. на конференции федераций впервые оформилось синдикалистское меньшинство. Оно получило 27 голосов против 81, поданных за Жюо, при 10 воздержавшихся.

Эти первые во Франции выступления против войны были неорганизованы и слабы, ни одно из них не имело последовательно революционного характера. В большинстве случаев это были сантиментальные выступления людей, возмущенных войной и предательством социалистических и синдикалистских вождей, но не имеющих однако ясного представления о революционных методах, которые следовало бы применить.

ЦИММЕРВАЛЬДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И КОМИТЕТ ДЛЯ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Подлинное начало более или менее организованного и систематического движения против войны положила конференция, происходившая с 5 по 8 сентября 1915 г. в Циммервальде (Швейцария).

Практическая работа по созыву конференции лежала на швейцарском социалисте Гримме и левом крыле итальянских социалистов, но фактически душой всего дела были большевики, активно участвовавшие и в созыве и в работах конференции, в которой принимали участие делегаты Германии, Франции, Норвегии, Швеции и России.

Циммервальдская конференция была лишь первым шагом на пути революционной борьбы против войны. Позиция, получившая на ней большинство в 19 голосов против 12, не была позицией большевиков; то была позиция центристов, возглавляемых Ледебуром, т. е. позиция оппортунистов, которые в тот момент, когда ра-

бочий класс начинает проявлять свои революционные настроения, становятся во главе движения, чтобы затем направить его по ложному пути.

По возвращении из Циммервальда Мерргейм и Бурдерон вновь организуют деятельность Комитета для возобновления международных отношений, который фактически возник в августе 1915 г. Этот комитет является первой ячейкой, вокруг которой мало-помалу объединяется ряд товарищей, образовавших впоследствии коммунистическую партию во Франции.

Ни один из членов комитета не был ни большевиком, ни даже левым циммервальдистом. Даже «наиболее левые» из всех, Росмер и Монатт, были далеки от того, чтобы быть большевиками. Небольшой кружок членов Комитета, собиравшийся в помещении редакции «Ви увриер», был проникнут не идеологией большевизма, а идеологией Каутского, Ледбура, итальянских центристов, Троцкого, борového с большевиками. Все они считали диким бредом помешанного основной лозунг Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Комитет для возобновления международных отношений состоял из правых циммервальдистов. Наиболее видные его члены были связаны с русскими социал-демократами-интернационалистами, находившимися в Париже — Троцким, Вольским, Мартовым. В начале не было установлено никакой прямой связи с большевиками, несмотря на то, что посещающий группу швейцарский социалист Гримм был связан с большевиками в Швейцарии. Лишь позже устанавливается непосредственная связь. Комитет, секретарем которого сперва был Мерргейм, а потом Лорио, разбит на две секции: синдикальную и политическую. В этом сказывается пережиток деления французского революционного движения перед войной. Однако на первых порах повелительная необходимость борьбы против войны одерживает верх над предрасудками и злополучными пережитками прошлого, и в одной ячейке объединяются элементы синдикалистские и социалистические. Ситуация диктует абсолютную необходимость единства революционного движения под единым политическим руководством, ибо ясно, что деятельность Комитета есть деятельность политическая. Политическая секция проводит работу меньшинства в рядах социалистической

партии, а синдикалистская секция ведет свою работу внутри Генеральной конфедерации труда, в частности в федерации металлистов.

Программа Комитета для возобновления международных отношений крайне обща. В противовес большевикам, отстаивавшим лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, комитет выдвигал на первый план лозунг: «за мир». А каким образом вести борьбу за мир? Путем проповеди возобновления международных отношений между различными секциями II интернационала. Будучи далек от мысли, что II интернационал окончательно провалился, не понимая, что как революционная сила он — мертв, не считая необходимым создание III интернационала, комитет мечтал воскресить II интернационал.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что при такой программе методы действия комитета в корне отличны от методов большевиков: он не ведет работы в массах, не ведет организационной работы, не ведет нелегальной работы. Единственный метод его работы — пропаганда. Комитет представляет собой небольшой кружок пропагандистов, душой которого является Росмер, который после отъезда Монатта на фронт становится подлинным идейным руководителем группы. Сперва он издает брошюру о Циммервальде, потом — письма к подписчикам «Ви увриер». В них содержится протест против шовинистической лжи (например в письме под заглавием «Бельгия и клочок бумаги»), в них содержится протест против репрессий, которым подвергаются активные пацифисты и интернационалисты. Но мы тщетно старались бы найти здесь ясные указания относительно организации работы в массах или постановки нелегальной работы, или организации революционеров в армии или на фабрично-заводских предприятиях.

После образования Комитета для возобновления международных отношений в социалистической партии и в синдикатах усиливается движение меньшинства. Многие партийные организации выносят резолюции протеста против ареста Луизы Сомоно после ее возвращения из Швейцарии.

На съезде социалистической партии в 1915 г. делегаты от ряда организаций группируются вокруг пацифистской, он-

опортунистической оппозиции из федерации От-Вьенн. Они требуют возобновления международных отношений, и в результате принимается соглашательская центристская резолюция. Эта резолюция, авторами которой являются Лонге и Прессман, вместо того, чтобы четко поставить вопрос о войне, обходит его и, наоборот, пытается сохранить единство с изменниками, представителями «святого единения».

Однако этот съезд был отмечен двумя знаменательными фактами. Впервые со времени начала войны раздается пение «Интернационала», и этот гимн революции — «позорный», «возмутительный» — приводит в негодование социалистов большинства, которые грозят, что они заставят очистить трибуны.

Наконец резолюция Бурдерона, которая была предложена циммервальдистами, собрала 76 голосов против 2.736.

Успехи меньшинства привели к тому, что некоторые социалистические газеты начали несколько более открыто высказываться против войны.

На заседании национального совета 9 апреля 1916 г. уже явно обнаруживаются успехи меньшинства. Оппозиция собирает уже 960 голосов против 1.900, полученных большинством.

Однако движение меньшинства поражено в высшей степени серьезной болезнью, которую необходимо немедленно вскрыть и на борьбу с которой все честные революционеры должны мобилизовать все свои силы: циммервальдистское движение во Франции не только продолжает оставаться колеблющимся, робким, непоследовательным, — оно начинает уже подпадать под влияние идеологии, проповедуемой оппортунистами Лонге и Полем Фором. В числе 960 голосов, полученных на Национальном совете, имеются одновременно голоса и циммервальдистов и лонгетистов. Вместо того, чтобы приступить к организации и сплочению последовательно революционных сил для борьбы против войны, циммервальдизм рискует окончательно выродиться, вступая на путь лонгетистского пацифизма, на путь оппортунизма, фактически поддерживающего социал-шовинистов.

С этого момента для каждого сознательного революционера становится совершенно ясным, что лонгетизм — наиболее опасное для рабочего класса Франции течение, что именно против него необходимо мобилизовать все силы. Если он

не будет разоблачен самым беспощадным образом, во Франции не будет уже революционной оппозиции против войны; вместо нее будет существовать пацифистское течение, которое рано или поздно вернется в лоно пресвятой социал-демократии.

Это бесформенное пацифистское течение представляло тем большую опасность, что оно имело под собою глубокие корни. Его основной базой являлась жажда мира, охватившая миллионы людей. Каждый солдат ставил вопрос: «когда мы получим мир? когда окончится война?» И политические деятели, которые толкуют о мире, которые рисуют заманчивую перспективу более или менее близкого мира, могут быть уверены, что и солдаты, страдающие в траншеях, и массы рабочих внимательно прислушиваются к их словам.

Играя на самых сокровенных чувствах масс, направляя их внимание в сторону необходимости добиваться сближения между воюющими империалистическими правительствами и между их слугами — социал-шовинистами, лонгетизм играл по отношению к солдатам, рабочим и крестьянам предательскую роль. Он пытался отвлечь внимание масс от сознания, что мир может быть достигнут не иначе, как через гражданскую войну. Он рассматривает поражение, как одиозный лозунг. Разглагольствуя о мире, он в то же самое время продолжает принимать участие в священном единении и голосует за военные кредиты — точь в точь, как завзятые социал-шовинисты. Он пытается убедить массы, что партии II интернационала способны осуществить мир. Своими демагогическими речами о мире он пытается реабилитировать в глазах масс II интернационал. Вот почему лонгетизм является самой главной опасностью.

КОНФЕРЕНЦИЯ В КИНТАЛЕ.

ОПОРТУНИСТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И ПОПЫТКИ ВЫПРАВИТЬ ДВИЖЕНИЕ МЕНЬШИНСТВА

В этих условиях, когда угрожала опасность эволюции в сторону оппортунизма и быстрого вырождения циммервальдистского движения, была созвана конференция в Кинтале, продолжавшаяся до 20 мая 1916 г. или, как ее часто называют, вторая циммервальдская конференция.

Официальным делегатам Комитета по возобновлению международных отношений — Бурдерону, Мерргейму и Мари

Мэю — не были выданы паспорта. А так как Комитет не имел никакой нелегальной организации (что свидетельствует о том, насколько сильны были даже среди лучших элементов традиции буржуазного легализма), то они не могли поехать. Их «заменяли» те, кого впоследствии прозвали «тремя кинталскими паломниками», — Раффен-Дюжане, Александр Блан и Бризон. Они не принадлежали даже к циммервальдской правбе: будучи провинциальными социалистическими парламентариями, они отправились по собственному почину на эту конференцию, не имея ни малейшего представления о том, что такое борьба против войны. Вполне естественно, что они путали деятельность циммервальдистов с деятельностью социал-пацифистов. Эта делегация получила прекрасную политическую характеристику на страницах сборника «Против течения»¹:

«Довольно неожиданно для участников конференции прибыло 3 члена палаты депутатов: Бризон, Раффен-Дюжане и Блан. Их приезд в Циммервальд тоже несомненно является отголоском нарастающего во Франции протеста масс против империалистической войны. Все трое названных депутатов до сих пор принадлежали к самой робкой «оппозиции его величества». Все они примыкали к группе Лонге-Прессмана — к группе французских каутскианцев худшего типа. Все они и теперь повторяют каутскианские фразы, о том, что и французы, и немцы были правы, голосуя за кредиты. Ибо одним-де угрожало вторжение пруссаков, другим — вторжение казаков. Все они не хотят видеть глубоких причин кризиса и проповедают взаимную амнистию обанкротившихся социал-патриотических партий. Все они наполовину повторяют социал-шовинистские фразы о «благородной Франции», будто бы защищающей в этой войне традиции революции, и т. д. Слушая их речи, иногда можно было подумать, что это — люди прямо из лагеря неосознавших себя социал-шовинистов. Но их поведение после конференции, их выступления во Франции против господ, стоящих во главе француз-

ской «социалистической партии», показали другое: эти люди, хоть и очень плохо, очень непосредственно и с большими колебаниями отражают настроения значительных кругов демократии и обманутых в начале войны рабочих, которые теперь стремятся выступить против войны, против социал-шовинистского обмана. Они безбожно путают. У них куча предрассудков против последовательного интернационализма. Но массовое движение толкает их в сторону Циммервальда. Даже во Франции, где положение социализма сейчас особенно трудное, массовый протест крепнет, движение просыпается. В Париже и провинции образовались первые группы французских рабочих, последовательно отстаивающих подлинный интернационализм и примыкающих к циммервальдской левой. Их задачей будет использовать начавшееся разложение среди французских социал-шовинистов».

Таким образом эти три депутата, ничего общего не имевшие с революцией, оказались, помимо своей воли, распространителями учения, о котором они не имели понятия.

После конференции в Кинтале Комитет для возобновления международных отношений выпустил прокламацию со знаменательным введением: «Многие социалисты-депутаты германского рейхстага, и среди них — наш доблестный товарищ Ледебур, желавшие принять участие во второй конференции, были лишены возможности переехать через границу».

В то время как, с одной стороны, комитет политически солидаризируется с центристским отщепком международного социализма, с другой стороны, он спешит указать, хотя и очень осторожно, но достаточно ясно, на свои разногласия с большевиками, которым не удалось провести своей точки зрения на конференции.

В воззвании сквозит еще соглашательство и социал-пацифизм центристов. Однако там говорится:

«Виновниками войны являются газеты, издающиеся на средства из секретных фондов, поставщики на армию и все, кто наживается на войне: социал-националисты, повторяющие, как попугаи, воинственные формулы своих правительств; реакционеры.

¹ «Против течения», Госиздат, изд. 3-е, 1923 г., стр. 357 — 358.

втайне радующиеся гибели на поле битвы тех, кто вчера угрожал существованию их насильственно захваченных привилегий, т. е. социалистов, рабочих-синдикалистов и крестьян, сеющих потом и кровью пропитанный хлеб на полях. Вот кто в партии сторонников продолжения войны».

Это в прокламации единственный намек на шовинистическую деятельность социалистов. За исключением этого словечка, которое кажется затерявшимся во всем остальном тексте, вы не найдете никакой другой критики социал-шовинизма. Что же касается лозунгов, то они гласят: «Всеми средствами, имеющимися в вашем распоряжении, положите конец мировой войне!» «Немедленный мир без аннексий!», «Долой войну! Да здравствует мир!».

Основной смысл этой прокламации—довольно смертей, довольно страданий, восстаньте, женщины и т. д., требуйте немедленного прекращения сотрудничества социалистов с капиталистическим правительством войны. Однако в ней имеется и одно вполне конкретное указание, именно: требуйте от социалистических парламентариев, чтобы они голосовали против военных кредитов, испрашиваемых для продолжения войны.

Листовка, отпечатанная в «специальной типографии федерации металлистов», была подписана от имени Франции группой революционных студентов-социалистов «Таннуво» («Новое время») и Комитетом для возобновления международных отношений.

После конференции в Кинтале по крайней мере три депутата не вотировали военных кредитов и остались верны обещаниям, данным ими на кинтальской конференции.

Однако это не помешало развитию оппортунистических тенденций в рядах циммервальдистов. На национальном совете 6 и 7 августа 1916 г. циммервальдистское меньшинство блокируется с лонгетистами и получает 1.081 голос против 1.850, полученных большинством. Однако это меньшинство вступает в Комитет защиты международного социализма—социал-оппортунистическую организацию, которая поставлена завести циммервальдизм в болото.

В конце декабря 1916 г. эволюция меньшинства в сторону оппортунизма принимает все более тревожный характер. Меньшинство, растворившееся в оппортунистическом потоке, раз'едаемое лонгетизмом,

одерживает на Национальном совете социалистической партии «победу» и входит в редакцию газеты «Юманите», бывшей до этого момента в руках Реноделя.

Опасность подобной эволюции совершенно очевидна. Будучи далеким от того, чтобы раз'яснить массам необходимость раскола со II интернационалом, не думая вести работы по созданию коммунистической партии, меньшинство занималось платоническим интернационализмом и попало в фарватер вильсонизма.

Как раз в начале 1917 г. президент Вильсон начинает свои пацифистские декларации от имени американского империализма. В это же время Австрия выступает с предложением сепаратного мира, и вся шумиха, поднятая Вильсоном вокруг этих мирных предложений, лишь прикрывает на самом деле желание буржуазии продолжать войну. Теперь уже невозможно вести войну, как прежде; самые истерические лозунги шовинистов оказывают на массы все меньшее и меньшее влияние. В массах, особенно в армии, чувствуется усталость. Если буржуазии не удастся ее ловкий ход—воспользовавшись наиболее популярной в массах идеей, заставить их служить ее целям,—недовольство масс может перейти в восстание. Вот почему именно в это время Вильсон в Америке, и Пуанкаре во Франции, и Вильгельм II в Германии вдруг оказываются сторонниками справедливого мира. Лучшим средством втянуть в войну массы американского народа, лучшим средством заставить массы пойти на продолжение войны являются призывы к выступлению во имя мира.

Ядовитая вильсоновская идеология глубоко проникает в ряды рабочего класса и заражает даже меньшинство. Этим объясняется тот факт, что за приветственный адрес президенту Вильсону одновременно голосовали и социалисты, и синдикалисты, и Жуо, и Мерргейм, и Бризон, и Леон Блюм, и Раффен-Дюжанс, и Ренодель. Вильсонизм сотворил «чудо», объединив на приветственном адресе имена, которые казались несовместимыми.

Кроме того в ответ на патриотическую профсоюзную конференцию в Лидсе, в которой приняли участие вожди английского, итальянского, французского и американского профдвижения, синдикалисты, входящие в Комитет для возобновления международных отношений, организуют самостоятельный Комитет защиты профсоюзов.

В первый раз происходит открытый разрыв среди пионеров Циммервальда: Мерргейм отказывается вступить в этот комитет.

Необходимо было добиться во что бы то ни стало дифференциации внутри этого меньшинства. Но лишь к концу 1916 г. часть Комитета для возобновления отношений под руководством Лорио, Луизы Сомоно, Картье и Мэйю, образовалось левое крыло для выпрямления линии комитета. Это левое крыло вело тем успешнее борьбу за выпрямление линии комитета, что оно начало пользоваться советами и непосредственной помощью большевиков, находившихся в Швейцарии.

Выпрямление линии комитета началось с исключения из его состава Мерргейма и Бурдерона, давших свои подписи под адресом Вильсону. Лорио, Сомоно, Раппопорт, Мэйю, Картье и др. берут в свои руки руководство комитетом. Однако правая часть его еще сильна. Чтобы проводить и в дальнейшем правильно начатую линию, Лорио отправляется за советом к Ленину в Швейцарию и в последующее время, поскольку Лорио следует советам Ленина и большевиков, он ведет правильную и успешную борьбу с оппортунизмом, за последовательно революционную линию борьбы против войны.

Непосредственно после этого свидания Лорио публикует в газете «Нувель Энтэрнациональ», выходящей в романской Швейцарии, статью в пользу основания III интернационала. В основу ее была положена основная идея, выдвинутая Лениным в самом начале войны: «II интернационал умер, да здравствует III интернационал».

В одном из своих первых писем Комитету для возобновления международных отношений Ленин предлагает, чтобы французская оппозиция высказалась открыто и откровенно против социал-шовинистов и лонгетистов, поставив четко вопрос о необходимости раскола. Ленин доказывает абсолютную необходимость разрыва не только с социал-шовинистами, которые начинают уже дискредитировать себя в глазах масс, но и полного разрыва с центристскими элементами, с лонгетистами, чья историческая роль сводится к одурачиванию масс, к тому, чтобы идти налево тогда, когда массы левеют, с тем, чтобы повести их потом обратно вправо. Он настоятельно рекомендует кроме того произносить поменьше фраз, но зато создавать неле-

гальный аппарат во всех рабочих центрах и в армии. Газета «Демэн» («Завтра»), издававшаяся в Швейцарии Гильбо² на французском языке, пропагандирует эту идею Ленина среди своих французских читателей, и она постепенно получает распространение и во Франции. Но Ленин не довольствуется тем, что заставляет действовать Лорио и Гильбо. Он посылает непосредственно во Францию ряд эмиссаров, в том числе Инессу Арманд. В Париже Инесса берет в свои руки непосредственное руководство работой Комитета для возобновления международных отношений. Между прочим на нее возлагается задача выпустить и распространить нелегально брошюру «Циммервальдские социалисты и война», в которой излагаются методы большевистской борьбы против войны. В противовес Комитету для защиты международного социализма, она создает внутри Комитета для возобновления международных отношений Комитет для издания брошюры «Циммервальдские социалисты и война».

С этого момента начинает развиваться расхождение среди циммервальдистов. На одной стороне остаются последовательные борцы против империалистической войны, на другой — те, кто все больше и больше эволюционирует в сторону Лонге, Поля Фора и им подобных.

НАЧАЛО МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ

Начало 1917 г. открывает новую главу: Массы рабочих, работающих на оборону, десятки тысяч солдат, покрытых грязью и истекающих кровью, заставляют превратить лозунг борьбы с «собственной» буржуазией из теоретического лозунга в руководство к действию. Своими выступлениями они лучше всяких пропагандистов показывают, где лежит революционный путь борьбы с войной.

В начале 1917 г., после исключительно тяжелой зимней кампании, когда на фронт были призваны даже старики и юнцы, в армию проник «дух разложения». Как взрыв бомбы действует весть: февраль-

² Позиция газеты Гильбо была вначале очень сомнительной. Лишь приняв предварительно ряд мер для контроля ее направления, большевики использовали ее для своей пропаганды. Гильбо служил делу коммунизма вплоть до 1928 г. В 1929 г. он опубликовал в одной бразильской газете «O Jornal» заявление о своем разрыве с коммунизмом.

ская революция в России только что сокрушила самого кровавого деспота в Европе. Дисциплина падает. Начинает проникать сознание, что революция есть единственное действительное средство борьбы против войны. Это сознание пока еще недостаточно отчетливо, и правительству и генеральному штабу удается преодолеть его туманным обещанием: «еще одно большое наступление — и конец войне».

В течение довольно длительного периода этой легендой удерживают массы от революционного пути. Но наступление, которое якобы должно было положить конец войне, было наступлением на Шемэн-де-дам, в котором десятки тысяч людей были уложены на месте, прежде чем они успели сделать хоть один шаг. Их жизни были принесены в жертву, чтобы спасти любой ценой престиж правительства и генерального штаба. Молниеносное жестокое поражение под Шемэн-де-дам вызвало в солдатских массах взрыв негодования и возмущения. Повсюду разразились мятежи. Целые дивизии в полном вооружении двинулись в Париж. Правительство ответило самыми свирепыми репрессиями, перемешанными с обещаниями. Солдат расстреливали сотнями, когда они двигались к столице. Но одновременно действовали и подкупом: высшие офицерские чины останавливали по дороге полки, на колени умоляя их вернуться на фронт, обещая им отдых и отдавая приказы о снабжении их новым обмундированием и продовольствием. Мало-помалу правительству, социал-шовинистам и генералам удалось сломить революционное настроение в войсках. Тем не менее идея создания советов рабочих и солдатских депутатов получает в армии распространение, и брошюрка «Империалистическая война и диммервальдисты» делает свое дело.

Однако массовое движение не ограничилось одной лишь армией. Оно развивалось и в тылу в виде массовых забастовок, прокатившихся волной в начале 1917 г. С 314 забастовок с 41.000 бастующих в 1916 г. цифры эти поднимаются в 1917 г. до 696 забастовок с 294.000 бастующих. Наибольшее количество их падает на столицу: бастуют металлисты в Сен-Дени, Обервилье, у Панара; бастуют банковские чиновники и пр. Забастовки носят не только экономический, но и политический характер: они направлены против войны. Демонстрации, всякого рода массовые выступления принимают к этому времени все более и

более политический характер, все настойчивее выдвигается требование «опубликования целей войны». Под давлением масс Комитет для возобновления международных отношений вынужден был взять на себя руководство движением.

1 мая 1917 г. митинг, организованный упомянутым комитетом по поводу Февральской революции, собирает 10-тысячную аудиторию. Организаторы митинга выпускают манифест, от которого впервые веет действительно пролетарским, революционным, большевистским духом. Манифест заявляет:

«Восставшие народы должны по-естью избавиться от своих классовых правительств, чтобы поставить на их место депутатов рабочих и солдат, перешедших на сторону народа. Русская революция — сигнал к всемирной революции».

Социалисты центра, оппортунисты типа Лонге, предложили созвать в Стокгольме конференцию для возобновления международных отношений совместно с социалистами других стран. Лорио и его единомышленники дают согласие на участие в ней с известными оговорками. По этому поводу на площади Республики устраивается демонстрация, в которой принимает участие 1.500 чел.; особенно выделяется среди демонстрантов синдикалистская молодежь со своими лозунгами: «Долой войну! Стокгольм! Стокгольм! Мы требуем своих пулю!»³.

Стачечное движение развивается в текстильной, металлической, строительной промышленности, на транспорте, особенно в департаментах Сены, Нижней Сены, Луары и Изера. К этому времени, по инициативе Альбера Тома, правительство создало институт фабрично-заводских старост. По мысли Тома, эти старосты должны были служить в руках правительства и Генерального штаба орудием пропаганды среди рабочих военизированных предприятий. Однако под влиянием революционизирующихся масс эти советы старост начали превращаться в подлинные органы революционной борьбы, отражающие в одно и то же время и насущные нужды рабочих масс и их ненависть к войне. Некоторые делегаты пользовались очень большим влиянием. Можно привести случай с Андрие, пользовавшимся огромной полу-

³ Пулю — добродушное народное прозвище французских солдат.

лярностью среди лионских металлистов. Когда правительство вздумало отправить Андрие на фронт, во всем районе поднялась стачечная война.

19 января 1918 г. в Лионе была объявлена 3-дневная всеобщая забастовка. Рабочие-металлисты, особенно с завода Берлие, устраивают в самом центре города демонстрацию с плакатами, на которых написаны их требования, в том числе требование к французскому правительству публично разъяснить цели войны. Район Луары становится в конце 1917 г. — начале 1918 г. районом, где забастовки принимают хронический, повальный характер.

После конгресса Всеобщей конфедерации труда, происходившего в Клермон-Ферране в декабре 1917 г., была созвана конференция синдикалистского меньшинства в Сент-Этьенне в мае 1918 г. Мерргейм не явился на эту конференцию; руководителем ее был Дюмулен. Конференция прошла под знаком обсуждения двух вопросов о целях войны и о перемирии. Конференция объявила всеобщую забастовку в департаменте Луары. Эта забастовка длилась целую неделю.

В Париже конференция старост фабрично-заводских предприятий, представляющая подавляющую массу рабочих Парижского округа, потребовала немедленного заключения перемирия под угрозой всеобщей забастовки. В этот момент обнаруживается измена Мерргейма, которую можно было ожидать уже тогда, когда он отказался вступить в Комитет защиты профсоюзов и когда его исключили из Комитета для возобновления международных отношений. Мерргейм становится во главе движения, чтобы обезоружить его и сорвать всеобщую забастовку. Ему удается достигнуть этого благодаря огромной популярности, которой он пользовался среди металлистов Парижского округа до его предательства.

До этого момента у власти стояло министерство «священного единения» во главе с Рибо и Пенлеве. Но уже с конца 1917 г. буржуазия (и особенно магнаты тяжелой промышленности) начинает понимать, что с таким министерством ей вряд ли удастся достигнуть поставленных ею перед собой империалистических целей. Рибо и Пенлеве представляли те буржуазные круги, которые считали возможным заключить скорый мир, довольствуясь присоединением Эльзаса и Лотарингии. Но для тех, кто стремился к присоединению лево-

го берега Франции, к созданию «великой Франции», к полному уничтожению Германии и кто мечтал о гегемонии в Европе, такой мир был неприемлем. Эти наиболее грабительские элементы были и наиболее энергичными и решительными. Они свергли министерство Рибо и Пенлеве и заменили его министерством Клемансо, который и спас интересы правящей олигархии. Со своей хорошо известной жестокостью и ненавистью к рабочему классу Клемансо довел дело до конца. Он «делал войну», т. е. вел ее вплоть до полного удовлетворения интересов самых хищнических групп капиталистов; проводил самые изощренные, самые утонченные репрессии, действуя самыми разнообразными способами: угрозами, смертной казнью в Венсенне, провокацией и подкупом наиболее слабых, колеблющихся элементов. Он не останавливался перед репрессиями даже по отношению к буржуазным элементам, не согласным с его политикой, как например Мальви и Кайо. Внутри рабочего класса Мерргейм, в числе других, становится послушным орудием в руках Клемансо.

Массовое движение, которое в начале 1917 г. начинается во Франции итти на убыль, под влиянием Октябрьской революции принимает вновь широкий размах. Французская буржуазия учитывает опасность, которая грозит ей с этой стороны, и начинает вести бешеную кампанию против большевизма. Слово «большевик» делают производным от «бош»⁴, ведется неслыханная кампания клеветы, чтобы окончательно затуманить сознание рабочего класса и подготовить интервенцию.

23 декабря 1917 г., т. е. два месяца спустя после Октябрьской революции, французское и английское правительства объединяются и, с благословения социалистов типа Альбера Тома, которого посылали в Россию, чтобы «заставить русских держаться до конца», постановляют: оказать поддержку контрреволюционному генералу Алексееву и организовать интервенцию на юге России.

Выступление на сцену широких масс, приход к власти Клемансо, широкий отзвук, который революция в России вызвала во Франции, — все эти события переклестнулись через голову небольшой пропагандистской ячейки, какою являлся Ко-

⁴ «Бош» — презрительно-националистическое прозвище немца.

митет для возобновления международных отношений. Все же ему удалось повести борьбу в защиту российской революции не только против социалистов-шовинистов, как Альбер Тома и Ренодель, или социалистов типа Лонге, но и внутри самого комитета. Сторонникам Лорно пришлось вести борьбу с возрождением лонгетизма и мелкобуржуазного пацифизма, принимающего самые демagogические формы, особенно с появлением «Ваг» («Волна») Бризона. Эта газета именовалась органом женского движения, пацифистским и синдикалистским. Это — не последовательно революционный орган. Нужно было разоблачить его, показать, что расплывчатая идея мира, которую он распространял, гибельна, ибо она скрывала от масс истинные средства борьбы против войны. Но в то-гдашней ситуации пропаганда «Ваг» имела последствия, идущие гораздо далее, чем об этом можно было судить по ее политическому содержанию. Благодаря письмам солдат, которые газета печатала в каждом номере, тираж «Ваг» непрерывно увеличивался. В десятках тысяч экземпляров газета распространялась в окопах. Последствия этого широкого распространения пацифистских идей далеко превзошли мирные намерения пацифистов, синдикалистов и феминистов — Бризона и Марсея Каши. Правительство терпело «Ваг», подвергая ее тщательной цензуре, ибо считало, что эта соглашательская пацифистская идеология может помешать развитию революционных идей. Но оно не видело, что революционная идея сквозит в каждой строчке письма из окопов и что «Ваг», вопреки своей соглашательской пацифистской идеологии, становится проводником революционных идей.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРУППЫ ЛОРИО ПО СОЗДАНИЮ КОМИТЕТА III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Группа Лорно, руководившая Комитетом для возобновления международных отношений, использовала для защиты своих идей орган анархистов, сочувствовавших III интернационалу, — «Плеб» («Плебей»).

В специальном номере этой газеты за май 1918 г. была опубликована платформа этой группы. Группа призывала сплотить вокруг нее всех, кто остался верен идее международной солидарности и революции. В то же время она занималась раз-

множением и распространением нелегальным путем некоторых произведений Ленина и кое-каких советских документов.

Но, несмотря на все свои усилия, комитет продолжал оставаться небольшой сектой, небольшим пропагандистским кружком, неспособным руководить широким движением. Лишь в той мере, в какой ему удавалось развернуть борьбу с оппортунизмом и социал-шовинизмом, он мог претендовать на руководство массами с шансами на успех.

Период 1918 — 1919 гг., если его рассматривать с точки зрения внутрипартийной борьбы в социалистической партии, характерен прежде всего тем, что лонгетистское меньшинство становится большинством. Другой характерной чертой этого периода является тот факт, что группа Лорно ведет недостаточную борьбу с социал-оппортунизмом группы Лонге.

Уже на Национальном совете социалистической партии в начале 1917 г. общее количество голосов, полученных вместе лонгетистами и циммервальдистами, на 17 голосов больше количества голосов, поданных за социал-шовинистов. Но Лорно, следуя правильной ленинской тактике, не слился с лонгетистами, а продолжал борьбу в качестве независимой фракции. Таким образом социал-шовинисты, имевшие лишь относительное большинство, остались во главе партийного руководства. Лонгетисты воспользовались этим, чтобы повести ожесточенную кампанию против Лорно, против «этого сектанта, который не может понять, что, сливая свои голоса с голосами лонгетистов, он привел бы к поражению социал-патриотов». Положение Лорно и его группы довольно щекотливое, так как Лорно не сумел достаточно хорошо защищать свою независимую позицию. Он следовал ленинской тактике, не умея достаточно разъяснить ее. Массы, особенно в провинциальных федерациях, удивлялись позиции, занятой Лорно, так как они не понимали ее.

Эту принципиальную позицию необходимо было сохранить под страхом в противном случае превратиться в простой придаток оппортунистического крыла социалистической партии. Но в то же время следовало возложить на лонгетистов ответственность за то, что они поддерживали социал-шовинистическое руководство во главе партии. Поэтому группа Лорно заявила в дальнейшем: мы готовы вступить в

блок с лонгетистами при том условии, что они примут три-четыре определенных условия для ведения совместной борьбы против войны. Это было наилучшим средством разоблачения подлинно оппортунистической позиции группы Лонге. К несчастью, группа Лорио не всегда последовательно проводила эту тактику; иногда, под давление оппортунистов, она сдавала позиции.

28 — 29 июля 1918 г. состоялся Национальный совет социалистической партии. Группа Лонге получила 1.544 голоса и победил группу Реноделя, получившего 1.172 голоса. Группа Лорио получила 152 голоса. Воздержалось 96 чел., отсутствовало 31 чел. Этот Национальный совет вынес постановление о скорейшем созыве конгресса для разрешения вопроса о распределении руководящих постов в партии.

Весьма знаменательно прошла подготовительная кампания к конгрессу. В департаменте Сены социал-патриоты получили 2.811 голосов, но лонгетисты победили их, получив 5.999 голосов. Между Лонге и правыми образовалась центристская группа Кащенко — Блюма, получившая 845 голосов; циммервальдисты — лориотисты получили 922 голоса.

Конгресс, происходивший 7 и 8 октября 1918 г., предложил послать приветствие президенту Вильсону. Группа Лорио не удержалась на высоте принципиальных позиций. Значительная часть ее членов голосовала за приветствие, лишь Лорио с небольшой группой единомышленников отказался присоединиться к этому жесту пацифистской мелкой буржуазии.

Так обнаружилась огромная внутренняя слабость циммервальдской группы. В противоположность ей, оппортунисты из группы Лонге маневрировали очень искусно. Так, письма Садуля⁵ о событиях в России были использованы не левыми циммервальдистами, а Лонге, благодаря чему он приобрел широкую популярность. Ауди-

⁵ Жак Садуль — капитан, военный атташе при французской миссии в России. В 1917 г. он открыто перешел на сторону большевиков. Его письма из России, в которых он защищал российскую революцию, вызвали громадный отклик во французском революционном движении. В глазах французских рабочих Садуль являлся символом перехода в ряды Красной армии. Он был приговорен французским правительством к смерти но был помилован в 1925 г. Вернувшись во Францию, Садуль продолжает бороться в рядах компартии Франции.

тория на митингах кричала: «Да здравствуют советы!» и аплодировала Лонге, который укреплял таким образом позицию своей оппортунистической группы за счет Октябрьской революции.

На собрании фракции Лорио было решено голосовать совместно с лонгетистами при условии объяснения мотивов этого голосования в специальной декларации. На этот ложный шаг группу толкнуло то обстоятельство, что она не сумела вести достаточно понятным образом кампанию против лонгетистов. После Национального совета 1917 г. группа не сумела разоблачить лонгетистов, разъясняя членам партии и массам, что блок с группой Лонге ставится ею лишь в зависимости от принятия последней определенных условий для ведения действительной борьбы против войны. Этим объясняется тот факт, что Луиза Сомоно зачитала на конгрессе декларацию, очень недостаточную, в которой ни слова не было сказано ни о III интернационале, ни о диктатуре пролетариата, ни о поддержке Октябрьской революции.

Наконец последняя ошибка сводилась к тому, что Лорио вступил в постоянную административную комиссию в качестве помощника казначея.

Эта серия ошибок группы Лорио создала у революционных масс впечатление, что группа Лонге во всяком случае достойна того, чтобы ее рассматривали хотя бы как подлинную защитницу российской революции и как истинного врага Реноделя и Альбера Тома.

На этом конгрессе в октябре 1918 г. внутри партии оформился ряд течений, и вопрос об интернационале был поставлен со всей четкостью: какой интернационал? Интернационал социалистический, который уже провалился, или Интернационал коммунистический, который нарождается вокруг большевиков и Октябрьской революции?

С целью возрождения II интернационала, с целью обелить I интернационал, оправдать его измену и преступления социал-шовинисты созвали в 1919 г. международную конференцию в Берне. Лорио присутствовал на ней, чтобы разоблачить агентов империализма в рядах социалистических партий. Он заявил, что явился на эту конференцию не для того, чтобы принять участие в ее работах, но для того, чтобы показать, что ее организаторы на самом деле хотят «во имя социализма» оп-

раздать войну, оправдать интервенцию в России и обелить убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург. «Мы явились на эту трибуну, — заявил он, — лишь для того, чтобы использовать ее и отколоть искренних социалистов, которые возможно еще идут за вами».

В то время как Лорно проводил эту необходимую работу, правые оппортунисты во главе с Реноделем и Тома, совместно с группой Варена, руководившей газетой «Франс либр» («Свободная Франция»), вели подготовку интервенции против русской революции. Во главе нового центристского течения стояли Кашен и Блюм. Что же касается лонгетистов, то они продолжали свою рискованную политику колебаний между социал-патриотизмом чистой воды и демагогическими революционными фразами. Они высказывались за восстановление II интернационала, очищенного от своих наиболее скомпрометированных социал-шовинистических элементов. Больше, чем когда бы то ни было, именно в эту эпоху было необходимо в первую голову разбить лонгетизм.

Ленин писал, что место вожаков-лонгетистов — во II интернационале, что они не могут и не смогут и в будущем говорить революционным языком, и добавлял: «Избавьте III интернационал, осчастливьте его своим отсутствием».

В Комитете для возобновления международных отношений, который вскоре был переименован в Комитет для вхождения в III интернационал, наряду с теми, кто стремился проводить последовательно революционную политику, были и колеблющиеся. Вне комитета были такие, как Верфей, Бризон и Блан, которые называли себя сторонниками III интернационала, на самом же деле только и думали о том, как бы осуществить слияние группы Лорно с группой Лонге.

Внутри комитета царствовала полная неразбериха, ибо после окончания войны комитет был наводнен самыми разнородными элементами, ибо его руководители не сумели вести твердой внутренней политики.

В то же время в синдикатах (профсоюзах) развернулось сильное течение в пользу российской революции, против синдикализма «священного единения», возглавляемого Жуо. Профсоюз железнодорожников, насчитывавший до войны около 30.000 членов, вырос к концу 1918 г. до

146.000 членов, и Монмуссо начал вести борьбу за дело циммервальдской левой. Он получил в федерации 49.458 голосов против 106.710.

Профсоюз металлистов вырос до 204.000 членов. В этом союзе господствовала еще большая путаница, чем у железнодорожников, ибо там чувствовалась еще измена Мерргейма.

У строителей 46 голосов за циммервальдистов и 50 — за большинство.

Во Всеобщей конфедерации труда движение меньшинства, нашедшее свое наилучшее выражение в Комитете синдикалистской защиты, принимает в каждом профсоюзе (федерации) свой особый оттенок. На конгрессе ВКТ 16 июля 1918 г. совершилась измена Дюмулена. Вместе с Мерргеймом он открыто перешел на сторону Жуо и голосовал за соглашательскую резолюцию большинства. Преданное меньшинство не сумело отстоять своих позиций и могло реагировать на происходящее лишь ярким выступлением Монмуссо. Но оно было разбито, и Жуо вкупе со своими новыми друзьями Мерргеймом и Дюмуленом торжествовал победу.

Во всем рабочем классе начала намечаться тяга к III интернационалу. Особенно это наблюдалось у социалистической молодежи. Естественно, что молодежь была в то время слоем населения, который особенно сильно пострадал от войны. На войну была мобилизована рабочая молодежь в возрасте 19 и даже 18 лет. Это — одна из причин сравнительно слабого участия рабочей молодежи в циммервальдском движении. Лишь 23 июня 1918 г. собирается первый после Брестского (1913 г.) конгресс социалистической молодежи. Левая, во главе с Ленэ, собирает 169 мандатов против 10, и подавляющим большинством голосов конгресс принимает манифест в духе интернационализма и антимилитаризма, обращенный «к пролетарской молодежи всех стран».

С окончанием войны разворачивается массовое движение в виде стихийных забастовок, восстаний в войсках, вступления в социалистическую партию и синдикаты сторонников меньшинства. Однако этому движению недостает ясности благодаря недостаточной активности и колеблющейся тактике революционных элементов в партии, оторванных от революционных элементов в профсоюзах. Несмотря на эту слабость руководства, все же начинают по-

являться первые ласточки, возвещающие присоединение широких масс ко II интернационалу.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА МАСС

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ

С окончанием войны массовое революционное движение принимало все более широкий и бурный характер: быстро нарастала объективно революционная ситуация. Правда, не хватало коммунистической партии, но экономическое и политическое положение и настроение масс являлись характерными для революционной ситуации. Французский капитализм оказался в критическом положении, которое несет капитализму вообще переход от состояния войны к состоянию мира. Все фабрики и заводы, работавшие на войну, остановились, нужно было сразу изменить характер производства, приспособив его к нормальным нуждам капитализма.

Огромная армия демобилизованных солдат возвращалась на места, нужно было дать им работу. Женщины, заменявшие на предприятиях мужчин, должны были уступить им место. Все это вызвало в рядах пролетариата целый водоворот. Настроение демобилизованных солдат представляло огромную опасность для капитализма. Если они вернутся с оружием, — все шансы за то, что произойдет революция и что она будет победоносной.

В то же время на протяжении всего 1919 и 1920 гг. материальные условия становились все хуже и хуже. Жизнь дорожала с каждым днем. Падение франка, угольный и транспортный кризис, кризис электрического освещения в Парижском районе, — такова атмосфера, в которой развернулось широкое стачечное движение и мощные демонстрации.

С окончанием войны наряду с преходящим шовинистическим угаром развивается стихийное массовое революционное движение, лишенное однако ясного сознания целей. Царствует невероятная идейная неразбериха. Мощное движение масс неорганизованных, не имеющих определенной цели и методов борьбы, оказывает давление на синдикаты, социалистическую партию, а также на Комитет по возобновлению международных отношений, который фактически плетется в хвосте собы-

тий вместо того, чтобы стать во главе движения.

Через неделю по окончании военных действий в Парижском районе проходит ряд грандиозных митингов, на которых устраиваются оваии по адресу Ленина и Советов и где заставляют замолчать всякого, кто не высказывается в благожелательном духе о революции в России. Представителей большинства не хотят и слушать. Социалисты-центристы и лонгетисты, по инициативе которых был устроен митинг в честь Вильсона, оказались свидетелями того, как их собрание превратилось в ряд массовых митингов, на которых не говорилось о Вильсоне, а единодушно принимались без прений резолюции в пользу российской революции, против интервенции.

Правительство Клемансо позволяет себе оправдать Вилена, убийцу Жореса. В рабочих массах поднимается буря протестов. Против оправдания Вилена и в память Жореса 6 апреля в Париже устраивается грандиозная демонстрация протеста, в которой принимают участие 300.000 чел. в том числе значительное количество солдат. Проходя мимо бюста Жореса, они срывают с себя кресты и медали, полученные во время войны, и бросают их к подножию статуи. Этот символический жест наглядно свидетельствует о том настроении, которое царило в эту эпоху.

Правительство охватило страх перед этим мощным стихийным движением рабочего класса. Закон о 8-часовом рабочем дне, по поводу которого парламентарии переливали из пустого в порожнее больше 10 лет, был принят в одну неделю. Это была кость, которую перепуганная буржуазия бросила рабочему классу, чтобы попытаться утихомирить его.

В армии, которую демобилизовывали эшелонами, дисциплина упала; один за другим вспыхивали там мятежи.

Начиная с декабря 1918 г., большевистская пропаганда проникает во французские войска, посланные правительством на юг России для удушения большевистской революции. Движение братания распространяется в войсках в течение первых четырех месяцев 1919 г. вплоть до самой эвакуации из России белогвардейских и французских войск. 16 апреля произошло восстание в черноморском флоте, принявшее особенно резкие формы на судах «Вальдек Руссо», «Франс», «Жан Барт», «Жюстиас» и др. Андре Марти сделал по-

пытку перейти с митингом «Протэ» на сторону большевиков⁶.

Стачечное движение расширяется, особенно в Париже и Лионе. Столица парализована стачкой рабочих и служащих метрополитена, автобусов и трамваев; после первомайской демонстрации 1919 г. революционное движение охватывает все крупные центры.

Социалистическая партия и Всеобщая конфедерация труда — против первомайской демонстрации. Лишь за несколько дней до 1 мая они отдали себе отчет в степени революционного кипения масс. Они поняли, что если и дальше будут противиться устройству демонстрации 1 мая, то рабочие вышвырнут их вон. Тогда они решаются выдвинуть лозунги для демонстрации, но с таким расчетом, чтобы лишить ее всякого политического характера, превратить ее в платоническое шествие в пользу проведения в жизнь закона о 8-часовом рабочем дне.

На самом же деле движение перехлестывает через все эти предательские маневры. Во всех крупных центрах проводится всеобщая забастовка; в Париже, объявленном на осадном положении, одна демонстрация следует за другой, вопреки запрещению властей. Число участников демонстраций определяют свыше полмиллиона. В крупнейших артериях столицы колонны в 30 — 40 тыс. демонстрантов опрокидывают полицейские барьеры. Сильные столкновения происходят на площади Оперы, у Восточного вокзала. Лишь полиция и драгуны добросовестно борются с демонстрантами; солдаты же, к которым правительство было вынуждено обратиться, либо остаются совершенно безучастными, либо братаются с демонстрантами. По официальным данным, на стороне полиции 430 раненых, в том числе несколько десятков — тяжело, а со стороны рабочих убит наш молодой товарищ Лорн.

После 1 мая всеобщее недовольство

⁶ Андре Марти — рабочий-механик, офицер-механик на митинге «Протэ», один из наиболее стойких, последовательных руководителей восстания моряков на Черном море. Он был приговорен в июле 1919 г. к 20 годам тюремного заключения, но под давлением рабочих и трудящихся масс был освобожден в 1923 г. С момента своего освобождения он является членом коммунистической партии. Депутат, член ЦК компартии. Его имя является символом борьбы с милитаризмом и защиты пролетарской революции. Будучи снова арестован за антимилитаристскую работу в 1927 г., он был временно выпущен на свободу в начале 1931 г.

продолжается. Все определеннее вырисовывается объективно революционная ситуация. Похороны Лорна вновь собрали 300-тысячную демонстрацию.

В июне 1919 г. во всех промышленных центрах страны прокатилось обширное стачечное движение полуэкономического, полуполитического характера. В одном лишь Париже бастовало в начале июня 500 тыс. чел. металлистов, рабочих и служащих метрополитена, больших магазинов, вплоть до типографии правительственной газеты «Журналь офисель»; на севере — всеобщая забастовка горняков, в химической промышленности бастует 80 тыс. чел., в Руанском районе — 30 тыс. текстильщиков и т. д. Все яснее вырисовывается штрейкбрехерская роль Жуо, Фьянсетта и Мерргейма, которые сорвали забастовку металлистов и рабочих метрополитена. Но несмотря на это предательство забастовочная волна не перестает бушевать еще на протяжении семнадцати месяцев.

В 1919 г. было проведено 2.026 забастовок с 1.151 тыс. участников; в 1920 г. — 1.832 забастовки с 1.317 тыс. участников. Забастовочное движение 1920 г. отличается большей сконцентрированностью, чем движение 1919 г. К тому же большая часть забастовок 1920 г. падает на первое полугодие, а наиболее затронутыми районами являются департаменты Сены, Нижней Луары, Лионский район, Северные округа, где в частности происходит забастовка шахтеров.

В связи с приговором над Марти и повстанцами из Черноморского флота в Бресте, Тулоне, Тулузе вспыхивают военные бунты и устраиваются революционные манифестации с участием рабочих, солдат и моряков. Отзвуки восстания на Черном море прокатываются по всей стране. Но никто не умеет направить в революционное русло негодование, потрясающее массы, и лишь один анархистствующий комитет пытается стать во главе движения в пользу освобождения моряков, восставших на Черном море. Быстро проведенная демобилизация несколько успокаивает возбуждение масс.

«Юманите», бывшая в руках центристов, вынуждена под давлением масс выпустить 24 июня воззвание против интервенции и за отозвание войск из России.

14 июля 1919 г. (в годовщину взятия Бастилии), хотя провинцистические идеи еще

находят сочувствие среди французского пролетариата, бывшие революционные фронтовики устраивают контрманифестацию.

Только что организовавшийся Коммунистический интернационал назначает на 21 июля 1919 г. массовую политическую стачку для поддержки венгерской революции и против интервенции в России. Но эта забастовка срывается еще до ее объявления благодаря маневру лонгетистов и центристов, с одной стороны, и синдикалистских вождей—Жуо, Бидгарей, Дюмулена и Мерргейма—с другой.

В течение всего этого периода наблюдается колоссальный приток членов в социалистическую партию и синдикаты (профсоюзы). Количество членов социалистической партии увеличивается с 34 тыс. в 1918 г. до 150 тыс. к началу 1920 г. Что же касается Всеобщей конфедерации труда, то к концу 1920 г. количество платящих членов достигает 2½ миллионов. Один лишь профсоюз железнодорожников вырастает с 30 тыс. до 320 тыс. членов. Особенно характерен для этих вновь пришедших в партию социалистов, порожденных войной, революционный пыл, при полном незнании с теоретическими и тактическими проблемами революционного движения. Все, кто страдал на фронте, объединяются вокруг молодых пылких ораторов—Раймона Лефевра⁷ и Вайяна Кутюрье.

⁷ Раймон Лефевр— молодой адвокат буржуазного происхождения. Будучи мобилизован, он, наблюдая страдания солдат и возмущаясь жестокостью резни, проникся жгучей ненавистью к капиталистическому строю, виновнику войны.

Он понял необходимость революционной борьбы и вступил в социалистическую партию, где повел борьбу с социал-патриотизмом. После демобилизации он целиком посвятил себя революционному движению. Его пылкое красноречие, его большое личное мужество, его ясное понимание борьбы, которую следует вести против социал-предательства, в соединении с литературным талантом, сделали его одним из вождей революционной оппозиции внутри социалистической партии. Вместе с Барбюсом он является основателем Революционной ассоциации бывших фронтовиков. В июле 1920 г. он участвует во II конгрессе Коммунистического интернационала в качестве делегата от Комитета III интернационала. Он посещает революционную Россию вместе с двумя делегатами профсоюзного меньшинства департамента Сены—Вержа (рабочий-механик, синдикалист, сотрудник «Ви увриер») и Лепти (рабочий-землекоп, анархист, во время войны активно боровшийся с милитаризмом). Все трое трагически погибли, утонув в сентябре 1920 г. в Ледовитом океане при попытке прорваться через империалистическую блокаду на обратном пути во Францию.

В сознании рабочего класса переплетается самая противоречивая смесь революционной фразы, анархизма, пацифизма, шовинизма, восхищения российской революцией и т. д., но нет центра, достаточно крепкого для того, чтобы внести ясность и обеспечить успех революционной идеологии.

Господствующими лозунгами среди революционного пролетариата того времени были: борьба с интервенцией в России, немедленная демобилизация и полное разоружение, амнистия осужденным по военным и политическим делам. Со стороны буржуазии эти требования масс вызывают бешеную кампанию клеветы на большевиков и спекуляцию на патриотических чувствах масс под лозунгом: «Германия заплатит».

Эта атмосфера идейного разброда ловко поддерживается лонгетистами. На базе революционного движения масс псевдореволюционное соглашательство становится одним из наиболее драгоценных орудий для буржуазии. Как один из примеров такого рода можно привести речь Лонге в палате депутатов 18 сентября 1919 г. Под предлогом возмущения капиталистической интервенцией в Советской России он восхваляет Вильсона и вильсонизм. Он не пытается обращаться к пролетариям—он пытается убедить своих «уважаемых коллег», буржуазных парламентариев, окружающих его, и заслужить их милость. Он напоминает о демократическом праве народов располагать самими собою, но тут же торопится заявить, что по вопросу об Эльзас-Лотарингии «между нами нет расхождения». Он умудряется сослаться одновременно и на Вандервельде, и на Розу Люксембург, и Карла Либкнехта. Все заканчивается куплетом, взывающим к традициям 1793 г. Пролетарий 1919 г., который слышит с трибуны палаты депутатов ссылку на Либкнехта и Люксембург, естественно проникается к оратору полным доверием. В его глазах он—революционер, и этот пролетарий готов будет следовать за ним вплоть до об'ятий Вандервельде и Вильсона, если революционные руководители пролетариата не разоблачат обмана.

Наиболее важной задачей, на которую неоднократно указывал Коминтерн, являлась необходимость для рабочего класса Франции освободиться от соглашательства, от лонгетизма.

На крайнем левом крыле рабочего движения вырастают все новые и новые груп-

пы, но ни одна из них не является последовательно большевистской.

22 апреля Комитет для возобновления международных отношений опубликовал свою программу, в которой он предлагал немедленное вступление в III интернационал. Однако это предложение было отвергнуто чрезвычайным конгрессом социалистической партии, который, наоборот, решил остаться условно в рядах II интернационала.

8 мая 1919 г. после переговоров с группой Перико, с федерацией и профсоюзом учителей и с отдельными товарищами Комитет для возобновления международных отношений преобразовывается в Комитет для вступления в III интернационал.

Комитет III интернационала, во главе которого стояли Лорио, Картье, Сомоно, Манмуссо, Монатт, Гасфельд, Шовелон, Перико, Сируль, Ради, Росмер, Дондон, Гаттенбергер, Л. Кауфман, Мартине, Миффле, не умеет направить в социалистической партии дискуссию в пользу массового вступления в III интернационал и возглавить революционное движение масс.

Вокруг него начинают создаваться группы, сочувствующие Коммунистическому интернационалу, однако по существу анархические, как например группа Перико со своей газетой «Этернасиональ», организующая «коммунистическую партию», которая добивается непосредственного вхождения в III интернационал. Эти группировки существовали в различных видах на автономных началах вплоть до конгресса в Туре. Точно так же различные группы (Синдикалистская молодежь Сены, Социалистическая федерация Роны, Федерация студентов-коллективистов и др.) требуют непосредственного принятия в Коммунистический интернационал, хотя в некоторых из этих организаций кипит кипит соглашатели и анархисты. Среди них благодаря подлой политике Клемансо немало и провокаторов, которые конституируются на ультралевой, с позволения сказать, большевистской платформе, как например Буду, или Анкетиль из газеты, сперва называвшейся «Большевик», затем — «Титр сензуре» («Запрещенное название»).

Этот же период характеризуется оживлением деятельности анархистских организаций и анархистской федерации. Среди этих анархистов немало революционных рабочих, считающих, что анархизм-то и есть настоящая левая. Впрочем некоторые анархистские группы сочувствуют III ин-

тернационалу и диктатуре пролетариата. На этой платформе стоит например газета «Авенир этернасиональ», руководимая Анри Жираром.

Некоторую работу по чистке рядов организации вела Ассоциация социалистических студентов. Увлеченные революционным потоком представители молодежи из мелкобуржуазной интеллигенции отходят от своего класса, приближаются к пролетариату и знакомятся с марксизмом. В рядах рабочей молодежи передовые позиции занимают организации социалистической молодежи и особенно синдикалистской молодежи.

Наряду с созданием этих крайних левых групп, среди этой безысходной путаницы идей, где господствует анархизм, растет число революционных газет: «Ваг» выходит тиражом свыше 100 тыс. экземпляров, «Юманите», «Попюлер», «Журнал де пепль», анархистские газеты «Либертер», «Этернасиональ», «Се к'иль фо дир», «Плэб», «Франшиз», наконец две лучших газеты — «Ви увриер» и «Бюлетен коммюнист».

В этот период идейного разброда рабочий класс пытается создать руководящие революционные кадры. Ему необходимы революционные вожди, но в несколько месяцев их не создать. Довоенный период в этом отношении был бесплоден. Так продолжают господствовать лонгетизм, соглашательство, анархизм, провокация. Комитет же III интернационала, продолжавший оставаться замкнутым пропагандистским кружком, не сумел превратиться в массовую организацию.

В социалистической партии ведется дискуссия: исключить или не исключить Альбера Тома, выставлять ли на предстоящих выборах в палату кандидатуры выбывающих депутатов социал-шовинистов? Важнейшие политические проблемы размельчаются, ибо революционные элементы не имеют крепкого политического штаба, который сумел бы поднять выдвигаемые проблемы на надлежащую принципиальную высоту, в уровень с событиями. Отсутствие такого штаба не замедлило привести к самым печальным последствиям.

На выборах 1919 г., в которых принимало участие 8 миллионов избирателей, социалистическая партия получила всего 1.800 тыс. голосов. Благодаря применению сложной избирательной системы количество ее депутатов в палате падает до 68 чел. Это — поражение для революционного дви-

жения. Правда одной из причин этого поражения является бешеная кампания, которую буржуазия вела против большевизма. Говорили также, что избирательная система исказила результаты выборов; однако не так важно количество избранных депутатов, как количество полученных голосов, которое при тогдашнем размахе революционного массового движения должно было быть гораздо значительнее. Подлинную причину поражения на выборах 1919 г. следует искать в том глубоком разочаровании и отвращении, которые вызывала в рабочем классе соглашательская и противоречивая политика французской социалистической партии, которая продолжала оставаться объединенной партией. Революционные пролетарии отказывались подавать свои голоса за список, на котором рядом стояли имена Поля Бонкура и Раймона Лефевра. Эта тактика была им совершенно непонятна. Колеблющаяся политика и слабость Комитета III интернационала являлись главной причиной поражения на выборах 1919 г. К этому следует еще добавить очень сильные анархические бойкотистские тенденции, которые получили развитие как реакция против оппортунистической политики центристов и лонгетистов.

Результаты выборов 1919 г. показали, как революционная ситуация может быстро начать спадать, если нет коммунистической партии с ясной политической линией, способной быстро ориентироваться в обстановке, способной вести успешную борьбу с оппортунизмом, с одной стороны, и с анархистскими уклонами — с другой, с уклонами, которые под маской крайней левизны по сути дела являются не чем иным, как оборотной стороной реформизма.

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1920 Г. И СТРАСБУРГСКИЙ КОНГРЕСС

Положение французской буржуазии продолжало оставаться критическим. Правительство Клемансо удовлетворяло империалистическую буржуазию во время войны. Оно сумело гальванизировать силы капиталистов в тот момент, когда им грозила опасность остаться у разбитого корыта. Но Клемансо в качестве посредника уже не удовлетворял правящую олигархию. «Матен» мог восклицать: «Первый год мира стоил нам дороже, чем год войны». Поэтому Клемансо был сметен с поста президента республики. На его место был избран Дешанель, и новая группа лидеров бур-

жуазии в лице Мильерана, Пуанкаре, Барту, с Фошем за кулисами, берет руководство министерством в свои руки.

Кризис, вызванный переходом от войны к мирному состоянию, продолжался в течение всей зимы 1919—20 г. Снова, кроме кризиса угля и транспорта, — сильное вздорожание жизни, доходящее до 400 проц. по отношению к уровню 1914 г. На этом фоне начинается сильное забастовочное движение 1920 г. Железнодорожники из рабочей партии, возглавляемой Монмуссо, объявляют на 10 февраля всеобщую стачку. Она разразилась вследствие увольнения одного члена союза. Масса железнодорожников готова была объявить забастовку по любому поводу. Забастовка проводится под сомнительным, неправильным лозунгом «национализации транспорта», взятым из арсенала радикал-социалистов.

Горнорабочие объявляют забастовку с целью добиться увеличения заработной платы. Не делается даже никакой попытки придать политический характер их борьбе.

В Париже 29 синдикатов объединяются для борьбы с бездействием руководителей ВКТ. Тотчас же разворачивается забастовочное движение, охватывающее вместе с железнодорожниками 700 тыс. участников. Железнодорожники назначают всеобщую стачку на 1 мая. Чувствуя, что необходимо во что бы то ни стало сорвать это движение, Конфедеральное бюро созывает революционных вождей железнодорожников и предлагает им свою помощь, чтобы таким путем взять все руководство движением в свои руки. Железнодорожники, хотя и удивлены этой неожиданной «помощью», попадают на удочку Жуо и Дюмулена. Тогда именно Жуо и предложил свою знаменитую тактику «последовательных волн». Революционные рабочие, лишенные опыта, принимают эту тактику, которая заключается в том, чтобы раздробить стачечное движение по частям и помешать рабочим выступить на борьбу сообща, в одно и то же время. По этой тактике, когда одна корпорация доходила до последнего издыхания, в бой вступала другая. Таким образом рабочие были разбиты по частям, корпорация за корпорацией. Таким путем была разбита большая майская забастовка железнодорожников.

В то время как правительство, при содействии Жуо, маневрирует и разбивает движение рабочего класса, Мильеран выдвигает против революционных деятелей обвинение в заговоре против безопасности

государства. 18 человек, в числе которых имеются наиболее видные революционные деятели из синдикатов и Комитета III интернационала—Лорио, Монатт, Суварин и др.,—подвергаются аресту.

В ответ на объявление первомайской забастовки 1920 г. военный министр Андре Лефевр расточает самые откровенные угрозы: «Пусть знают, что армия остается силой, и пусть помнят впредь, что она будет снабжена пулями».

Социалистическая партия продолжает плестись в хвосте движения и тормозит его всеми средствами. Она вынуждена выдвинуть лозунг полной амнистии для всех без исключения политических арестованных, заключения мира с Россией, предоставления государственным чиновникам права вступать в профсоюзы, всеобщего разоружения, поддержки бастующих железнодорожников, горняков и моряков, грозящих объявить забастовку. Но это—чисто словесная поддержка забастовок, которые объявлены вопреки ВКТ, как например стачка металлистов в Париже. Под маской помощи забастовщикам социалистическая партия на деле оказывает поддержку ВКТ, которая планомерно удушает стачечное движение своей тактикой «последовательных волн». Таким путем были разбиты металлисты, за ними—строители, транспортники, рабочие осветительных предприятий, береговые рабочие. Постановление о возобновлении работ было вынесено синдикалистскими бонзами в самый разгар забастовок. Особенно отличились в этом отношении главари федерации железнодорожников Северного департамента и руководители союза рабочих осветительных предприятий в Париже, получившие одобрение со стороны Бюро конфедерации.

В течение всего этого периода деятельность Комитета III интернационала ограничена очень узкими рамками. Правда, вследствие «заговора» его главные руководители находятся в тюрьме, но тем не менее это не может служить целиком оправданием его бездействия. Истинная причина заключается в том, что вследствие теоретической и практической слабости своих руководителей Комитет III интернационала не может добиться торжества большевистских идей даже в своих собственных рядах. Его все еще наполняют всяческие соглашатели, и его деятельность остается узко ограниченной пределами тесного пропатандистского кружка, порой превращающегося даже в дискуссионный клуб.

Наиболее плодотворной стороной его деятельности является распространение брошюр, отпечатанных в Петрограде или Париже,—статей Ленина, резолюций и воззваний Коминтерна и т. д. Его орган «Бюллетен коммунист» оказывает очень большие услуги делу революции, публикуя резолюции Коминтерна, статьи Ленина и всех наиболее видных членов большевистской партии. Но он ни в малейшей степени не занимается рабочим движением во Франции. Напрасно искать там директив для движения: лишь случайно в какой-нибудь статье можно найти брошенное мимоходом указание на неправильность лозунга национализации транспорта. «Ви увриер» лучше откликается на вопросы рабочего движения во Франции, однако здесь господствуют анархо-синдикалистские тенденции.

Комитет ведет также крайне вяло борьбу в стране и за вступление в III интернационал. Наряду с Комитетом III интернационала созывается в Лионе в начале января 1920 г. конгресс, известный под названием I районного конгресса III интернационала. На этом конгрессе присутствуют представители союза синдикатов Дрома, местных организаций революционных студентов и синдикалистской молодежи, анархистского Комитета социальной защиты, Социалистической федерации Роны,—хотя ее разлагают политиканы всех оттенков,—и множества всяких других группировок и профсоюзов. Конгресс социалистов Сенской федерации, состоявшийся 23 февраля 1920 г., прошел под знаком победы позиций Лорио. На конгресс в Страсбурге был делегирован лишь один сторонник Реноделя, 9 центристов, стоявших на позиции Лонге—Кашена, и 15 делегатов—сторонников II интернационала.

Вся подготовка к страсбургскому конгрессу знаменуется борьбой—к сожалению, еще недостаточно энергичной—против лонгетизма, который устраивает всяческие маневры с целью выиграть время и под предлогом сохранения единства партии прикрыть реноделистов.

В письме от 28 октября, адресованном Лорио и напечатанном в «Ви увриер», Ленин еще раз подчеркивает необходимость борьбы против «рафинированных оппортунистов типа Лонге»: чем непримиримее и тверже будут коммунисты в своих действиях, тем скорее они добьются полной победы.

**...они могут красноречиво
вопить об ужасах войны...**

Рис. Мазерея

Ренодель и Альбер Тома дискредитированы в глазах рабочих, эти враги уже не страшны. Опасный враг — соглашатели. Лонге пытается изворачиваться, ссылаясь на то, что Ленини и III интернационал плохо информированы. Комитет III интернационала указывает в ответ, что Лонге голосовал за военные кредиты, что он поддерживал Керенского против Ленина, что он был вильсонистом, что он всегда защищал социал-шовинистов, с которыми связан и поныне.

17 января 1920 г. III интернационал прислал следующую телеграмму:

«Конгрессу социалистической партии в Страсбурге.

Исполком Коммунистического интернационала шлет братский привет французским пролетариям, ведущим борьбу с социал-патриотизмом, со всеми двусмысленными взглядами и буржуазными извращениями принципов коммунизма.

Исполком Коммунистического интернационала выражает надежду, что под давлением масс французского пролетариата страсбургский конгресс решится наконец порвать со II ин-

тернационалом, с желтой организацией, наиболее видным представителям которой в Германии является Носке, этот Галифе по ту сторону Рейна, и которую во Франции представляют агенты буржуазии.

Исполком Коммунистического интернационала призывает всех французских коммунистов сплотиться в единую организацию и объявить открытую войну всем, кто предал интересы пролетариата.

Да здравствует революционный французский пролетариат!

Да здравствует очищение рядов пролетариата, из которых должны быть изгнаны желтые члены II интернационала!

Да здравствует пролетарская революция!».

Хотя эта телеграмма и была составлена в довольно дипломатической форме, она была направлена не только против пацифизма, но и против двусмысленного извращения коммунизма и против лонгетистов.

Во время подготовительной кампании к страсбургскому конгрессу в важнейших федерациях вырисовывается следующее по-

ложение вещей: в Сенской федерации наблюдается с февраля 1920 г. совершенно определенный рост голосов за сторонников меньшинства. Ренодель собирает всего 616 голосов, в то время как сторонники III интернационала собирают около 10.000 (точно 9.930) и сторонники восстановления II интернационала—5.988 голосов; в Па-де-Кале правые получают 123 мандата, сторонники восстановления—136 и сторонники Коминтерна—236; в Эльзасе III интернационал одерживает полную победу, получив 43 голоса против 28.

За исключением Северной федерации и федерации От-Вьени, во всех остальных федерациях сторонники Коминтерна либо получают большинство, либо за них голосует значительное меньшинство. Социал-шовинисты повсюду биты но лонгетисты сохраняют еще очень сильные позиции.

На страсбургском конгрессе борьба разгорается по двум основным вопросам: о защите родины и о присоединении к III интернационалу.

Должна ли была социалистическая пар-

тия принимать участие в империалистической войне? Наиболее циничная точка зрения, которую отстаивает Ренодель, отвечает на этот вопрос утвердительно, между тем как более тонкие политики, вроде Поля Фора, Лонге, Мейераса, высказываются осторожнее. Мейерас например заявляет следующее:

«Да, мы видим, что нас обманули, что Франция боролась за империалистические цели. Но, оставаясь верными наследству Года, мы не хотим, чтобы эту Францию топтали сапоги чужеземных солдат и чтобы она была потеряна для социализма».

Оказывается, мы для того принимали участие в войне, чтобы спасти наше будущее социалистическое наследство!

С помощью таких софизмов, слабо отраженных лидерами меньшинства, соглашателям удавалось продолжать морочить массы.

Так называемые левые, вроде Рафен-Дюжанса, произносили высокопарные сентиментальные речи, заявляя, что Пуанкаре заслужил, чтобы ему всадили 12 пуль, и...

Коммунистическая манифестация

требуя в то же время единства партии.

Фроссар пытался сперва сбить дискуссию в сторону обсуждения вопросов чисто избирательного характера. Однако дискуссия снова обратилась к вопросу о защите отечества.

Члены комитета III интернационала устами Раймона Лефевра могут лишь красноречиво вопить об ужасах войны. Они не в состоянии отразить старых гедистских софизмов и осуждают войну не с классовой точки зрения, а с точки зрения «французской расы».

По вопросу о присоединении к III интернационалу загорается сильный бой.

Ренодель отстаивает II интернационал, всемерно нападает на диктатуру пролетариата и российскую революцию, ведет гнусную атаку лично против некоторых молодых членов Комитета III интернационала.

Фроссар, выступавший от имени «восстановителей», избегал прямых нападков на III интернационал, но как на пример, достойный подражания, он указывал на германских независимцев. Лонге и Поль Фор заверяют, что они хотят покинуть II интернационал, но отказываются участвовать в «революционных авантюрах», в которые III интернационал хочет втянуть французский пролетариат.

Как и в вопросе о защите отечества, позиция Комитета III интернационала крайне слаба. Комитет несет последствия недостатка твердости, ясности и дисциплины, которые характеризовали его деятельность на протяжении двух последних лет. Его ряды далеко не прочно спаяны; уже с давних пор вокруг Луизы Сомоно сгруппировалось ядро противников разрыва с лонгетистами. Эта тенденция, никогда не получавшая энергичного отпора в рядах комитета, не скованного железной дисциплиной, парализовала всякую его деятельность на страсбургском конгрессе.

Впрочем даже лучший лидер комитета Лорю ясно обнаруживает на конгрессе, что он не усвоил ни основных принципов, ни методов борьбы ленинизма. Этот недостаток принципов и воли пронизывает каждую фразу его речи на страсбургском конгрессе.

Заявив сперва в ответ на вопрос Реноделя, что он согласен с Лениным в вопросе о пораженчестве, он отрекается потом от своих слов и заявляет, что теория пораженчества годится для России, но не для Франции.

«Я колебался в начале войны, ибо мне казалось, что пораженчество означает призвать революцию на трупах 20 миллионов пролетариев».

Он считает, что советы — это органы пролетарской диктатуры, но они должны быть созданы, по его мнению, после взятия власти, а не до этого. Он возлагает на Ленина личную ответственность за осуждение лонгетистов.

Страсбургский конгресс закончился голосованием большого принципиального значения. Подавляющее большинство конгресса (4.330 голосов против 337) голосовало за выход из II интернационала. Интернационал Реноделя, Альберта Тома, Носке и Вандервельде был окончательно дискредитирован в глазах французского пролетариата, но «восстановители», сумевшие ловко сманеврировать, удержали наибольшее количество голосов — 3.031, из которых 732 принадлежали центровикам, выразителем которых был Блюм. Резолюция сторонников III интернационала получает 1.621 голос.

Решительный шаг был сделан, но все зависело еще от работы Комитета III интернационала среди масс, которые шли еще за «восстановителями». Эту работу проделал не столько комитет, сколько Октябрьская революция.

ТУРСКИЙ КОНГРЕСС (25 — 30 ДЕКАБРЯ 1920 г.)

Стачечная волна 1920 г. содействует прояснению классового сознания масс. На своем горьком опыте рабочие начинают понимать, что их враги находятся в социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда. Лонгетисты, отказывающиеся выступить в защиту обвиняемых в «заговоре», все более и более дискредитируют себя в глазах масс.

Социалистическая молодежь решительно становится во главе движения за вступление в III интернационал. Конференция меньшинства социалистической молодежи Франции, созванная в Пуато 25 июля 1920 г. Комитетом автономии и III интернационала, уполномочивает своего делегата в Национальный совет социалистической молодежи добиваться созыва конгресса в двухмесячный срок. Эта конференция меньшинства принимает коммунистическую программу действия. Эта программа должна служить основой для федерации коммунистической молодежи, которая должна быть организована на ближайшем конгрессе.

се при любых обстоятельствах, независимо от того, будет ли она в большинстве или меньшинстве. Резолюция Вольни, делегата КИМ, принимается большинством 4.091 голоса против 520.

В конце октября на конгрессе в Бельвилье социалистическая молодежь присоединяется к КИМ и принимает постановление о переименовании в Коммунистический союз молодежи большинством 5.443 голосов (к которым следует добавить еще 1.500 голосов эльзасцев) против 1.958, поданных за резолюцию Лене, который также вступил на путь предательства, подобно Мерргейму, Дюмулеру и другим.

Страсбургский конгресс вынес постановление о посылке делегации в Советский союз. Кашен и Фроссар уполномочиваются отправиться в Москву для ознакомления с положением российской революции и для выяснения способов к восстановлению международного единства социалистов.

Они прибыли в Москву в конце июня 1920 г. и приняли участие в работах II конгресса Коминтерна с совещательным голосом. Тотчас по прибытии они отправляют в «Юманите» телеграмму о том, что по их

мнению, необходимо присоединиться к III интернационалу.

Один из них, Фроссар, считает необходимым присоединение к Коминтерну по расчету и ради маневра. Он чувствует, что для того, чтобы не оторваться от масс, необходимо войти в Коминтерн, но полагает в то же время, что III интернационал «утихомирится», станет менее революционным. Уже в своей речи в Страсбурге он очень ясно указывал на это.

«В настоящий момент,—говорит он,—мы находимся в полосе большевистских преувеличений. Большевики отлучают от церкви и объявляют борцов изменниками. Но большевики вынуждены будут эволюционировать».

Лишь потому, что он воображал, что большевизм—преходящее явление, Фроссар решил пойти с ним, питая надежду вернуться затем вместе с массами во II интернационал. С мыслью об этой опрорной измене в будущем и вступает он в III интернационал.

Кашен вступает в III интернационал под влиянием совершенно иных побуждений. Будучи в высшей степени взволнован, захвачен той борьбой, которую ведут боль-

Рабочая демонстрация в Париже

шведики с бесчисленными трудностями, которые они преодолевают, он решается посвятить свою жизнь делу защиты российской революции.

В своем обращении «Ко всем членам Французской социалистической партии, ко всем сознательным пролетариям Франции» (от 26 июля 1920 г.) Исполком Коминтерна объясняет, что, приглашая на свой II конгресс Кашена и Фроссара с совещательными голосами, Интернационал намеревался относиться доброжелательно ко всем рабочим, которые хотят порвать со II интернационалом. Однако французская социалистическая партия, руководимая центристами, отстает от независимых социалистов в Германии, которые только что примкнули к III интернационалу. Ренодели, Тома и Самба помогают интервенции империалистов в РСФСР. Вожаки Всеобщей конфедерации труда срывают забастовки и льют воду на мельницу анархистов. Парижская пресса печатает лишь платонические протесты и скрывает документы Коминтерна. Социалистическая партия не ведет никакой работы среди солдат. Будучи далека от разоблачения штрейкбрехерской деятельности ВКТ, социалистическая партия фактически поддерживает их, не ищет сближения с членами Комитета III интернационала и отказывается защищать арестованных по делу о «заговоре». При таких условиях недопустимо, чтобы представители «центра» могли называть себя коммунистами. Видя, что массы все больше и больше ориентируются в сторону Москвы, центристы стремятся сохранить свое влияние, опираясь на Коминтерн, и надеются сохранить свою автономию, которая позволила бы им продолжать старую политику. Они хотят вступить в Коминтерн, чтобы саботировать его изнутри. Поэтому необходимо поставить перед всеми партиями, желающими вступить в Коминтерн, ряд определенных условий, от которых вожди центра не смогут отвертеться. Эти условия, принятые Кашеном и Фроссаром, позволят разоблачить других вожаков центра из Французской социалистической партии⁸.

Подготовка к Турскому конгрессу прошла целиком и полностью под знаком 21 условия.

По своему возвращении Кашен и Фроссар, принятые с огромным энтузиазмом,

⁸ Далее в тексте книги г. Ферра приводится 21 условие, известные нашим читателям из документов Коминтерна. — Ред.

повели борьбу за вступление в III интернационал. Кампания началась 13 августа 1920 г. грандиозным митингом в парижском цирке. Большая часть рабочих, шедших за реконструкторами, пошла за Кашеном и Фроссаром, на стороне III интернационала. В рядах реконструкторов начинается разложение: большая часть их вожаков сбрасывает с себя маски и открыто переходит направо, ведя бесшумную кампанию против сторонников III интернационала. Часть из них, поддерживающая резолюцию «Блюм—Паоли», переходит на сторону Реноделя и входит в Комитет социалистического сопротивления. Другая часть с Лонге и Полем Фором предлагает так называемую резолюцию «присоединения с оговорками», которая по существу является последней попыткой соглашения.

После того как меньшинство завоевало значительное количество голосов в ВКТ на конгрессе в Орлеане (27 сентября—2 октября 1920 г.: за большинство—1.485 голосов, за меньшинство 659 голосов), после присоединения социалистической молодежи к III интернационалу на конгрессе в Бельвильюазе, — становится совершенно очевидным, что массы с энтузиазмом тянутся к III интернационалу. Это течение ясно сказывается и в партии, в федерациях которой проходит с огромным большинством голосов общая резолюция Комитета III интернационала и фракции Кашена—Фроссара. Сенская федерация принимает эту резолюцию большинством 13.488 голосов против 2.114, поданных за резолюцию Лонге и Поля Фора, и 1.061— за резолюцию Блюма—Паоли. Во всех пролетарских центрах, за исключением севера и От-Вьени, резолюция в пользу вступления в III интернационал собирает огромное большинство голосов.

На конгрессе в Туре (25—30 декабря 1920 г.) должно было произойти массовое вступление в Коммунистический интернационал.

На трибуне конгресса заядлые противники вступления в III интернационал Самба и Блюм обвиняют коммунистов в том, что они дают правительству повод к репрессиям, что они благоприятствуют реакции, которая хочет переворота.

Правда, репрессии господствующих классов, обрушивающиеся на революционеров, не затрагивают министров сиз «священного единения» и особенно преданных

слуг империализма, которые, как Блюм, утверждают, что в социалисте сознание национального долга может уживаться одновременно с сознанием долга интернационального. Эти враги коммунизма заставляют революционеров поставить дилемму: или жестокая, кровавая революционная борьба или предательство интересов пролетариата социалистическими вождями, из которых многие превратились в лакеев буржуазии.

Выступавшие от имени сторонников вхождения в III интернационал, и прежде всего Кашен, сумели доказать, что одна социалистическая республика уже существует и что долг социалистов всего мира — пойти ей навстречу. Что же касается методов насилия, в которых упрекают большевиков, то они, говорил Кашен, отвечают лучшим традициям гедистов. Совершенно правильно он указал на то, что коммунизм унаследовал все, что было лучшего во французском социалистическом движении до войны.

Центристы, вроде Лонге и Поля Фора, разоблаченные 21 условием, не могли больше оставаться на своих двусмысленных позициях, на которых они держались до сих пор. Они обрушились на эти условия и открыто заявили, что не желают проделать той революционной работы, которой от них требует Коминтерн. Они с гордостью заявляли, что не станут вести нелегальной работы, работы против милитаризма, фракционной работы. Эти революционные обязанности, говорили они, невыполнимы, а революционная дисциплина — это петля на шее, которая душит.

В ответ на это Фроссар указывал, что если только они вступят в Коминтерн, то завтрашняя политика Коминтерна не встанет вразрез со старыми социалистическими традициями. Будучи далек от сознания необходимости разрыва с лонгетистами, он делает отчаянные усилия для того, чтобы увлечь их за собой, с тем, чтобы попытаться повести борьбу с коммунизмом внутри III интернационала. На это Блюм ответил:

«... Я прекрасно знаю, что кое-кто из вас, которые в душе с нами, входят в Коминтерн с задней мыслью переделать его

изнутри... Но я думаю, что это — чистейшая иллюзия. Коминтерн — слишком могучая, слишком цельная, слишком устойчивая система».

Даже Даниель Рену и Вайян Кутюрье (последний представлял Комитет III интернационала) не понимали тогда, что главная задача заключалась в разрыве с лонгетизмом.

Этот необходимый разрыв пришлось провести самому Коминтерну.

«Они (центристы) были и остались, — гласила телеграмма⁹, — сознательными проводниками буржуазного влияния на пролетариат. Интернационал не может иметь ничего общего с авторами подобных резолюций».

После такого приговора и глубокого впечатления, произведенного речью Клары Цеткин, лонгетисты решили, вопреки отчаянным призывам Фроссара, присоединиться к своим друзьям реноделистам. Оппортунисты покинули конгресс, чтобы на следующий день, 30 декабря, организовать социалистическую партию диссидентов. Резолюция за вступление в Коминтерн была принята 3.028 голосами (кроме того «поправка» анархической «крайне левой» получила 44 голоса); резолюция Блюма — Паоли получила 1.022 голоса; резолюция «социалистического сопротивления» (Реноделя) была взята ее авторами обратно; и наконец резолюция Прессмана собрала 60 голосов.

Так родилась компартия Франции или, точнее, социалистическая партия (французская секция Коммунистического интернационала)¹⁰ — зародыш коммунистической партии.

Раскол в Туре был лишь «широким водоразделом», который не помешал многочисленным замаскированным центристам с Фроссаром во главе остаться в рядах партии, чтобы попытаться переделать ее в духе реформизма.

⁹ Присланная Исполкомом Коминтерна.

¹⁰ «Для пользы дела» сторонники вступления в Коминтерн считали более целесообразным не принимать сразу названия «Коммунистическая партия».

КЛАССОВАЯ БОРЬБА на ВОСТОКЕ

ДОКУМЕНТЫ О ПОЛОЖЕНИИ В СОВЕТСКИХ РАЙОНАХ КИТАЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Печатаемые ниже документы ярко показывают положение в советских районах Китая. Великая китайская революция, поднявшая многомиллионные массы Китая на борьбу с империализмом, представляет собою одно из самых великих событий нашего времени. Коммунистический пролетариат Китая был разбит, но революция была лишь отсрочена, а не уничтожена. В Китае на определенной части территории образовалась советская власть, привлекающая симпатии и надежды трудящихся всего мира. Условия борьбы рабочих и крестьян советского Китая исключительно тяжелы. Китайские помещики и буржуазия мобилизуют все свои силы для подавления коммунистического движения. Китайский пролетариат и все трудящиеся советского Китая проявляют величайший героизм, самоотверженность, революционную энергию; хотя советское движение в Китае имеет свои слабости и ошибки, эти слабости не исключают того, что самый факт создания советской власти и объединения под ее и компартии руководством миллионов рабочих и крестьян, просыпающихся к сознательной политической жизни, представляет собой замечательное явление в истории мировой революции. Трудящиеся Советского союза внимательно следят за событиями в Китае и за классовой борьбой, за победами и успехами рабочих и крестьян советского Китая. Их дело — наше дело; их борьба — наша борьба, борьба за уничтожение феодального и капиталистического гнета во всем мире.

успехи СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ в ЗАПАДНОЙ ФУЦЗЯНИ

Февраль, 1930 г.

ИЗ СБОРНИКА „СОВЕТСКИЙ КИТАЙ“ НА КИТАЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

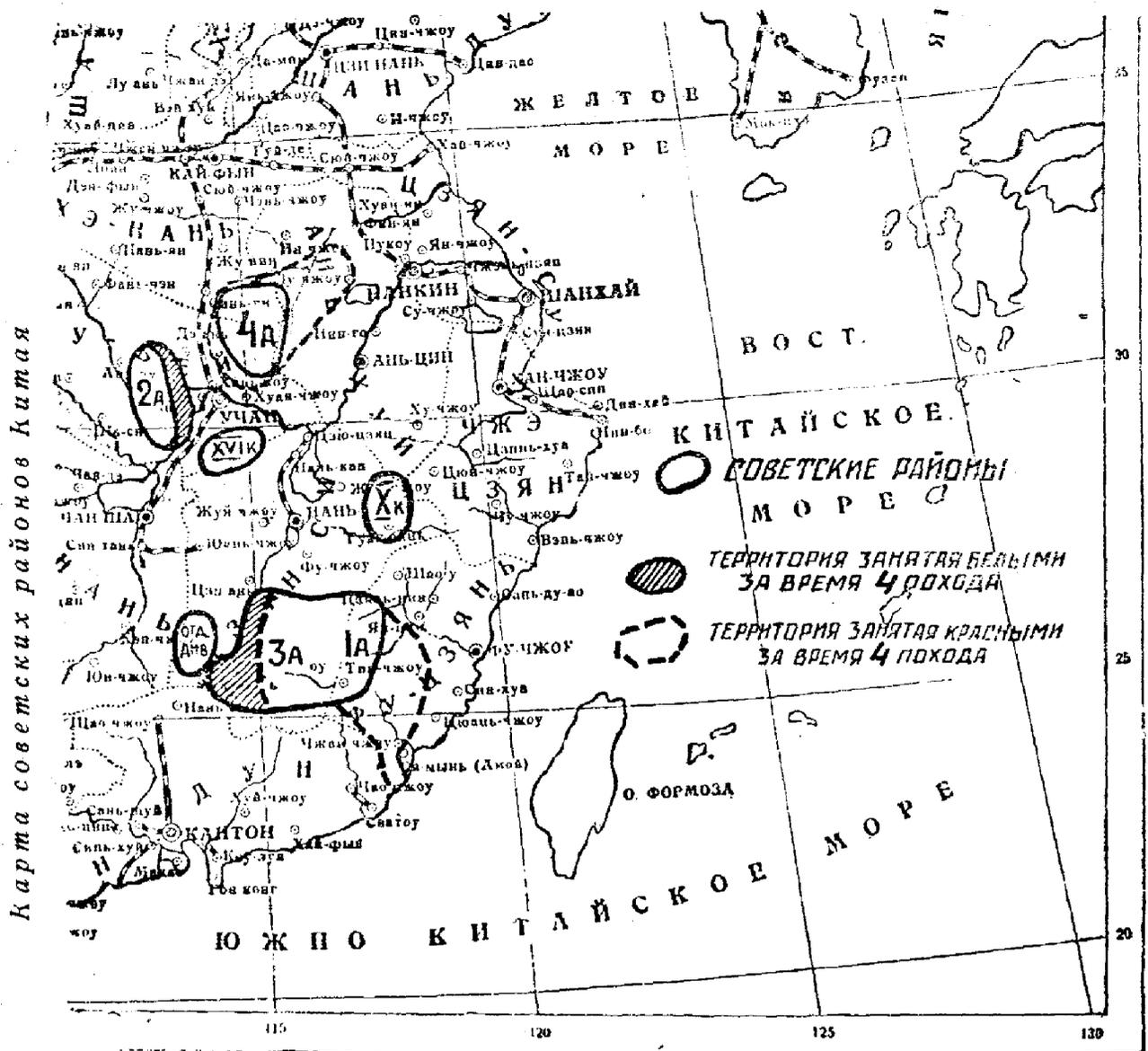
Вы наверно слышали о том, каким образом гоминдановские сановники — Чжан Чжень, Лю Хэ-дин, Цзинь Ханьдин — собирали полчища для окружения и истребления «коммунистов-бандитов» — Чжу Дэ и Мао Цзэ-дуна — в западной части провинции Фуцзянь; вы наверно испытали на своих плечах тяжесть займов, налагаемых Гоминданом для нужд карательных экспедиций против коммунистов; вы наверно сами подвергались бесчинствам антикоммунистических армий, насильственным мобилизациям в качестве носильщиков и прочим угнетениям. Но знаете ли вы о том, что на западе провинции Фуц-

зянь творится крупное и необычайное дело?

Это поистине великое и необычайное дело — восстало крестьянство в западной Фуцзяни. Красные части Чжу Дэ и Мао Цзэ-дуна помогли этому восстанию. Этих-то восставших крестьян и называли гоминдановцы «коммунистами-бандитами».

Не думаете ли вы действительно, что в западной Фуцзяни произошел обычный переворот, подобно тому, как например Чан Кай-ши устроил переворот и свергнул Чжан Цзо-лина и У Цэй-фу, а сам стал председателем национального правительства, или же например Ван Цзин-вэй опять-таки хочет устроить переворот и свергнуть Чан Кай-ши с тем, чтобы самому захватить пост председателя правительства? Нет, в западной Фуцзяни творятся совсем не такие дела. Там произошел коренной переворот.

Что же делается в западной Фуцзяни? Вот об этом я желаю вам рассказать.

ПРОГНАЛИ ГОМИНДАН

Крестьянство западной Фуцзяни свергло своих помещиков, джентри, сдававших землю в аренду. Бедные арендаторы и бедняки—собственники земли, обработка которой не доставляла им средств к существованию, поднялись, как один человек, и стали отыскивать и избивать помещиков и джентри в своих деревнях. Оставшиеся в живых были изгнаны. Бедняки взяли в свои руки всю имеющуюся землю и перераспределили ее: вся земля, которую они обрабатывали, находится теперь в их собственном распоряжении.

Крестьяне западной Фуцзяни не только свергли помещиков и джентри, сдававших землю в аренду, но выступили также и против гоминдановских властей, накладывающих на них разные налоги, поборы и разверстки деньгами и продовольствием. Восставшие ловили гоминдановских чиновников и избивали их так же, как помещиков и джентри. Слышали ли вы о том,

как гоминдановскому сановнику — командиру бригады Го Фын-мину — без всяких церемоний отрубили голову и вывесили ее напоказ? Слышали ли вы о том, что многие гоминдановские чиновники, как например Лу Синь-мин, Чень Го-юй и другие, бежали, поджавши хвост, как собаки, в северную Фуцзянь? Да, это было настоящее восстание. Так неужели же оно должно было считаться с гоминдановскими чиновниками?!

СОЗДАЛИ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

Вы, возможно, удивляетесь и спрашиваете себя: что же делают крестьяне западной Фуцзяни после того, как они прогнали гоминдановскую власть? Как они живут? Если они поступили таким образом, так кто же из них может руководить?

Если они прогнали помещиков и джентри и разделили землю, то каким образом они поделили эту землю между собой, по-

скольку земля бывает разной плодородности? Не произошло ли среди них разногласий и драки?

Как ни странно, но ничего подобного не случилось. Крестьяне западной Фуцзяни в настоящее время живут чрезвычайно спокойно. И в настоящее время исчезли все прошлые драки из-за участков и воды. Почему? Потому что там проводятся новые мероприятия.

Множество дел в каждой деревне разрешается массовым собранием. Так например дележка земли обсуждается самими массами на собраниях, ими устанавливается, каким образом должен производиться раздел, ими же выдвигаются люди для обследования и оказания содействия распределению. При таком распределении все остаются удовлетворенными, и никаких нареканий не возникает.

Это вполне понятно. Как вы хорошо знаете, в прошлом крестьяне западной Фуцзяни, находясь под господством помещиков и гоминдановских властей, должны были вносить арендную плату, продовольственный налог, разные сборы и пр. Они находились конечно в безвыходно тяжелом положении. Некоторые крестьяне в течение целого года не ели риса, не имели даже картофеля и питались только отжимками сладкого картофеля. В настоящее время после успехов восстания крестьяне разделили землю и являются полными хозяевами поделенной земли. Вот это действительно значит из ада попасть прямо в рай.

Кроме того, если бы у них возникли недоразумения, разногласия, то их очень легко было бы разрешить, так как они имеют возможность созывать массовые собрания для решения всех спорных вопросов. Как постановляет массовое собрание, так и поступают, и никто не может сказать, что решение это несправедливо.

Они действуют таким образом не только в одной волости, — в целом районе и в целом уезде дела ведутся таким же образом. Конечно для разрешения дел района или уезда нельзя созвать в одном месте массовое собрание населения всего района или уезда. Поэтому во всех волостях избираются делегаты района для разрешения вопросов, касающихся района. Все районы избирают делегатов на собрание в уезд для разрешения вопросов, касающихся целого уезда. Одновременно фабрики, мануфактуры, войсковые части, на-

ходящиеся в районах или уездах, выдвигают своих делегатов на собрания. Такого рода массовые собрания или делегатские собрания являются их властью. Они называют эту свою власть советами. При такой власти нечего удивляться тому, что они не нуждаются ни в помещиках, ни в джентри, ни в гоминдановских чиновниках. И нечего удивляться тому, что они окончательно изгнали и уничтожили эту категорию людей.

ЗЕМЛЯ ПРИНАДЛЕЖИТ КРЕСТЬЯНАМ

Вы спросите: если западная Фуцзянь разделила всю имеющуюся землю, то вошла ли в эту дележку земля, принадлежащая крестьянам-собственникам, обрабатываемая ими самими наравне с землей помещиков? И почему, свергая помещиков и джентри, нужно также свергать землевладельцев-собственников, обрабатывающих собственным трудом землю?

Конечно нечего и говорить о борьбе против этой категории крестьянства, так как они сами борются против помещиков и джентри, высасывающих арендную плату. Помещиков и джентри ненавидит все крестьянство, но говорить о разделе земли крестьян, обрабатывающих ее собственным трудом, не приходится. Совершенно очевидно, что 80 проц. крестьян-собственников не в состоянии прокормить себя. Эти люди, подобно арендаторам, также требуют земельного надела. Передел всей имеющейся земли отнюдь не означает уничтожения крестьян-собственников, а наоборот, приводит к тому, что они получают большее количество земли. Однако передел земли несколько невыгоден тем крестьянам-собственникам, которые имеют земельные излишки. Но эта категория крестьян в западной Фуцзяни составляет только 4—5 проц., и с невыгодами такой маленькой кучки вся масса крестьянства в целом может не считаться.

Крестьяне западной Фуцзяни отнюдь не считают, что в будущем, при восстании, крестьянство в других местах должно поступать точно так же, как и они. Они только считают, что как бы то ни было, но нужно землю помещиков и джентри забрать в свои руки и отдать ее арендаторам и беднейшему крестьянству. Что касается того, как делить землю, то каждая власть должна решить это сама.

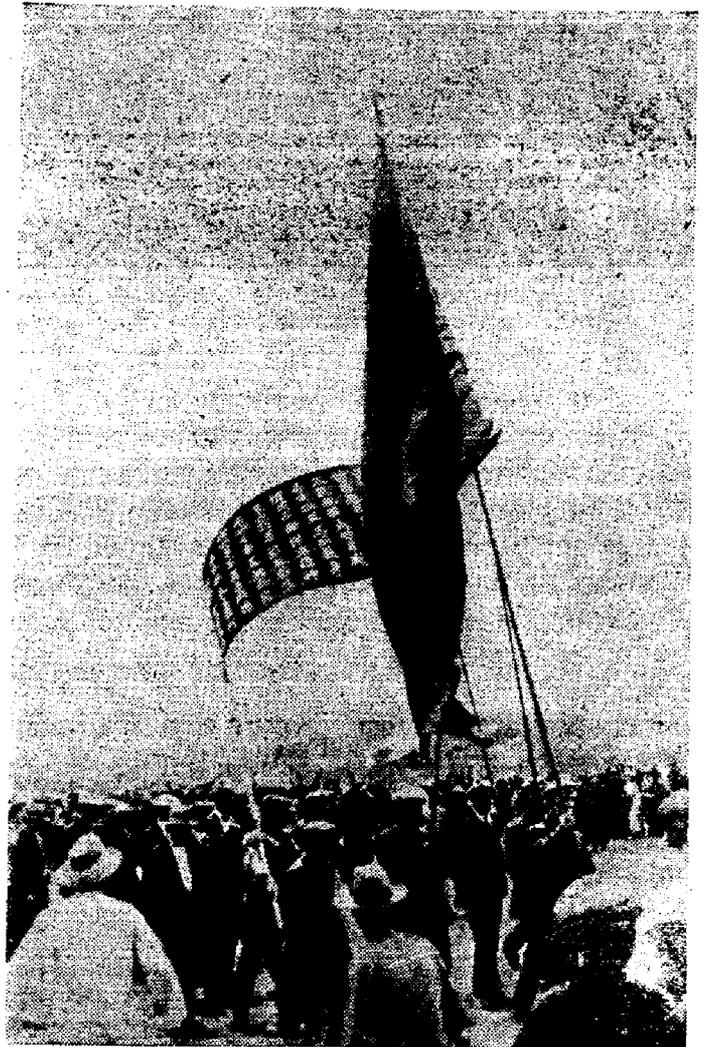
МЕТОДЫ РАЗДЕЛА ЗЕМЛИ

Вы наверно спросите: из чего исходят при распределении земли?

Крестьянство в западной Фуцзяни в настоящее время большей частью делает так: оно поровну делит землю среди населения (но в немногих пунктах поступают иначе). На собраниях выбирают людей для обследования количества едоков и земли по дворам; выбирают опытных крестьян для оценки степени плодородности земли, а затем устанавливают линию, которой придерживаются при распределении земли; готовится много деревянных дощечек, на которых пишут номера участков, количество урожая и фамилию лица, которому участок сдан для обработки. После собрания всей массой направляются для распределения дощечек по участкам. Таким образом земля считается распределенной между определенными лицами и в дальнейшем должна обрабатываться ими.

Могут ли быть злоупотребления при обследовании земельных участков? Ведь среди крестьян может найтись некоторое незначительное меньшинство, представляющее преуменьшенные сведения? Конечно это иногда случается. Однако при распределении земли нужно широко оповестить массы всей волости, и волостные дела уже очень трудно скрыть от своих же земляков по волости. Кроме того крестьяне западной Фуцзяни придумали способ наказания, а именно: если какой-нибудь крестьянин дает сведения, преуменьшенные на несколько му, то в дальнейшем, по выяснении этого, его участок действительно сокращается на такое же количество. Ввиду применения этих мер в настоящее время очень редко встречаются случаи неправильного представления сведений.

Однако при распределении земли по количеству едоков имеются некоторые отрицательные стороны, потому что подобное распределение земли не считается с тем, какое количество земли в состоянии обработать лица, которым земля эта предоставляется. Таким образом могут получить землю лица престарелые, больные и инвалиды, которые не в состоянии ее обрабатывать, и ввиду этого часть земли или не обрабатывается, или тайным образом сдается в аренду другим хозяйствам, т. е. получается, что некоторые категории превращаются в своего рода помещиков. В некоторых местах можно наблюдать множество

Демонстрация в Кантонэ

подростков, работающих на земле, что вынуждает их терять время учения и игр.

В настоящее время крестьянство западной Фуцзяни уже заметило эти недостатки и принимает меры к их искоренению. Проводится соревнование на сельскохозяйственных выставках и поощряется развитие сельскохозяйственного производства. Принимаются меры к тому, чтобы сократить или вовсе запретить труд подростков.

В некоторых местах поделена не вся земля, часть ее является общей собственностью. Такого рода земли в настоящее время можно разделить на две категории: 1) земля, которая попрежнему сдается для обработки, причем 30 проц. урожая в качестве земельного налога взимается советами для покрытия своих расходов, 2) земля, которая сообща обрабатывается крестьянами для советов. Среди крестьянства западной Фуцзяни преобладает мнение, что общественная обработка земли для советов лучше.

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

СОВЕТОВ

ЗАПАДНОЙ ФУЦЗЯНИ

Март, 1930 г.

ИЗ СБОРНИКА „СОВЕТСКИЙ КИТАЙ“ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

800 тысяч жителей западной Фуцзяни в процессе борьбы создали советскую власть. Во время длительной партизанской борьбы красная армия достигла крупных политических успехов. Помещики, тухао и джен-три и гоминдановские милитаристы были изгнаны, земля поделена, жизнь рабочего улучшена, и политическое влияние советов продолжает распространяться на всю провинцию Фуцзянь.

Советские районы западной Фуцзяни несомненно растут изо дня в день; несмотря на то, что противник несколько раз проводил общие карательные экспедиции, однако большого урона он не причинил. И наоборот, эти карательные экспедиции дали много уроков крестьянству, заставили его понять, что единственный выход для него — только в самоотверженном расширении борьбы. Среди войск противника миньтуаней¹ изо дня в день увеличивались колебания и бунты. Цзинь Хань-дин не осмеливался выпускать части, занимавшие города Шанхан и Чандин, за пределы городских стен; Лю Хэ-дин, Чжан Чжень улепетнули со своими частями из западной Фуцзяни. Помещики и джен-три районов Дунцзяни и Дабу присмирели. Они не осмеливаются обидеть постоянно приезжающих и уезжающих советских работников, так как знают, что советы рано или поздно распространятся и на их территорию.

Советы западной Фуцзяни определенно проявили себя как рабоче-крестьянское правительство. Там постоянно проводятся массовые и делегатские собрания. Многие рабочие, крестьяне-бедняки, женщины принимают участие в советских делегатских собраниях и в самих советах. Вся власть принадлежит советам. При советской власти все, не имевшие земли или имевшие мало земли, получают землю; крестьяне, которые ранее в течение круглого года питались сладким картофелем, теперь перешли на белый рис. Водные каналы, мосты, дороги стали усиленно почи-

няться и строиться; во многих местах организованы кооперативы для того, чтобы дать отпор эксплуатации торговцев. Бедное крестьянство за весьма малый процент может получить займы нужные средства; в случае болезни можно призвать общественного бесплатного врача; за весьма низкую плату предоставляются медикаменты. Для рабочих проведен 8-часовой рабочий день, увеличена зарплата. Женщина пользуется всеми правами.

Рабоче-крестьянские массы западной Фуцзяни благодаря советской власти обучаются и воспитывают самих себя; при распределении земли некоторые вожди мечтали только о конфискации земли помещиков, однако свыше 95 проц. беднейшего крестьянства единодушно отстаивали принцип уравнительного передела всей земли, и естественно, что в таких районах, с преобладающей массой беднейшего крестьянства, было бы неправильным, исходя только из интересов малочисленных середняков и даже кулаков, выступать против равномерного распределения земли. Во время распределения земли массы в самом начале стояли за то, чтобы равномерно распределять землю по количеству едоков. Однако опыт доказал, что если производится одинаковое распределение земли среди слабых, старых, инвалидов и т. д., то в результате эта часть земли пустует, и это приводит в конце концов к тайному воскрешению арендной системы. Это приводит также к тому, что подростки не могут избежать принудительного труда. Из этого опыта крестьянство сделало вывод, что нужно изменить метод и производить распределение земли в соответствии с трудовыми способностями.

В области организации волостных советов массы также на основании опыта ввели много улучшений. В некоторых местах волостные советы в самом начале формировались из делегатов, избранных всей массой. Однако вскоре уже почувствовали неудобства такого метода. В настоящее время во многих волостях уже организованы советы (за исключением маленьких деревушек); в волостях с небольшим населением высшим органом власти является общее массовое собрание. В местах, где советы только недавно организованы, на собраниях обыкновенно выступает несколько вожаков, а крестьяне или аплодисментами выражают одобрение или же заявляют о своем неодобрении. В большинстве они соглашаются со взглядами, высказываемыми

¹ Миньтуань — отряды помещичьей охраны

их вожаками, а к выступлениям женщин-ораторов большей частью относятся невнимательно. Однако в местах, где советы существуют более или менее продолжительное время, наблюдается совершенно иное. Крестьяне постепенно начинают выступать, излагать свои взгляды; они отзывают своих делегатов из высших советских органов в случае несоответствия их своему назначению. Роль женщин в советах также повышается с каждым днем.

Конечно мы этим не хотим сказать, что в настоящее время в советах западной Фудзяни не существует никаких недостатков. Однако в западной Фудзяни уже привлечено широкое внимание масс к тому, чтобы исправить эти недостатки, а особенно наша партийная организация уже осознала свои задачи и решила повести борьбу за их исправление.

Первым важнейшим недостатком является то, что творческие силы масс еще не в достаточной степени проявляются. Так например массы недостаточно участвуют в организации кооперативов, клубов, женских школ и пр. Высшей исполнительной силой советов фактически является комитет. Делегатские или массовые собрания как будто бы являются только совещательными парламентскими органами. Советы еще не сумели организовать массы для всестороннего участия в работе советов. Партия в западной Фудзяни уже выдвинула задачу вовлечения масс во всякую политическую, экономическую и культурную работу. Партия стремится к тому, чтобы воспитывать руководящих советских работников, а главное привести в движение ячейки, чтобы они пошли в массы, расширили обсуждение, вовлекли их в высказывание своих взглядов на собраниях так, чтобы массы принимали решающее участие во всех мероприятиях по волости и проявляли при этом взаимное соревнование. Партия стремится установить, что делегатские или же волостные массовые собрания являются высшими органами власти, и важнейшие вопросы должны быть в достаточной степени обсуждены на них, а также не только обсуждены, но кроме того возможно большее количество людей, принимавших участие в собраниях, должно быть вовлечено в разного рода практическую работу. Партия не только должна помогать массам развивать свои собственные взгляды, но кроме того должна помогать массам проводить их в жизнь. Та-

ким образом можно еще более укрепить массовую базу советов.

Вторым важнейшим недостатком является то, что мы не сумели еще достаточно твердо сконцентрировать все силы для расширения сферы влияния. Множество вооруженных сил крестьянства остается в местных отрядах самообороны, которые невозможно свободно собирать и перебрасывать. Об'ективная необходимость вынуждает собирать у населения средства для помощи военной работе и для расширения и развития массовой работы. Но советы нелегко соглашаются проводить эти сборы, боясь недоразумений с крестьянством. Некоторые советы для разрешения экономических затруднений, связанных с ввозом и вывозом товаров, часто проявляют примиренческие тенденции в отношении купечества. Они опубликовали декреты о защите торговцев и предоставили им ряд налоговых льгот. Крестьянство не выплачивает земельного налога в размере 15 проц., конечно тем более не решаются производить среди них сборы и обложения. Советы не принимают также запретительных мер против произвольного повышения цен торговцами в противовес им организуя кооперативы. Иногда даже они ограничивают борьбу, ведущуюся приказчиками и прочими служащими. Партия в западной Фудзяни в настоящее время уже решила повести решительную борьбу против всяческих консервативных соглашательских тенденций с тем, чтобы каждый рабочий и крестьянин осознал, что вопрос о расширении сферы влияния является вопросом борьбы не на жизнь, а на смерть, что нужно концентрировать все вооруженные людские и материальные силы, осуществить план расширения сферы своего влияния. В отношении купцов хотя фактически в настоящее время еще нельзя активно повести против них наступление, однако советы борются за твердое установление авторитета рабоче-крестьянской власти и всемерное ограничение эксплуатации и обирательства рабочих и крестьян. Партия решительно борется против оппортунистических тенденций ограничения борьбы приказчиков и служащих и за выправление ошибок в налоговой политике.

Советы западной Фудзяни отнюдь не скрывают своих собственных недостатков. Конечно нет никакой необходимости скрывать их. Рабоче-крестьянские массы, находившиеся в течение длительного периода

времени под господством своих классовых врагов и под влиянием их пропаганды, в настоящее время в первый раз создают свою собственную власть и конечно не могут каждое дело выполнить хорошо на все сто процентов. Рабоче-крестьянские массы в настоящее время уже имеют возможность, опираясь на опыт, с помощью критики исправлять свои недостатки. Только советская власть является властью самих рабоче-крестьянских масс. Рабоче-крестьянские массы всего Китая должны подняться на борьбу за советскую власть.

МОЛОДЕЖЬ

в советских районах ЗАПАДНОЙ ФУЦЗЯНИ

Март, 1931 г.

ИЗ ГАЗЕТЫ „ЦЮНЧЖУН ЖИБАО“

Территория советских районов в западной Фуцзяни включает 8—9 волостей, из них наиболее крупными и крепкими являются Лунань и Юндин.

Лучше всего рабоче-крестьянским массам под властью советского правительства живется в Лунане, Юндине и Шанхане, где вопрос с продовольствием вполне урегулирован. В остальных местах, где особенно остро ощущается влияние неприязнательской блокады, условия жизни несколько труднее.

Молодежь получила в настоящее время полную политическую свободу, но в экономическом и культурно-просветительном отношении она еще не достигла полного освобождения. Это объясняется главным образом старыми семейными и экономическими отношениями, довлеющими над нею. В лучших по сравнению с другими условиях находятся лунаньские лодочники, получающие свыше 50—60 долларов в месяц на хозяйских харчах и работающие по 8 час. в день; расходы по стирке белья, стрижке и бритью оплачиваются хозяином; поэтому можно сказать, что лунаньская молодежь находится в более благоприятных условиях по сравнению с другими советскими районами западной Фуцзяни.

Массовые организации молодежи имеются в Лунане, Лунфине, Хуанфане и других больших и мелких городах. Основная масса членов—ученики ремесленных и торговых предприятий. В Лунане имеется профсоюз учеников, в котором насчитывается свыше 150 членов и в котором проводится система широкой демократии и выборности. Низовыми организациями являются ячейки из 5 человек на каждом предприятии, организованные уже после восстания, а также пикеты. Молодые рабочие входят в общий профсоюз, а ученики имеют свои союзы. Профсоюзные организации созывают общие собрания членов не реже двух раз в месяц и ведут свою работу под непосредственным руководством генсовета профсоюзов. При красном профсоюзе учрежден отдел молодежи, который специально ведает вопросами профдвижения учеников. Отделы молодежи имеются при профсоюзах металлистов, сапожников, парикмахеров и др. Такие же организации имеются и у молодых рабочих в профсоюзах лодочников и приказчиков в Юндине. В Шанхане, как и в Лунане, имеется союз учеников.

Молодые рабочие с большим энтузиазмом участвуют в борьбе. Они всегда принимают участие в сражениях с бандитами и белыми отрядами как в качестве рядовых бойцов, так и в качестве разведчиков, дозорщиков и т. п. Кроме того они энергично борются с внутренней контрреволюцией.

Советское правительство западной Фуцзяни большое внимание уделяет делу просвещения молодых рабочих и крестьян. Почти повсеместно организованы клубы, вечерние школы и т. п. В Лунане в настоящее время имеется большой клуб, ставший средоточием культурно-просветительной жизни рабочей молодежи. Кроме того в этом городе имеются еще две ленинских школы (первой и второй ступени) и один университет для трудящихся.

«Молодой авангард» разделяется на шесть главных отрядов, причем каждый из них делится еще на большой, средний и малый подотряды. Всего больших подотрядов насчитывается свыше 60 с общим количеством членов более 40 тыс. человек, состоящих в своей массе главным образом из бедняков и середняков. Накануне годовщины Кантонской коммуны им был создан слет пионеров, который с наибольшим ус-

пехом прошел в Юндине, где организация «Молодого авангарда» вообще отличается большей крепостью, чем в других местах.

Что касается пионерской работы, то уездные комитеты комсомола не имеют еще больших достижений. В некоторых местах пионеры по собственной инициативе налаживали свою военную подготовку и принимали участие в борьбе взрослых; с особым энтузиазмом они боролись против феодальных пережитков.

В «Молодом авангарде» имеется много девушек. В Юндине девушки принимали активное участие в организации транспортных отрядов, отрядов связи и пр.

РАБОТА среди ЖЕНЩИН

ИЗ ЖУРНАЛА „РАБОТНИЦА и КРЕСТЬЯНИНА“
НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Ввиду того, что прежде мы пренебрегали работой среди женщин, женские массы в советском районе еще мало принимали участия в революционной борьбе. За последнее время партия принялась усиленно за эту работу и уже имеются очень большие успехи:

а) все звенья женских делегатских собраний уже могут регулярно собираться на собрания. Женские массы уже откликаются на приглашения участвовать в делегат-

ских собраниях. На каждом делегатском собрании мы уже можем обсуждать различные вопросы;

б) при каждом совете имеются женские комитеты по освобождению женщин, созданные женскими массовыми собраниями или делегатскими собраниями. Однако ввиду того, что нашим влиянием охвачено еще мало женщин (в настоящее время уже обращено внимание на подготовку кадров), еще нельзя создать настоящей самостоятельной работы этих комитетов;

в) наблюдается очень большой успех по линии работы женских отрядов помощи красной армии. Куда бы ни пришла красная армия, везде женщины при проходе отрядов дарят красноармейцам веера, соломенные сандалии и другие подарки. Одновременно приходят женские пошивочные, прачечные бригады и занимаются стиркой и починкой красноармейской одежды.

В отдельных районах, где женская работа поставлена особенно хорошо, если массы вступают в ряды красных воинов, женщины присылают им печенье, чай, выражая этим свое одобрение;

д) разведочные женские отряды ввиду плохой организации еще никакой роли не играют;

е) женских школ еще нет;

В настоящее время началась работа по вовлечению женщины в производство. Проводится соревнование между женщинами по рассадке чайных кустов и помощи в обработке земли.

Митинг
в Ханькоу

ПОЛОЖЕНИЕ В ХАЙФЫНЕ И ЛУФЫНЕ

СТАТЬЯ ИЗ ГАЗЕТЫ КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ
„КРАСНОЕ ЗНАМЯ“

В 1928/29 г. накануне милитаристской войны между Чан Кай-ши и гуансийцами реакционные силы всеми способами подавляли революцию в Хайфыне, Луфыне, Хуэйяне и Цзыцзине. Применялись все имеющиеся у них средства: окружение волостей, обыски в горах, очистка волостей, «омывание кровью» и т. п. жестокие меры. Вследствие этого в революционной борьбе масс наступило временное затишье. Множество красных районов было уничтожено жесточайшим белым террором реакционных сил. Однако искра революционной борьбы масс продолжала разгораться все больше и больше, и когда разразилась война между Чан Кай-ши и гуансийцами, вслед за этим произошло извержение красного вулкана.

Массы этих районов имели богатый опыт длительной борьбы и кроме того они глубоко сознавали свою силу и конечно не могли легко стерпеть жестокие репрессии и невиданный террор со стороны милитаристов и Гоминдана. Поэтому как только началась борьба, она стала развиваться решительными и быстрыми темпами.

Вспыхнула экономическая забастовка хуэйчжоуских рабочих; в Таньшуне, Лочжу рабочие соляных промыслов избили полицейских. Работницы в Лочжу выступили против уплаты налогов; хайфынские рабочие по своей инициативе стали арестовывать реакционные элементы и распространять листовки; крестьяне в Луфыне и Мэйлуэне выступили против уплаты налогов; крестьяне в Цзыцзине по своей инициативе стали отбирать скот и с.-х. инвентарь у помещиков; солдатские массы милитаристических войск без всякого сопротивления сдавали оружие, и даже купечество в Лочжу очень оживленно стало собирать деньги для советов. Это относится к началу. А когда наступил период сбора летнего урожая, то красные деревни начали осуществлять земельную программу, расширять партизанскую борьбу. Деревни, находившиеся под реакционным господством, как например Байхуа, Пиньшан и Хэнли в Хуаянском уезде и двух районов Хайфынского уезда, поднялись на борьбу против арендной платы и гоминдановской продрозверстки, избивали и арестовывали помещиков. В день 1 августа массы повсеместно организовывали демонстрации, распространяли листовки, выкрикивали лозунги, прерывали телефонную и телеграфную сеть и устраивали собрания. Множество деревень, находившихся в окрестностях, выразило сочувствие красным и присылало своих делегатов в красные районы, прося командировать людей в соседние уезды для помощи в создании местных советов.

К периоду сбора осеннего урожая 1929 г. борьба масс вспыхнула с громадной силой. К тому времени как раз разгорелась война между Чан Кай-ши и гуансийцами, реакционные части были переброшены, и силы противника таким образом были ослаблены. Этим и воспользовались массы. В Хайфуне рабочие устроили забастовку протеста против взимания налогов, организовали свой собственный союз; рабочие порта в Сяньи организовали экономическую борьбу и избili заведующих складами; помещики вступили в борьбу против взимания налогов и бросили работу; рабочие в Луфыне отказались вносить соляной налог. Видя, что Гоминдан выступает против СССР, очень многие рабочие говорили: «Китайская революция без помощи СССР ни в коем случае не может победить», «В ответ на войну против СССР, мы создадим свои советы». Среди рабочих все с большей ясностью выросло понимание роли желтых профсоюзов, и они поднимались на борьбу с ними. Ненависть к Гоминдану стала массовой.

Борьба крестьян также быстро развивалась. В Хуэйяне крестьяне выступили за сокращение и отмену аренды, отказались строить дороги, отказались поставлять носильщиков и рекрутов, выступили против миньтуаней: в Хайфуне стали избивать сборщиков аренды, отказались от уплаты аренды и налогов; в Луфыне крестьяне

перестали вносить сборы на миньтуани, выступили против окружения волостей и вступили даже в вооруженное столкновение с противником; в Цзыцзине крестьяне отказались вносить аренду и налоги и стали арестовывать и убивать помещиков. Раньше колебавшиеся, в настоящее время все они стали решительно принимать участие в революции и стали признавать советскую аграрную революцию как действительное разрешение собственных накопившихся вопросов. Среди крестьян очень часто можно услышать следующие разговоры: «Говорят, что коммунисты убивают людей и устраивают пожары. Однако они расправляются с помещиками, тухао¹ и джентри², а гоминдановцы убивают крестьян», или: «Эксплуатация и обирательство, осуществляемые Гоминданом, в десять раз свирепее, чем при манчжурской династии».

¹ Тухао — реакционный, преимущественно помещичий слой китайской деревни, связанный с феодальной и ростовщической эксплуатацией крестьянства.

² Джентри — по китайски «шэньши» — «именитые люди», «образованные» — эксплуататорская прослойка, главным образом в китайской деревне. Обычно чиновники. В значительной части — мелкие помещики и узурпаторы (на правах «старейшин») родовых и общинных земель и имущества. Джентри эксплуатируют крестьянские массы также в качестве низовой агентуры милитаристического налогового и административно-судейского аппарата.

Митинг рабочих Улана в ответ на предательство Чан Кай-ши.

Митинг в революционном Ханькоу

Кроме самих тухао и джентри и их родственников никто не желал вступать в миньтуани. Хайфынский полицейский отряд с винтовками перешел на сторону советов. Солдаты Хуэйчжоу говорили: «Быть гоминдановским солдатом, это означает быть солдатом милитаристической армии».

В полицейском отряде в Таньшуге солдаты часто говорили: «Мы не желаем служить в полицейском отряде, мы желаем служить в красной армии». Хотя солдатские массы милитаристических армий еще не выступили против Гоминдана в общем солдатском восстании, однако присылка патронов советам, сдача оружия советам без всякого сопротивления стали весьма распространенным явлением. Солдаты часто говорили: «Как только коммунистическая партия поднимет восстание, мы отбросим винтовки в сторону», «Советская власть действительно хороша», «Мы желаем договориться с советами», «Мы желаем служить в красной армии». Поэтому взятые в плен солдаты не желали возвращаться обратно и требовали, чтобы их оставили в советских районах для несения службы в красной армии.

Другие слои населения—бедные горожане и торговцы—также выступили против

налогов и поборов, взимаемых гоминдановскими властями. Торговцы в Гуншине и Мэйлуэ требовали восстания. По всем городам и деревням время от времени устраивались массовые демонстрации, разбирались линии железных дорог, взрывались мосты, прерывалась телеграфно-телефонная сеть. Таким образом росла грозная сила, перешедшая в решительное наступление против сил реакции. Демонстрации в защиту СССР и против милитаристических войн мобилизовывали широчайшие массы для участия в борьбе.

Рост красной армии также поспевал вслед за общим ростом борьбы масс. Был организован 49-й полк. Красная армия с боем заняла ряд важных стратегических пунктов. Во всех этих местах красная армия находила поддержку. Рост советских районов шел очень быстро. Особенно большое участие приняли массы в занятии уездного города Хайфына. Здесь они начали получать уроки того, как местное восстание от власти в деревнях переходит к установлению своей власти в городах.

Независть большинства масс к Гоминдану достигла своего апогея. Массы стали также ясно представлять себе реформист-

ский обман их партией реорганизационистов. Очень часто можно было слышать такие разговоры: «Ван Цзин-вей, Чжан Фа-гуй—все контрреволюционные сволочи, и они ничем не отличаются от Чан Кай-ши, Ли Цзи-шэня, Чень Цзи-тана и Сюй Цзин-тана». Посланные в Чиши для агитации два члена партии реорганизационистов, которые выступили с предложением о том, чтобы здешние революционеры уничтожили коммунистические воззвания и стали называть себя «армией защиты партии и спасения родины», встретили сопротивление широчайших масс и были немедленно расстреляны красноармейцами и красногвардейцами. Таково в общем положение за последнее время.

ства». У населения отбираются все продукты и продовольствие и вывозятся в другое место, так что красная армия и пришедшие с нею крестьяне оказываются в безвыходном положении. Неприятель проводит самый беспощадный, бешеный террор: сжигает, грабит, убивает, так что в конце концов напуганное население волей-неволей покоряется и пойдет в миньтуани. Коротко говоря, враг в настоящее время от сосредоточения крупных военных массов против партизанских налетов красной армии постепенно перешел к тактике широкого наступления, террора и организации миньтуаней, пытаясь уничтожить красные районы, уничтожить базу революции и красную армию.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

ПИСЬМО ИЗ ВОСТОЧНОГО ХУБЕЯ

Напав на советские районы, гоминдановцы насильно заставляют массы вступать в миньтуани и потом гонят эти миньтуани в те места, где миньтуани еще не были созданы, толкая массы на взаимный грабеж и резню и расширяя таким образом территорию белых районов за счет красных. Наряду с этим гоминдановцы проводят политику, которую в свое время реакционный генерал Хэ Цзянь называл «укреплением справедливости и ликвидацией варвар-

Несмотря на кулацкую линию и ошибки в некоторых местах, мешавшие углублению аграрной революции и послужившие причиной того, что во многих местах массы не видели практических выгод от революции, в общем массы, прошедшие тяжелую школу борьбы против налогов и арендной платы, испытывавшие жизнь при советской власти и переделавшие землю, уже знали, что такое революция. Торжество белых в той или иной местности влекло за собой полное восстановление тяжелых налогов и пошлин, возвращение старых долгов и арендной платы, запрещение свободы брака, возвращение земли и прочего имущества «их первоначальным собственникам» с обязательной уплатой компенсации; казни крестьян и бесчинства вернувшихся

«господ» сделались обычным явлением; население испытывает бесчисленные страдания. В Туншане крестьяне жгут курительные свечи «богу красной армии», умоляя его поскорее опять прислать красную армию и освободить их и избавить от бедствий. Однако гнет тухао настолько силен, что упадочнические настроения все еще сильны среди масс, которые предпочитают ждать, пока придет красная армия, боясь самостоятельно начинать борьбу.

В белых районах, даже в тех, в которых советской власти еще не было, массы так же сильно ненавидят господствующий классы, ненавидят миньтуани, отряды по «чистке деревень» и многочисленные разнообразные поборы и налоги. Массы хотят революции.

Положение масс в красных районах, находящихся в окружении врага, когда продовольствие и деньги большей частью вывезены неприятелем, чрезвычайно тяжело. Но в Янсинь, где при советской власти массы получили большие практические выгоды и где они к тому же имеют возможность ежедневно наблюдать ужасы белого режима и переносить гнет миньтуаней, борьба масс продолжается все время. Из массовых организаций наиболее крепкими и сильными являются красногвардейские отряды.

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ О Р Г А Н И З А Ц И И И БОРЬБА С НИМИ

СТАТЬЯ ИЗ „ХИНЕЗИШЕ АРБЕЙТЕР КОРРЕСПОНДЕНЦ“
ОТ 15. МАРТА 1932 г., № 145

В первый период существования советской власти вследствие того, что аграрный вопрос не был до конца разрешен, не были уничтожены остатки помещиков и не был ограничен кулак, эти элементы проникли в руководящие советские органы. По мере обострения классовой борьбы, по мере углубления аграрной революции и по мере усиления наступления врага эти элементы усиливали свою контрреволюционную активность и организовали тайные контрреволюционные союзы: союз «АБ» и другие контрреволюционные организации—реорганизационистов, социал-демократов, ликвидаторов, ченьдусюистов и троцкистов. Центральное место среди них занимает «АБ».

Название союза «АБ» представляет собой первые буквы его полного наименования «Антибольшевик». Существование этой организации в Цзянси имеет длинную историю. Союз «АБ» был создан еще во время Уханьского периода одним из право-гоминдановских лидеров Дуань Си-мином, и главная цель, которую он при этом преследовал, была борьба против коммунистов. В организацию входили главным образом помещики и кулаки. Высший орган союза—Главный комитет—находился в Нанкине. Чан Кай-ши использовал этот союз в своей борьбе против коммунизма, в своей борьбе против красной армии и советской власти. По своему характеру эта организация напоминает западноевропейских фашистов. Основная установка ее программы — борьба против коммунистов.

Рост организации «АБ» происходил за счет помещичье-кулацких и колеблющихся элементов. В своей агитации «абисты» говорили о бесперспективности революции, о том, что революция—в тупике, что нанкинское правительство стабилизировалось, что натиск белых армий сломит и уничтожит красную армию и советы, что коммунисты должны пересмотреть и изменить свои убеждения и т. п. Они развращали массы, говоря им, что белые армии не будут трогать и убивать население. На первых своих митингах и собраниях «абисты» не говорили, что эти собрания проводятся союзом «АБ» и только после нескольких раз объявляли собравшимся, что они, т. е. присутствующие на собрании, являются членами «АБ», что они не должны разглашать тайн союза, ибо за это им грозит смертная казнь. Для расширения своей организации абисты пользовались всякими легальными формами, скрываясь за легальными и зачастую весьма странно звучащими названиями, как например: «Союз гуляк», «Союз обжор» и т. п.

Тактика союза «АБ» в советских районах в основном заключалась в том, чтобы вызвать в массах недовольство по отношению к компартии и советской власти. Они тщательно следили за партией и использовали малейшую ошибку компартии для проведения своей вредительской работы.

Они пользовались всеми, даже самыми незначительными ошибками, чтобы раздуть недовольство в массах, но нужно сказать, что их попытки не всегда имели успех. Они старались развалить красную армию, распуская в красноармей-

Плакаты южных войск, изданные по литотделом 26-го корпуса

ских частях слухи, порочащие советскую власть и компартию, и наряду с этим, ведя активную вредительскую работу, подговаривали красноармейца бросать оружие и разбазаривать амуницию, класть недостаточно пороха в патроны, отлучаться из своих частей и т. д.

Планы «АБ», устраивавших неоднократные восстания в советских районах, пытавшихся вызвать поражение красной армии, покушавшихся на жизнь вождей нашей красной армии, также не имели успеха. Организация союза «АБ» раскрыта. Низовые организации ее еще не целиком ликвидированы и продолжают свою деятельность. Поэтому нужно признать, что вопрос о союзе «АБ» в советских районах имеет еще огромное значение. Наряду с ними действуют еще и другие организации — реорганизационистов, троцкистов, социал-демократов и пр. Борясь с союзом «АБ», партия не забывает и о других контрреволюционных организациях.

Что касается органов борьбы с контрреволюцией, то в Цзянси при всех уездных и волостных советских правительствах, а также и при центральном провинциальном правительстве созданы комитеты по борьбе с контрреволюцией. Соответствующие организации имеются и в красной армии и подведомственных ей учреждениях. В прошлом руководство этими организациями не было централизовано.

В настоящее время комитеты по борьбе с контрреволюцией реорганизованы. Создан специальный орган политической охраны (ГПУ), являющийся высшим органом по борьбе с контрреволюцией. Имеющиеся комитеты по борьбе с контрреволюцией постепенно реорганизуются в учреждения политической охраны (ГПУ), и вводится строгий порядок, согласно которому все учреждения должны отчитываться перед высшими инстанциями.

Основной нашей линией в работе по искоренению контрреволюции была решительная и непреклонная борьба с контрреволюцией. К обвиняемым существовал различный подход. К помещичье-кулацким и интеллигентским элементам, бывшим в союзе «АБ» на ответственной работе или игравшим крупную роль во вредительстве, подходили со всей строгостью. Что касается обманутых трудящихся масс, то по отношению к ним применялись разъяснительно-воспитательные меры. Над важными преступниками устраивался суд с привлечением широких масс; подсудимых заставляли рассказывать на этих массовых собраниях обо всей своей работе в союзе «АБ». Решения суда также опубликовывались на массовых собраниях. Сейчас подавляющему большинству трудящихся уже хорошо известно, что союз «АБ» является контрреволюционной организацией.

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ КИРГИЗОВ И КАЗАКОВ В 1916 Г.

А. ЗОРИН

Успехи социалистического строительства Киргизской и Казакской республик являются результатом завоеваний Октябрьской революции и упорной революционной борьбы российского пролетариата, результатом революционной борьбы трудящихся масс Киргизии с классовыми врагами — империалистами, манапами, баями под руководством и при поддержке российского пролетариата, возглавляемого коммунистической партией. Одним из ярких эпизодов революционной борьбы Киргизии является восстание 1916 г., которое подняло широкие массы дехкан и скотоводов против колониальной политики самодержавия, против системы угнетения и грабежа. Восстание кончилось поражением, но оно дало массам великий урок революционной борьбы и этим облегчило победу в Октябре.

Восстание 1916 г. в Средней Азии было проявлением революционного кризиса, который назревал в России: росло рабочее и крестьянское движение в метрополии, под влиянием рабочего движения росло и революционное национально-освободительное движение угнетенных народов. Господство российского, по преимуществу военно-феодалного, империализма мешало развитию материальных производительных сил Киргизии и Казакстана и обрекало на вымирание широкие массы киргизов.

В целях сохранения помещичьего землевладения в метрополии и создания опоры самодержавия в Киргизии и Казакстане царское правительство проводит заселение переселенцами-крестьянами и казаками таких районов, как Пишпекский, Каракольский, Нарынский и др. Заселение усиливается начиная с 1906 г. С 1907 г. по 1914 г. в Пржевальском (Каракольском) и Пишпекском уездах был создан 41 русский поселок с 53.576 хозяйствами.

Для переселенцев отбирались лучшие земли; русские чиновники и их агенты из местных управителей расхищали земли дехканина. Кулаки-переселенцы всячески притесняли киргизов и казаков.

Восстание 1916 г. показало, насколько сильно было возмущение политикой царизма и колонизаторской деятельностью русского переселенца-кулака. Даже царские чиновники понимали, где кроются причины восстания. Военный губернатор Семиреченской области в своем отчете о восстании 1916 г. писал: «Несомненно одной из главных причин этих беспорядков явилась широкая колонизация Семиречья русскими элементами, повлекшими за собой стеснение прежнего простора, а местами и потери туземцами прежнего обилия земли и воды. Особенно остро сказывалось недовольство киргизов новоселами там, где сами кочевники исподволь приобретали некоторые признаки оседлости, тем не менее самовольцы старались устроиться, привлекаемые качеством почвы и относительным обилием воды»¹.

Результаты быстро сказались. За 10-летие — 1903 — 1913 гг. — население сократилось на 7—9 проц. Даже граф Пален делает следующее замечание о политике по отношению к киргизам: «Несогласно действующим законам, несправедливо по существу и в применении к Семиреченской области — экономически вредно и политически небезопасно».

Разорялось скотоводческое хозяйство. В 1901 г. от джута пало по области 190 тыс. голов скота. В результате усиленного колонизаторского хозяйствования русского царизма происходило общее обнищание киргизского населения.

Положение батрака, дехканина-бедняка и середняка было крайне тяжелым. Они находились под двойным гнетом: с одной стороны, под ярмом русского капитала и кулачества, с другой стороны — под гнетом бая и манапа. Российский помещик, одетый в чиновничий и военный мундир, «адми-

¹ Цуардёл, 1916 г. Дело № 21. Канцелярия главного губернатора.

нистратор», в союзе со сворой манапов, баев, торговцев и других эксплуататоров, используя родовую борьбу, всячески притесняли киргиза и истощали хозяйство скотовода-дехканина различными поборами, грабежом, продажей должностей и т. д. Поборы взимались таким образом, что всей тяжестью падали на основные массы дехкан: они раскладывались по кибиткам. Привилегии колонизаторов и нарушение прав коренного населения ставили трудящиеся массы в положение бесправных и забытых рабов.

Это угнетение широких масс Киргизии еще усилилось с началом войны 1914 г. Установление низких цен на хлопок, падение курса денег и рост цен на жизненные припасы, мобилизация лошадей и реквизиция скота для нужд войны, сбор «пожертвований» на войну, явившихся дополнительными налогом на трудящиеся массы, начавшийся голод углубили кризис.

Объявление «призыва на тыловые работы» послужило тем поводом, который вызвал революционный взрыв.

Восстание 1916 года было ярким доказательством того, что в России назревал революционный кризис, что она была беременна революцией. Это восстание было историческим результатом революционной борьбы российского пролетариата, ведущего за собой многомиллионные массы крестьянства всех народов. Под влиянием революционного под'ема во всей стране, с одной стороны, под влиянием усилившегося колониального гнета и обострившихся социальных противоречий — с другой, рабочее батрачество, беднота, средняк-дехканин выступают против российского военно-феодалного империализма и его колониальной политики и против эксплуататорских слоев (байства, манапства) самой Киргизии. Восстание 1916 г. было национально-освободительной войной против царизма.

Великодержавные шовинисты оценивают восстание 1916 г. как бунт «несознательного» и «забитого» местного населения, никакой роли в подготовке революции 1917 г. якобы не сыгравший и никаких задач национального освобождения перед собой не ставивший, направленный только против своих «непосредственных» эксплуататоров из местного населения. Этим смазывается национально-освободительный характер движения и та огромная роль, какую играли бедняцкие и середняцкие массы дехкан и скотоводов в восстании 1916 г.

Националисты всех мастей и их подголоски, отрицающие, что пролетарская революция в Средней Азии разрешила попутно и задачи национального освобождения, противопоставляют Октябрьской революции восстание 1916 г. как национально-освободительную революцию, объединившую в борьбе против «русского» господства все классы коренных национальностей.

Только победа пролетариата вместе с беднейшим крестьянством в Октябре освободила дехканина от колониального и национального гнета и от гнета баев и манапов и открыла перед Киргизской и Казакской советскими социалистическими республиками широкий путь социалистического строительства.

Публикуемый нами в сокращенном виде документ представляет большой интерес. Он дает яркое изображение колониальной политики царизма в Киргизии: расхищение киргизских земель, грабеж и притеснение киргизов царскими чиновниками и кулаками-переселенцами, опора колонизаторов в их политике угнетения на местные выборные власти из манапов и баев.

В своей колонизаторской деятельности самодержавие и его агенты использовали родовую борьбу.

Первый из публикуемых нами документов представляет собой протокол допроса одного из участников восстания. Допрашиваемый, как это видно из его показаний, сам был одним из местных выборных из манапов и принимал участие в родовой борьбе.

Интересные данные приводит допрашиваемый о деятельности волостных управителей из местных баев и мананов: когда молодежь отказывалась идти по призыву на тыловые работы, управители просили уездного начальника дать войска для того, чтобы заставить молодежь (конечно не из мананских и байских семей, а из семей дехкан-бедняков) подчиниться приказу.

Несмотря на то, что допрашиваемый принадлежал к местным выборным из мананов, его показания представляют большой интерес для характеристики как колониальной политики царизма, так и для классовых отношений в Киргизии и Казакстане, для характеристики восстания 1916 г.² Второй документ — «докладная записка» офицера азиатской части генерального штаба — рисует положение мобилизованных на тыловые работы. Этот документ представляет значительный интерес для изучения некоторых сторон колониальной политики царизма в годы империалистической войны и политики временного правительства.

² Документ печатается нами с небольшими сокращениями. В частности выброшен перечень имен, который ничего не дает читателю.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА, произведенного РОТМИСТРОМ ЖЕЛЕЗНЯКОВЫМ

*1916 года, ноября 20 дня,
в гор. Верном.*

Я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Железняков, на основании правил о местностях, объявленных стоящими на военном положении, допрашивал нижепоименованного, который через переводчика Джайнакова показал:

«На предложенные мне вопросы отвечаю:

Я начал свою общественную деятельность с 25 лет, занимая разные выборные должности по народному управлению. Первое время моей службы по выборам отношение с русским населением было хорошее, ни ссор, ни других недоразумений не было.

В то время начальство в лице уездных начальников в выборы не вмешивалось, и выборы шли шарами. В Пишпекском уезде так шло, пока не ушел с должности уездного начальника Затинщиков, который соблюдал интересы киргизов, а со вступлением лет шесть тому назад на должность уездного начальника подполковника Пушинцева порядок выборов изменился, а именно: под давлением начальства начались выборы только богатых людей. Делалось это так. Богатые люди были близки к уездному начальнику Пушинцеву, участковому приставу Токмакского участка Ку-

тукову, а после него Байгулову, заведующему полицейской частью Меньшикову. И эти начальники в пользу богатых людей оказывали свое влияние на выборы. Так под давлением уездного начальника был выбран волостным управителем Толкановской волости Анжир Узбеков, а в Джанменсартовской волости Дардуил Абдулин. Эти лица восполняли свои расходы с населения. По всему видно, что они платили уездному начальнику. Так в этих волостях собирались деньги «чыгын» со специальным показанием, что это для уездного начальника. Под давлением уездного начальника Пушинцева и бывшего пристава Кутукова прошел в волостные управители Сусамырской волости Туркпен Сарпеков и в той волости собрали «чыгын» и для Пушинцева и для Кутукова. Я забыл сказать, что Дардуил Абдулин был взят после окончания времени своего управления переводчиком Пишпекского уездного управления.

В Атекинской волости под давлением Байгулова прошел Балимбер Баранбаев. Давление заключается в том, что во время аульных выборов, когда выбираются выборщики в волостные, выборные по приказанию руководителя выборами — уездного начальника или пристава, если видят, что больше народа на стороне противника их протезе, то при помощи джититов путают выборщиков и признают за большинство именно ту партию, которая стоит на стороне его протезе. Таким образом от этого именно «большинства» согласно степного положения выбираются все выборщики, независимо от того, сколько бы-

ло на противоположной стороне, по одному от 50 кибитковладельцев—все выбираются от большинства. Таким образом и на волостном сходе выборщики оказываются в большинстве от протезе уездного начальника или пристава. «Чыгын» для начальника собирается со всех кибитковладельцев. Дело в том, что деньги обыкновенно платятся начальству до выборов и после выборов собираются с кибитковладельцев. Выборы в волостные управители и на другие должности были в прошлом году. Осенью в прошлом же году объезжал загорные волости пристав Байгулов и заведующий Загорными волостями Меньшиков, а после их проезда собирали по Абаильдинской волости «чыгын» по 1 р. 50 к., в Кочкорской волости по 3 рубля, в Темирбулатовской по 1 р. 50 к., в Абаильдинской волости около 1.000 кибиток, в Кочкорской около 900, а в Темирбулатовской около 500. В январе месяце этого года вновь приезжал пристав Байгулов с Меньшиковым, а после их приезда собирали «чыгын»: в Абаильдинской волости по 1 р. 70 к. с кибитки, в Темирбулатовской по 1 р. 40 к., сколько в Кочкорской—не знаю. В других Загорных волостях собирали также, но сколько именно—я не знаю.

К этому добавляю, что другие законные сборы у нас собирались отдельно, и «чыгын», о котором я говорил выше, ничего общего с законными земскими, податными и сборами пожертвований не имеет. Пожертвования на дело войны собирались по приговорам. Жертвовали много. Так, в январский приезд пристав Байгулова было собрано пожертвований от 100 багачей, причем из них жертвовали по 30 рублей, по 15 рублей и по 10 рублей, именно такими цифрами. Эти деньги были переведены волостному управителю Карасаеву в присутствии стражника пристава Бабаева и другого стражника заведующего Меньшикова, но дошли ли эти деньги по назначению, мне неизвестно.

Пристав Байгулов с семьей, которая у него большая, и джигитами приезжают как бы в гости к богатому киргизу и что понравится, просят у киргиза подарить им. Они объезжали почти всех багачей-киргизов в сопровождении волостного управителя и брали лошадьми, коровами или главным образом деньгами. Был Байгулов с двумя сыновьями у моего сына Карыкпая, и у него взяли волчью шубу в 300 рублей деньгами. Если посмотреть у пристава Байгу-

лова, то эту шубу, я думаю, можно найти. Она волчья, крыта темносиним сукном; нашлись бы ковры и другие вещи. Эти поборы, это вмешательство в выборы и вообще несправедливость и были главными причинами (восстания.—А. З.) в Пишпекском и Пржевальском уездах. В Пржевальском поборы начались раньше, чем у нас, уже давно, и там они были в больших размерах. Особенно большие поборы были в Атбашинском участке при Чон-кол—«большой кулак» (переводчик заявил, что так именовали бывшего Атбашинского участкового начальника Лутина, который сейчас находится под следствием). Особенно сильно отбирал пржевальский уездный начальник, который служил последний год. Фамилии я его не знаю. Брали и его предшественники. Действовал уездный начальник через джигита уездного управления, которого он провел в волостные управители, фамилии я его не знаю. Все киргизы это знают, но заявлять боялись, а я решился вам все это сказать, надеясь на то, что моя семья и мои родственники не страдают от этого. Киргизы отлично знают, кто из начальников берет и кто не берет. Мне это отлично известно, так как моя волость расположена рядом с Пржевальскими волостями. Меньшиков, о котором я говорил раньше, жил в Загорных волостях в школе, а в прошлом году в Кочкорской волости у киргиза Сарбая Джамбаева. Меньшиков смотрел на свой участок как на свои владения и брал у киргизов все, что хотел, и разбогател и имел свой скот, табун лошадей, между тем которые были иноходцы и бегуны. Должно быть у него было и много денег. Меньшиков брал, не прикрываясь никакими долгами или другими способами, брал открыто. Жаловаться на побор киргизы боялись, так как из жалоб ничего не выходило, а оставаясь на месте, тот, на которого жаловались, мстит сколько угодно. Эта злоба к Меньшикову и привела к тому, что его убили в Каракечинской волости и убили киргизы именно той партии, которую он дожимал и преследовал в угоду другой. Если бы пристав Байгулов попался киргизам во время мятежа, то его безусловно убили бы первым.

Лет десять тому назад у нас было достаточно земли для нашего скотоводческого хозяйства, которое является главным источником нашей жизни. Однако вели земледельческое хозяйство на своих зимних стойбищах, заготавливая на зиму для себя

хлеб и клевер для скота. Наши зимние стойбища с зимовками и посевами находились в долинах, а летние пастбища были в горах «джайлау», где летом хорошая трава для скота. Здесь в горах были так называемые казенно-киргизские земли с лесом. Мы имели право на этих землях пасти скот, но лес принадлежал казне, а за топливо, которое мы брали в лесу, мы должны были платить деньги, раньше по 30 коп. с кибитки, а после до 90 коп., а теперь 3 рубля. Для охраны леса от вырубki были введены уже давно лесные объездчики. Эти объездчики злоупотребляли своим правом составлять протоколы. Объездчики-капралы, приезжая в аул, всегда имели возможность составить протокол о незаконном пользовании лесом и преследовать таким образом киргизов. Это право породило и особый способ борьбы с протоколами. Волости уславливались платить лесникам и объездчикам своего рода подарки. А именно, когда являлся в волость объездчик, ему собирали 100 — 200 рублей, и он, не объезжая аулов, уезжал обратно на кордон. В Абаильдинской волости совсем нет лесов и лес далеко, но все же объездчики приезжали и к нам, так как у нас есть мелкий кустарник. И во избежание протоколов за порубку лесов и мы собирали для них деньги, и они уезжали. В последние десять лет перешли в единственное пользование казны и те пастбища, которые у нас были в лесу и на лугах между лесами, их у нас отобрали, стеснив наше скотоводство в горах. Я слышал, что в тех волостях, где имеются леса, киргизы продолжают пасти в них скот, но за это принуждали платить лесникам взятки. Абаильдинская и Темирбулатовская волости ранним летом часть скота перегоняют с Каракола в Чуйскую долину через Шамшинский перевал, и этот путь частью приходится проходить лесами, которые расположены по сторонам дороги. За это опять приходится платить «капралам», и это идет в их пользу. С каждого хозяйства платили от 10 до 20 рублей, а таких хозяйств проходит много, так например в 1915 г. прошло до 1.000 хозяйств. Всего на Шамшинском перевале 2 «капрала», но они на свой счет содержат джигитов, обязанность которых — ловить хозяев проходящего скота и доставлять к леснику — «капралу».

Земли, как я говорил выше, было раньше достаточно, но лет 10 тому назад в наших местах появились переселенческие чиновники и начали на наших участках на-

резать земли для переселенцев. Под эти переселенческие участки отбирали наши лучшие земли. Все делалось для переселенцев, а нас игнорировали. Однако не только для переселенческих участков брали землю, но и для оброчных статей — запасные. Под переселенческие участки забирали зимние стойбища с зимовками, а нас передвигали на земли неорошенные и непригодные для хлебопашества и скотоводства. На остальных землях мы не имели возможности пасти наш скот и принуждены были для скотоводства и хлебопашества арендовать земли у переселенцев-казаков и у казны — оброчные статьи, платя большие деньги. Скотоводческое хозяйство все более и более падало, но о нас переселенческое управление не заботилось. Таким образом у нас отбирали долины для переселенцев-казаков и оброчных статей, а лес на горах — в лесное ведомство, оставив нам очень незначительное количество хорошей земли и бесплодные горы».

Продолжение показаний 21 ноября 1916 г.: «Этот земельный недостаток заставил киргизов арендовать земли у переселенцев-казаков и оброчные статьи у управления государственных имуществ. Нам предлагали перейти на оседлость, но это не устраивало киргизов, так как их главное занятие — скотоводство. Вначале против перехода на оседлость были богатые люди, которым переход невыгоден, а беднота рада была бы перейти. Таким образом вначале тормоз был со стороны богатей, без которых приговора волости получить нельзя. Однако были случаи, когда согласие извлялось. Здесь переселенческое управление поступало неправильно, а именно, заручившись таким приговором, оно на законном основании отбирало так называемые «излишки» киргизских земель, а фактически забирало лучшие земли, оставляя киргизам худшие и в разных местах, т. е. получалась чересполосица киргизских земель, а для русских выделяли целый участок в одном куске. В результате получалось, что киргиз-хозяин, перешедший на оседлость, имел свой надел в нескольких местах малыми кусками и вести правильное земледельческое хозяйство не мог. Испытав это, против перехода были не только богатые люди, но и беднота. Эта неправильность к туземцам была одной из причин злобы киргизов против русских. При самых переселенческих работах исполнители их — переселенческие работники и вообще служащие пере-

селенческого управления — позволяли себе неправильные действия, а именно, они брали взятки за то, чтобы у киргизов оставить больше земли. Эти взятки киргизы принуждены были платить для сохранения земли. Так например в Кочкорской волости, где волостным управителем сын Кирзабека Дикмобаева—Асылбек, переселенческим чиновникам не дали взятки, и там отобрана почти вся земля в оброчную статью, а эту самую землю кочкорские же киргизы и арендуют. На этих отобранных землях стояли зимовки киргизов, и теперь, взяв в аренду у Управления государственными имуществами эти земли, киргизы живут в своих прежних зимовках. В этих местах работали переселенческие чиновники Богупевич и Мазуренко, жившие первый в Кутмалдах, а второй—не знаю где. Мне известно, что один из указанных мною чиновников взял у киргиза Курманкоджинской волости Курман Лепесова 500 рублей, за что оставил ему его земли, взяв таковые в другой части Курманкоджинской волости. Шел разговор, что кто-то из них взял с киргиза Темирбулатовской волости Тктосуна Бектенова 500 рублей и за это также обошел его земли. В моей Абаильдинской волости в 1911 или 1912 г. также был переселенческий чиновник, пожилой, фамилии его не помню, приехавший из Верного; предлагал дать ему 600 рублей, а он так устроит, что земли не будут отобраны в нашей волости. Этих денег мы не дали, и в волости были отрезаны земли в пользу Темирбулатовской волости, с которыми у нас был спор насчет этой земли. После я узнал, что темирбулатовцы дали этому переселенческому чиновнику 500 рублей. Багущев и Мазуренко из'яли в Абаильдинской волости всю долину Караколка — около 4.000 десятин, где были сосредоточены наши пашни и клеверники. Было это в начале переселенческого дела, и мы еще не знали, что эти чиновники берут взятки. В настоящее время мы уже сами арендуем земли, из'ятые у нас в Каракольской долине. За один год мы платили за из'ятые земли эти 1.900 рублей. Эти земли сдаются в аренду с торгов, и нам волей-неволей приходится брать их по какой угодно цене, так как иначе нам деваться некуда. Наши же, Абаильдинской волости, киргизы принуждены арендовать земли и в Чуйской долине у крестьян-недоселов на урочище Беркулак, Шалшапай и Иссыгаты с платой одного рубля за десятину, причем плату крестьяне назна-

чают в зависимости от зимнего корма скота, а именно, когда киргизы особенно нуждаются, в корме запрашивают дорого, если же потребность меньше, то дешевле.

У нас в обычае, если приезжает кто-либо к киргизу из почетных лиц, к числу которых нужно отнести чиновников, то для них режется баран и оказывается гостеприимство, и это идет за счет хозяина, у которого остановился гость. При приездах к нам переселенческих чиновников такое же гостеприимство оказывалось и им. Но этим гостеприимством многие переселенческие чиновники начали злоупотреблять, а именно: они начали сами забирать баранов для себя. Обыкновенно во время работ для них выставлялась юрта, где они и жили. С ними приезжают их рассыльные—киргизы-джигиты,—которые, не стесняясь ничем, забирают у киргизов для своих господ баранов, которых и гонят к стану, не платя за этих баранов денег, так как киргизы не решаются требовать, а когда потребуют—дают не действительно стоимость, а несравненно дешевле, чтобы не могли сказать, что ничего не заплатили. Ездить жаловаться за барана никто не поедет, так как такая поездка сама дороже обойдется, да и ничего не выйдет, так как администрация при приездах сама делает то же. С рабочими, которые работают по переселенческим работам, обращались многие грубо, но сами редко били, но их джигиты бьют часто.

Лошадей для поездок брали в большинстве бесплатно, и очень редко кто платил прогонные деньги, а администрация—в лице уездного начальника, пристава и других — никогда прогонов не платила. Рабочим из киргизов платили очень мало и брали их по наряду. Все киргизы отлично знали, что переселенческие чиновники обманывали казну и киргизов, так как платили рабочим мало, а расписки брали на большую сумму, и поэтому к ним уважения киргизы не питали, зная их за нечестных людей. Конечно это делали не все, но многие, большинство.

Когда пришли первые русские в Семиреченскую область, я не помню, и отношения первых русских к киргизам мне не известны, но до начала переселенческого движения отношения русских к киргизам и обратно были хорошие, острых или массовых неудовольствий не было, были конечно отдельные случаи, которые никакой роли не играли. Но с появлением переселенцев лет 9—10 тому назад их отношения сразу

стали к киргизам враждебными. Киргизов называли они «собаками», и началось их соответственное обращение. Начались недоразумения с выпасом скота, а затем уже формальные набеги на киргизский скот. Часто крестьяне (казаки-переселенцы.— А. З.) толпой приезжали на соседние киргизские земли и, отобрав у наших пастухов скот, угоняли к себе в селение, а после требовали подкопытный сбор за потраву, которой в действительности не было. Делали и больше. Приезжали ночью к аулу и от самого аула угоняли скот, а потом требовали «подкопытный сбор». Этот сбор брался в размерах в среднем от 1 руб. до 1 р. 50 коп. за лошадь и рогатый скот, но случалось, что брали за лошадь вместо платы барана. Бывали случаи, что киргизы жаловались, но выкупать все же выкупали, так как пока дойдет жалоба, то скот от голода и жажды издохнет. Жалобы поступали к администрации, и она передавала к судьям, дело кончали миром. На почве захвата скота были случаи убийства крестьянами пастухов, которые пытались не дать скота. Так например убит был в Исситатинской волости 3 года тому назад киргиз Малани. Были убийства в Каракичунской, Джамансартовской волости и других волостях. Таких убийств было много. Несколько последних лет начал практиковаться способ взыскания с киргизов денег за пропавший у крестьян и казаков скот в административном порядке, т. е. по приказанию начальства. Мне известны факты, что крестьяне ложно показывали, что у них пропал скот, и администрация заставляла платить за скот, которого не существовало.

Такие случаи были часто в селении Стольпина, и киргизам Кочкорской, Боручинской, Джувацарыжской и др. волостей приходилось платить за этот скот. За этот пропавший якобы скот заставляли платить и мою Абайльдинскую волость, несмотря на то, что она отстояла за 60 верст, и я с трудом уговаривал заведующего полицейской частью Меньшикова не взыскать с нас, так как мы здесь не при чем. Кем введены были эти правила о взыскании с киргизов за пропавший скот, я не знаю. Все это отражалось и на отношении старожильцев-русских к киргизам, и отношение их испортилось. Таким образом между русскими, главным образом новосельцами, и киргизами установились враждебные отношения: со стороны русских явная, а со

стороны киргизов скрытая злоба против русских».

Продолжение показаний 23 ноября 1916 г.: «Продолжаю свое показание относительно пожертвования 100 богачами денег на нужды войны.

Это пожертвование было не добровольное, а по требованию пристава Байгулова, который в нашей волости заявил, что в других волостях богатые люди жертвовали по 60 рублей. Мы начали упрашивать, чтобы с нашей волости взяли поменьше, говоря, что деньги и разные вещи мы уже жертвовали несколько раз. При обращении администрации к киргизам о пожертвовании администрация указывала, что нас не берут на военную службу, что мы не оказываем помощи людям и что взамен этого мы должны жертвовать деньгами и вещами. Так, осенью прошлого года, зав. полицейской частью Загорных волостей Меньшиков собрал манапов—должностных лиц всех 9 загорных волостей — на урочище «Ак-Ушук» («Белая высота») и говорил нам, что мы освобождены от несения воинской повинности, а потому мы должны помогать русским деньгами и вещами. Мы охотно жертвовали от 1 р. до 25 руб. Я лично жертвовал 10 руб. Деньги там же сдали наличными Меньшикову. Меньшиков никому квитанции не выдал, а записал в своей записной книжке. Ученье, сколько именно тогда жертвовали, трудно. Народу съехалось много, и жертвовали денег больше чем 1.000 чел. Во всяком случае в среднем пожертвования были не менее 5 рублей с человека. Приговором на пожертвования в этот раз и в то время, когда собирали деньги со ста киргизов нашей волости, у пристава Байгулова не было. Когда объявили о призыве рабочих от туземцев, что поняли неправильно, а именно как введение воинской повинности, киргизы обсуждали, что при сборе пожертвований им раз'ясняли, что именно эти пожертвования даются ввиду того, что мы не отбываем воинской повинности. Сам я неграмотный, но слышал от киргизов, что было воззвание губернатора, в котором губернатор приглашал киргизов к пожертвованиям, указывая, что киргизы не несут воинской повинности. В прошлом году осенью из газет киргизы узнали, что предполагали брать солдат от киргизского населения. Этим вопросом киргизы живо заинтересовались и обсуждали его. Общее мнение киргизов было,—что они не подготовлены к несению такой службы, так как

Восставшие киргизы разрушают железную дорогу, чтобы помешать прибытию русских войск

не знали языка, не знали даже городской жизни, и что слух о призыве туземцев не более чем вымысел. От стариков я слышал, что при переходе в русское подданство одним из белых царей (акпадша) было обещано, что киргизы никогда не будут братья в солдаты, о чем знают все киргизы. Первые сведения о призыве рабочих в действующую армию были получены в разных волостях в виде призыва не рабочими, а солдатами. В июле месяце слухи эти встревожили киргизов, но сомневались, так как знали о существовании письменного обещания белого царя — не брать от киргизов солдат. После того, как распространились эти слухи, волостных управителей потребовал к себе через джигитов Пишпекский уездный начальник, куда они и поехали. По возвращении из Пишпека волостные управители объяснили, что призывают киргизов не солдатами, а для каких-то других надобностей в действующую армию, но конечно для солдатской службы. Это мнение киргизов усилилось и тем, что некоторые русские говорили киргизам: «Дошла очередь и до вас служить на военной службе». Почетных лиц и манапов Загорных волостей никто из администрации не вызвал и никто не разъяснил вопроса о призыве. Вызвали и беседовали уездный начальник, токмакский пристав и зав. полицейской частью только с волостными управителями. Волостным управителям не верили. Волостные управители от имени начальства требовали, чтобы в волостях были составлены приговора со списками

рабочих. Это распоряжение киргизы поняли, что местное начальство, начиная от губернатора и ниже, желая выслужиться перед высшим начальством, хочет отобрать у нас приговора о нашем желании нести военную службу. Это убеждение имело основание и потому, что киргизам было известно, что Пржевальский Уездный начальник в прошлом году потребовал составить приговора о том, чтоб несколько человек киргизов изъявили желание идти добровольцами в действующую армию. В действительности этих лиц по несколько человек от волости назначили. Я лично был в прошлом году в Токмаке, когда эти добровольцы отправлялись в Россию, и я разговаривал с ними. Они шли не по своей воле, а потому, что это потребовало начальство. Из этого факта я сам также заключил, что здесь с военной службой была проделка местных властей. При увеличении податей два года тому назад увеличили подати и никто не просил приговоров, а прямо приказали платить. Также, когда ввели два года тому назад военный налог с неотбывающих воинской повинности, который мы платим по 1 руб. 84 коп. с кибитки, никто приговоров не требовал, а просто приказали платить. Плата нами военного налога взамен отбывания воинской повинности в связи с требованием приговоров еще более укрепила в нас мнение, что призыв является добровольным, исходящим от местных властей, и мы вправе отказаться, и если от нас настойчиво требуют, то исключительно местное на-

Преследование киргизов карательным отрядом

чальство с целью выслуживания. В каждой волости почти ежедневно были сборища молодежи, подлежащих к призыву на военные работы, и на этих сборищах выяснилось, что молодежь не согласна идти, а решила бежать в пределы Китая. Были собрания (с'езды) при участии должностных лиц и манапов, причем несмотря на то, что манапы были уверены, что именно местное начальство указывает призыв по своему почину, все же они склонились, чтобы удовлетворить это требование, потому что боялись мести администрации в случае отказа. Но молодежь категорически отказалась дать свое согласие. Зав. полицейской частью Меньшиков вызвал к себе в конце июля на Джамгап в казенную школу должностных лиц для составления приговоров, но молодежь—часть пятидесятников—не отпускали, а у некоторых отбирали печати, говоря, что должностные лица хотят их сдать в солдаты. При сборищах молодежи я слышал, у них была «бата» в каждой волости отдельно, но общего собрания нескольких волостей не было и общей «баты» также не было. Несомненно, как мне известно, что в каждой волости отлично знали, что делается в соседних волостях. Я забыл сказать, что в наших волостях—русские писаря. Эти писаря также поддерживали слухи о том, что берут в солдаты. Не знаю, для чего они это делали, но ду-

маю, что просто смеялись над киргизами. Оружия никто не делал, и разговоров в Загорных волостях о восстании не было. Молодежь лишь стремилась убежать в Китай. Приговора составлены не были. В начале августа месяца к 5 числу и т. д. уездный начальник Рымшевич вызвал в Пишпек волостных управителей, и 6-го вечером с ними разговаривал, потребовав, чтобы через 2 дня ему были представлены приговора со списками рабочих. На 7 августа к уездному начальнику в Пишпек были вызваны почетные лица и должностные лица ото всех Загорных волостей и от Атекинской и Сарабагишевской волостей. Мы в числе около 300 чел. были во дворе уездного управителя, куда к нам вышел уездный начальник Путинцев, к которому мы обратились с заявлением, что молодежь не соглашается давать людей и идти. С уездным начальником говорили трое в присутствии остальных. Уездный начальник нам ответил, что он должность сдал, и нам нужно говорить с новым уездным начальником Рымшевичем, а он хочет обратиться к нам с просьбой, ввиду его ухода с должности, в честь его построить на Арасане (иссыгатинские минеральные воды) барак для больных, мы тут же согласились дать со всех здесь бывших волостей по 30 коп. с каждой кибитки. Во время разговоров с Путинцевым к нам вышел Рымшевич, к

которому мы обратились с тем же заявлением о нежелании молодежи подчиниться требованию о составлении списков и приговоров и просили его вызвать войска. Это заявление было сделано в присутствии Путинцева, добавляю, что о вызове войск просили и Путинцева. В начале августа, 1, 2 и 3 с просьбой о вызове войск мы обращались и к Меньшикову, который приезжал к нам по поводу набора лошадей. Меньшиков нам ответил, что он сам едет в Пишпек и доложит уездному начальнику. После этого он был в Пишпек и присутствовал 7 августа, когда мы были у уездного начальника. Рымшевич с нами не разговаривал, а просто повернулся и ушел, и из этого мы заключили, что нас вызвали не для того, чтобы решить наболевший вопрос о призыве рабочих, а для того, чтобы мы пожертвовали деньги на постройку на Арасане барака имени Путинцева.

ПРИМЕЧАНИЕ. Пишпекский уездный начальник подполковник Путинцев сдал должность своему помощнику, подполковнику Рымшевичу, подал прошение об отставке и был в это время в отпуску впредь до отставки Ротмистр Железняков.

Это и составляло тему наших разговоров, но вскоре мы раз'ехали; я переночевал в Каракичинской волости недалеко от города и на другой день поехал в Токмак, где в тот же день, 8 августа, узнал, что взбунтовались Атекинская и Сарабагишевская волости. Был ли в это время Хисамутдин Шабданов уже в своей волости, я не знаю, но знаю, что он остановился ночевать в Пишпек. Раз'ясняю, что о бунте Сарабагишевской и Атекинской волостей я узнал недалеко от Токмака от бежавших из Токмака киргизов и не решился туда ехать, так как узнал, что в Токмаке набирают лошадей у киргизов и что пристав уехал в Сарабагишевскую и Атекинскую волости. Переночевал я у киргиза около Токмака и на другое утро уехал через Шамшинское ущелье к себе в волость, ночевал я в ночь с 8 на 9 августа в пустой зимовке, а 9 на 10 августа в Кегетинском ущелье у бывшего волостного управителя Шамшинской волости, манана Мамбеталы Мураталинова, который мне говорил, что он полагает, что бунт, поднятый Сарабагишевской и Атекинской волостями, будет подавлен, так как туда выехали с войсками Рымшевич и Файгулов, но что молодежь Шамшинской волости начала убежать к са-

рабагишевцам и атекинцам и что он уговаривал молодежь, но ничего сделать не может. Десятого я выехал от Мамбеталы и в тот же день прибыл к себе в Абаильдинскую волость. От Шамданова еще до начала бунта шли сведения, что почетный киргиз манан Кадыр получил согласие китайских властей на принятии в случае побега киргизов в китайские пределы и что там отвели для них землю. До восстания никаких сведений, что китайцы, немцы или турки обещали в случае восстания помочь деньгами, оружием или людьми и руководителями, не было. Имелись лишь сведения, как я говорил выше, что обещали китайцы принять беглецов, и эти сведения исходили от Шабланова, сославшегося на Кыдыра. До восстания посторонних лиц, которые бы подбивали к восстанию в Загорных волостях, не было. Приехав в свою волость 10 августа, я узнал, что на Столышино напали киргизы соседних Пржевальских волостей, а именно Семисбилинской, Кизабековской, Ворокчинской и Джуванарыкской, и что большинство крестьян бежало, но куда сбежали, известно не было. 11 августа до нас дошли сведения, что в долине реки Джулпола, Джулполская, Каракичинская и Курманходжинская волости разгромили одно селение, которое было в долине Джумгела. В это время настроение в Абаильдинской волости было возбужденное, молодежь или хотела бежать в Китай или присоединиться к мятежникам, или пржевальским или джумгалским. Мананы были в нерешительности и растерялись, так как не знали, что делать. Одного объединяющего начальника не было и каждый вел свою волость на Столышино».

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: Письмоводитель (подпись неразборчива).

ДОКЛАДНАЯ записка*

23 марта сего года по поручению начальства Азиатской части Главного штаба я посетил рабочих-туземцев Туркестана, назначенных, в порядке реквизиции, на работы

* Докладная записка подпоручика Матвеева извлечена из дела № 55, л. 5-6 Азиатской части главного штаба Военного министерства в Военно-историческом архиве в Москве.

на ст. «Сортировочная» в ведение автомобильного отдела.

По случаю дня похорон жертв революции работ не было, и рабочие находились в отведенных для них жилищах, где я и имел возможность при помощи переводчика собрать некоторые сведения, касающиеся условий их жизни.

Всего рабочих, квартирующих на ст. «Сортировочная», 1.300 человек, из них около 900 человек сартов и около 400 человек туркмен.

Большинство рабочих размещено в земляных бараках и около 200 человек в вагонах-теплушках.

Земляные бараки, вообще мало приспособленные для жилья в них, особенно оказались непригодными для туземцев-южан.

Внутреннее помещение этих бараков разделяется довольно узким проходом на две половины. По обеим сторонам прохода устроены двухэтажные нары, причем верхний этаж, повидимому, служит местом для склада вещей. У самого потолка укреплены деревянные шесты, предназначенные, очевидно, для сушки одежды и обуви. Никаких распределительных перегородок на нарах не имеется, и люди помещаются на них, соприкасаясь друг с другом.

Сырость, испарения от сохнувшей одежды и обуви, обилие находящихся в бараке людей делают воздух невыносимым. Здесь же находятся и больные, многие из которых не имеют сил подняться. Нахождение в бараках этих больных объясняется, по словам одного из присутствующих административных лиц, недостатком свободных мест в больнице, а также большим числом больных.

Положение рабочих, помещенных в вагонах-теплушках с самого приезда их на работы и находящихся в них в течение пяти суровых зимних месяцев, находилось в еще более худших условиях.

Несмотря на их жалобы, администрация до последних дней не позаботилась о предоставлении рабочим более подходящих для жилья помещений. Между тем несомненно имела полную возможность при самых ограниченных затратах, при участии этих же рабочих и небольшом числе руководителей выстроить, подобные хотя бы существующим, бараки. К тому же освободились бы пустые для перевозки вагоны. В настоящее же время, подыскав в Петрограде помещение, администрация переселяет туда рабочих, т. е. в тот момент, когда наступила сравнительно теплая погода.

и весьма понятно, туземцы воспротивились этому распоряжению тем паче, что старики-туземцы вообще не желают, чтобы рабочих помещали в городе, имея в виду пагубное действие городской жизни на молодое поколение.

Трудно передать словами то невыносимое положение, создавшееся благодаря вышеуказанным мероприятиям администрации. Здоровые туземцы, плача, а больные со стоном, оставляли вагоны и располагались тут же на снегу. Прямо каким-то кошмаром кажутся высохшие желтые лица с воспаленными глазами, полными слез, с протянутыми руками с мольбой вернуть их на родину.

В таком печальном положении находятся условия жизни туземцев—в бараках и вагонах-теплушках. Огнюдь не лучше, судя по ответам туземцев, обстоит дело с пищей, одеждой и жалованием.

Пищу, по словам рабочих, они получают два раза: утром, перед началом работ, полагается чай с хлебом и вечером, после окончания,—ужин, состоящий из рисовой похлебки с конским мясом или, за неимением последнего, с жиром. Хлеб выдается черный, в размере одного фунта на человека в сутки, рису— $\frac{1}{8}$ фун., точного веса мяса рабочие установить не могут, указывая что в день с'едается одна лошадь. На всех выдается сахару около пуда в месяц. Иных продуктов, кроме указанных и еще соли, рабочие не получают. Изнуренный вид большинства рабочих вполне подтверждает недостаточность питания. Одежда, выданная по приезде туземцев, состояла из: 12—15 полушубков на сотню, 12—15 пар валеных сапог, 50 штук рукавиц, и всем было выдано по паре нижнего белья. Теперь, во время весенней распутицы, рабочие особенно нуждаются в обуви, недостаток которой ощущался и раньше. Жалование получается по непонятной для туземцев расценке: некоторые получают больше, некоторые меньше, причем цена колеблется от 1 до 70 рублей в месяц. Такое различие окладов объясняется вероятно тем, что больные совершенно не пользуются содержанием, а затем—вычетом из жалования стоимости отпущенной одежды и обуви. Жалование выдается по табели, но ввиду того, что большинство сотских неграмотно, проверка табели не производится, а просто подписывается ими. Поэтому, правильно ли выдается жалование или неправильно, рабочие не могут определить.

Рабочий день начинается с 7 часов утра и продолжается до 6 часов вечера, но ввиду того, что место работ находится в 1½ — 2 час. езды от барачных, рабочие принуждены подниматься в 5—6 часов утра. Работы заключаются в разгрузке и сортировке вагонов, распиловке дров, очистке путей и проч. Производятся работы ежедневно, так как праздничных дней нет. За все 5 месяцев рабочими праздновались лишь два дня: первый день Рождества Христова и день похорон жертв революции.

По средам и пятницам предоставляется баня, но пользоваться ей в той мере, как было бы желательно, не приходится, так как работы идут своим порядком, а баня топится от 9 час. утра до 9 час. вечера, следовательно в распоряжении рабочих остается 1—1½ часа в день. За все время, по словам рабочих, они мылись три раза.

В дополнение к вышеизложенному в порядке жалобы рабочими заявлена претензия на частые случаи применения унтер-офицерами по отношению к ним физического воздействия, о существовании взяточничества, о притеснении жалобщиков и

намеренное умаление авторитета выборного туземцами тысяцкого.

Затем рабочие обратились с просьбой передать их ходатайства через начальство: 1) перевод их в более подходящие климатические условия; 2) оставить выселяемых из вагонов рабочих на прежних местах квартирования и 3) невыданное администрацией содержание умерших и беглых выдать на вознаграждение за расходы по похоронам тем лицам, кои на это потратили свои собственные деньги.

Вот все сведения, добытые мной при посещении рабочих-туземцев, о чем и докладываю.

Впечатление от этого посещения прямо ужасное, кажется будто привезены были туземцы Туркестана не для работ, а для создания в них ненависти к русскому государству. Необходимы большие усилия для устранения той обиды, которую должны испытывать ни в чем неповинные туземцы, находящиеся в столь несправедливо жестких условиях.

Подпоручик *Матвеев*.

17 марта 1917 года.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. Серия 3-я, т. I. Соцэкгиз. М.—Л., 1931 г., 614 стр.

Р. КУГЕЛЬ

Империалистические войны направлены против трудящихся масс. Чтобы скрыть этот факт, буржуазные правительства, которые в «мирные» времена готовят кровавую войну, прибегают к таким средствам, которые в глазах масс делают войну «справедливой», «необходимой». Эти средства—целая система тонкого обмана масс относительно истинных причин войны. Капиталисты знают, что трудящиеся массы никогда не одобряют войну, когда она направлена на захват чужих территорий, на грабеж других народов. Именно поэтому они всячески скрывают от масс истинные корни и источники войны. Этой цели посвящены специальные работы буржуазных ученых, а также опубликованные многочисленные сборники дипломатических документов. Каждое империалистическое правительство изображает дело так, что оно никогда не имело намерения грабить чужие народы и что вся суть его внешней политики — охрана мира и труда своих граждан. Вместе с тем ответственность за возникновение войны перекладывается на противника, и этим буржуазия отводит от себя ярость масс и создает условия для подготовки новой войны.

Разоблачение классового характера буржуазной политики является одной из предпосылок завоевания масс на сторону пролетарской революции, борьбы за свержение господства буржуазии.

В борьбе рабочего класса за пролетарскую революцию разоблачение тайн буржуазной дипломатии занимает свое особое место. На это неоднократно указывал Ленин. «Как жаль,—писал он,—что народные массы не могут читать... книг по истории дипломатии» (т. XX (стр. 357)). Массы должны знать историю дипломатии, они должны быть в курсе того, как в кабинетах министерств заключаются грабительские договоры, как решаются судьбы на-

родов. Разумеется, та тайна в которой подготавливается империалистическая война, делает работу по разоблачению методов и целей империалистической войны очень трудной и сложной. «Господа дипломаты,—писал Ленин,—люди тонкие» (т. XX, стр. 254). Но одно обстоятельство эту работу в значительной степени облегчило: совершилась пролетарская революция в бывшей царской России. Пролетарская революция открыла секретные дипломатические архивы царского правительства, и таким образом многие тайны международной дипломатии стали достоянием широчайших масс трудящихся. Такие советские издания дипломатических документов, как «Материалы по истории франко-русских отношений», «Раздел азиатской Турции», «Царская Россия в мировой войне», «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны» и т. д., а также целый ряд публикаций в журнале «Красный архив» уже принесли большую пользу делу разоблачения империалистической политики и борьбы за свержение господства буржуазии. Можно со всей определенностью сказать, что благодаря советским изданиям дипломатических документов трудящиеся массы всего мира сейчас имеют ценное оружие для борьбы со стремлениями буржуазии скрыть истинные источники мировой империалистической войны 1914—1918 гг. и методами подготовки новой империалистической войны.

Теперь советское правительство приступило к систематическому изданию дипломатических документов «Международные отношения в эпоху империализма». Политический характер этого издания, как и предыдущих советских изданий дипломатических документов, нашел свое выражение в словах большевистского историка М. Н. Покровского в его предисловии к рецензируемому тому: «Для борьбы с империализмом,—пишет он,—необходимо знать доподлинно и во всей точности, как он действует, каковы его приемы и методы».

Буржуазные публикации дипломатических документов (немецкая «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette», французская «Documents diplomatiques français» и английская «British documents on the origin of the War», преследуя апологетические

цели и пытаясь скрыть материалы, освещающие подготовку империалистской войны, являются изданиями сугубо тенденциозными, прикрывающими грабительский характер политики империалистских правительств. Этим фальсифицированным изданиям буржуазных правительств противостоит советская публикация, которая ставит своей задачей показать правду об империализме; тем самым она борется с буржуазными попытками исказить историческую действительность. Именно поэтому можно с полным правом сказать, что только советское издание дипломатических документов является первым действительно научным изданием дипломатических документов, вскрывающим исторические корни мировой империалистской войны 1914—1918 гг., которая рассматривается как закономерный продукт всей эпохи империализма. Документы покажут нам историю международных отношений в эпоху империализма, они ознакомят нас с действиями, методами и приемами империализма, этого гнивающего капитализма. Именно поэтому советские издания дипломатических документов имеют всемирно-историческое значение. Именно поэтому они должны стать повседневным оружием секций Коминтерна в их борьбе за пролетарскую революцию.

Советская публикация секретных дипломатических документов царского и временного правительств ставит своей задачей осветить историю международных отношений в эпоху империализма, начиная с 1878 года и кончая 1917 годом. Эта публикация предпринята комиссией по изданию документов эпохи империализма при ЦИК СССР под председательством М. Н. Покровского. Она будет состоять из трех серий: первая серия охватывает период 1878—1903 гг., вторая серия—1904—1913 гг., третья—1914—1917 гг.

Разумеется, что наиболее актуальные проблемы связаны с кануном мировой империалистской войны. Поэтому, согласно решению Комиссии, опубликование документов начинается с третьей серии. На книжном рынке уже появились первый и четвертый тома этой серии. В печати находятся тома второй, третий и пятый. Советская публикация одновременно выходит на немецком языке в издании, предпринятом Германским обществом по изучению Восточной Европы.

Рецензируемый нами первый том дипломатических документов (четвертому тому будет посвящена специальная статья в одном из ближайших номеров нашего журнала) освещает два месяца (от 14 января по 13 марта 1914 г. нов. ст.) внешней политики эпохи империализма,—время напряженной подготовки мировой империалистической войны. Все те противоречия, которые поставили на очередь дня мировую войну, находят свое отражение в дипломатических документах этих двух первых месяцев 1914 г.

Накануне войны 1914—1918 гг. мир был разделен на два империалистских лагеря: Тройственный союз и Тройственное соглашение. Борьба между этими двумя лагерями с каждым месяцем обострялась. Что война неизбежна, это знали правительства всех империалистических держав. Задача каждого из них заключалась в том, чтобы эту войну начать в выгодный для него момент, когда все материальные и идеологические предпосылки будут налицо. Уступки, которые тем или иным империалистическим правительствам делаются своему противнику, свидетельствуют лишь о том, что еще не наступило время для развязывания военного столкновения.

Борьба двух лагерей империализма происходила во всех уголках мира. В каждом мелком конфликте заключался зародыш назревающей решительной империалистской схватки не на жизнь, а на смерть.

К началу 1914 г. противоречия были особенно остры на Балканах и в Турции. Германский империализм в борьбе за свою мировую гегемонию пытался укрепить свои позиции в Турции и вместе с тем прорваться к колониям Антанты, в первую очередь к колониям Англии, которая это прекрасно знала и понимала. Укрепление германского империализма в Турции вызвало противодействие не только английского империализма, но и царской России, в частности по вопросу о миссии германского генерала фон-Сандерса в турецкой армии. Германия, еще не решавшаяся в эти месяцы начать войну, уступает со скрежетом зубным и с затаенным желанием ринуться в бой в благоприятную для нее минуту.

Противоречие двух лагерей—Антанты и Тройственного союза—находит свое выражение в отношении к Сербии. Для Австро-Венгрии отношение к Сербии было вопросом жизни и смерти. Заветным желанием

австрийской монархии было смести с лица земли Сербию, которая возбуждала и поддерживала борьбу южных славян, населяющих Австро-Венгрию. Если бы это зависело только от Австрии, то судьба Сербии была бы давно решена. Но Сербия являлась заслоном Антанты против австро-германского влияния на Балканах и прежде всего являлась вассалом России, которая решительно выступала против австрийских планов в отношении Сербии. Не имея возможности полностью осуществить свои планы в отношении Сербии, австрийская монархия всячески старалась Сербию ослабить. Сербия, как известно, стремилась стать твердой ногой на Адриатическом море, что в значительной мере освободило бы ее от австрийской зависимости. Но это противоречило расчетам Австрии, которая боялась усиления Сербии. Именно поэтому австро-венгерский посол в Петербурге граф Сапари в беседе с Сазоновым заявил: «Адриатическое море для Австро-Венгрии то же, что Черное море для России (см. рецензируемый нами том, документ № 380). Для того, чтобы стеснить Сербию и лишить ее возможности стать твердой ногой на Адриатическом море, усилиями главным образом Тройственного союза было создано Албанское княжество, во главе которого посадили германского принца Вида.

Такую же борьбу двух лагерей за влияние мы замечаем в эти месяцы в Румынии и Болгарии. Борьба за балканские государства была борьбой за укрепление позиций того или иного лагеря империализма в таком важном пункте, как Балканы. После Балканской войны противоречия между Болгарией и Сербией, Болгарией и Румынией обострились. Антанта в борьбе за свою гегемонию на Балканах стремится снова примирить балканские государства, направив их против австро-германского союза, при этом руководящую роль пытается играть царская Россия. Опираясь на определенные политические группировки Болгарии и Румынии, Антанта,—и прежде всего Россия,—пытается вовлечь эти страны в сферу своего влияния. Разумеется, без финансового нажима дело не обходилось. Оба лагеря стремятся использовать такое острое орудие, как займы. Оба лагеря стараются в предоставлении займа предупредить друг друга. Но противоречия балканских государств были довольно значительны. Болгария явно склонялась на сторону Австрии. Она мечтала о реванше.

«Здесь,—пишет 18/5 января русский поверенный в делах в Софии Саблер русскому министру иностранных дел Сазонову,—ни на минуту не расставались с мыслью если не о пересмотре Бухарестского договора, то по крайней мере об отнятии у греков некоторых вождеденных пунктов, как например Кавалы, Сереси и Драмы. Так как достижение этой цели возможно лишь при содействии Турции, то болгарское правительство со времени заключения мира с Портою постоянно прилагает все усилия к тому, чтобы войти с Оттоманской империей в соглашение» (№ 44). Опасность войны Болгарии—Турции против Греции усиливается. «В случае попыток Болгарии или Турции нарушить Бухарестский договор, они несомненно встретили бы согласованный отпор всех прочих балканских государств»—телеграфирует Сазонов 11 февраля русскому посланнику в Софии Савинскому (№ 227). Если Тройственный союз работает над сближением Болгарии и Турции, то Антанта стремится сблизить Румынию с Сербией и Грецией. 4 февраля 1914 г. Сазонов говорит Бьюкенену, английскому послу в царской России, что «Греция и Сербия заключили союз для поддержания status quo на Балканах и вошли также в соглашение с Румынией, по которому последняя выступит, если Болгария попытается нарушить бухарестский договор» (№ 171). Но в Австрии растет тревожное настроение. Там начинают нервничать «от страха перед возможностью возобновления, под эгидою России, балканского союза» (№ 244), как сообщает Сазонову русский поверенный в делах в Вене, Кудышев.

Таким образом Бухарестский мир, заключенный в результате балканских войн, не только не разрешил противоречий между балканскими государствами, но еще более обострил эти противоречия. И на этих противоречиях играли крупнейшие империалистические державы, преследуя свои собственные цели. Большое число документов рецензируемого тома прекрасно освещает углубление этих противоречий.

Особый интерес представляют документы, отражающие борьбу двух лагерей империализма в отношении к Турции. Как для Тройственного союза, так и для Тройственного согласия Турция была не больше, как объектом их империалистической политики. Германия в своей борьбе против Антанты стремилась превратить Турцию в свой опорный пункт. Поэтому она меж-

ду прочим помогала Турции в организации и укреплении ее армии. Турция после революции 1908 г. всячески стремилась поднять свою боеспособность—прежде всего против наседающей с севера царской России. Одним из средств усиления этой боеспособности явилось увеличение флота. Она договаривается с рядом государств о покупке нескольких крупных военно-морских единиц. Для империалистической России создавалась угроза, что Турция, приобретя новые корабли, станет сильнее ее в Черном море. Царское правительство сильно забеспокоилось. С одной стороны, оно пытается использовать все возможности, чтобы не допустить продажи Турции военно-морских кораблей, с другой стороны, оно стремится использовать в своих интересах нужду Турции в займах. Турция этот заем может получить во Франции. Но Россия заявляет в Париже о своем соглашении на предоставление Турции французского займа только на том условии, чтобы «продукт займа был употреблен Турцией на мирные дела, а не на морские или сухопутные вооружения против Греции» (№ 133). С другой стороны, осуществление этого турецкого займа на французской бирже являлось непременным условием франко-турецкого соглашения по ряду экономических вопросов, и в частности по вопросу о железнодорожном строительстве в Малой Азии. И только тогда, когда французский империализм убеждается в том, что «в Константинополе ныне понимают, что Турция должна вступить на путь мирной и культурной работы» (№ 427), что Турция пока отказывается от борьбы со своими врагами, вопрос о займе становится близок к разрешению.

Такой же характер имеет вопрос об Эгейских островах, который занимал большое место в эти два месяца и нашел свое отражение в этом томе. Как можно большее ослабление Турции и лучшая организация и укрепление ее врагов—вот что характеризует позицию Антанты в вопросе об островах. Борьба вокруг вопроса об этих островах осложняется противоречивыми интересами империалистических государств и особенно позицией России, которая в связи со своим стремлением захватить проливы очень интересовалась островами, в частности островом Лемнос, имеющим большое военно-стратегическое значение.

Документы рецензируемого тома отражают не только борьбу двух лагерей импе-

риализма, но и борьбу, конечно менее острую, империалистических интересов в каждом лагере империализма, в частности противоречия между Австрией и Германией. «В Берлине,—сообщает например 21 января русский посланник в Сербии, Гартвиг,—крайне недовольны тем, что Австрия по делу об интернационализации Восточной железной дороги нашла возможным войти в соглашение с Францией без предварительного обмена взглядов с Германией» (№ 68).

Наиболее слабым звеном в Тройственном союзе была Италия. Противоречия между Италией и Австрией все более обострялись, и это привело, как известно, к выходу Италии в начале войны из лагеря Тройственного союза и переходу ее в мае 1915 г. в лагерь Антанты. Вот например, что говорил русскому послу в Риме Крупенскому де-Мортино, генеральный секретарь итальянского министерства иностранных дел: «Итальянские интересы в вопросе о Восточной железной дороге находятся в противоречии с интересами австрийскими. В интересах Италии—постройка железной дороги, соединяющей Дунай с Адриатическим морем, осуществлению которой Австрия всегда противилась. В интересах же Австрии—окончание железнодорожного пути с севера на юг, к Салоникам, что укрепило бы ее господствующее влияние в Сербии» (стр. 274).

Три члена Антанты—Россия, Англия и Франция—имели общие интересы только в одном: в стремлении сокрушить все более растущий германский империализм, этого опаснейшего их соперника в деле эксплуатации мира. Во всем остальном они по существу расходились. Россия была с Францией в союзе. Но это разумеется не снимало противоречий между двумя этими империалистическими государствами. Эти противоречия сказались и в эти первые два месяца 1914 г., т. е. почти накануне мировой войны. Вот например такой факт. Россия ведет переговоры с Японией, с САСШ, Германией и Англией по вопросу о подчинении их подданных обязательным постановлениям об уплате городских сборов в полосе КВЖД. Эти переговоры ведутся помимо Франции. Франция опрашивается последней. В принципе Франция против этого постановления возражений не выдвигает, но недоверие к России, ее союзнице, настолько велико, что «французское министерство иностранных дел озабочилось собиранием сведений о наших переговорах

с другими державами и получило таковые от великобританского правительства» (№ 65)—сообщает Извольский Сазонову. Англия, как известно, не была еще союзницей Франции, а России была. Но для того, чтобы узнать отношение России к Франции, последней нужно было обратиться к Великобритании. Это ли не яркий пример того, насколько сильны противоречия империалистических государств даже тогда, когда они вступают между собой в союз?! Но, разумеется, Россия получает поддержку Франции в том случае, если это не противоречит собственным интересам последней. И Россия этой поддержке настойчиво требует как в своей политике в Турции, так и в других местах своей империалистической экспансии.

Особенно ярко в свете опубликованных документов вскрываются противоречия между Россией и Англией. Как известно, Англия заключила с Россией в 1907 г. соглашение по вопросу о разделе сфер влияния в Азии,—соглашение, которое послужило основой сближения России с Англией. Но это абсолютно не означало, что вековые противоречия между двумя империалистическими соперниками были сняты и что борьба между ними кончилась. Большой остроты эти противоречия достигли к началу 1914 г. в Персии. Россия ставит своей задачей крепко осесть в Персии. Именно для этого ее агенты всячески стремятся расширить русское землевладение. «Покровительство и дальнейшее расширение русского землевладения в Персии является одной из самых главных задач наших здесь как по соображениям политическим, так и экономическим»—пишет Сазонову 23 января русский поверенный в делах в Тегеране Саблин (№ 90). Но империалистская экспансия царской России в Персии, разумеется, встретила сопротивление Англии, особенно в связи с предпринимаемым строительством Трансперсидской железной дороги. Указывая в самом конце января 1914 г., что «все предприятие Трансперсидской железной дороги может расстроиться», Сазонов следующим образом характеризует политическое значение вопроса с точки зрения общности англо-русских интересов в борьбе против Германии: «Я высказал при этом мнение, что это обстоятельство произвело бы несомненно очень тяжелое впечатление, так как оно свидетельствовало, к вящему ликования наших недоброжелателей, о шаткости устоев,

на которых покоится англо-русское соглашение в Персии» (№ 152). Противоречия между Англией и Россией настолько обострились, что был поставлен общий вопрос о пересмотре соглашения 1907 года! К тому же в Англии конечно знали, что в России определенная часть господствующего класса готова порвать с Англией и сблизиться с Германией.

Противоречия в лагере Антанты можно отметить по целому ряду вопросов международной политики. Только боязнь распада Антанты и усиления таким образом Тройственного союза эти противоречия в известной мере ослабляла.

Характер русского империализма, методы его экспансии, размах его деятельности особенно ярко рисуются в документах этого тома. С ростом русского капитализма и с переходом его в высшую стадию—монополистический капитализм—усиливается капиталистический империализм, хотя военно-феодалный по существу еще преобладает. Упорная борьба за место русского финансового капитала в других странах, банковские операции в Персии, Турции, Монголии и т. д., борьба за проливы, за сферы влияния в Китае и пр.,—все это показывает активность русского империализма, его борьбу за свои самостоятельные империалистические задачи. Вместе с тем вскрываются трудности в осуществлении этих задач, возникающих в связи с наличием глубочайших противоречий с другими империалистическими державами.

Особенно остро в момент непосредственной подготовки мировой войны ставится царизмом вопрос о захвате проливов. Этому вопросу посвящается специальное совещание 21 февраля 1914 г., в котором приняли участие руководители дипломатического, морского и военного ведомств царской России. В своем вступительном слове Сазонов указал, что хотя «в настоящую минуту наступление значительных политических осложнений представляется маловероятным», никто однако не может «поручиться за сохранение, даже в недалеком будущем, существующего положения вещей на Ближнем Востоке». Сазонов предупреждает, что осложнения неизбежны, и призывает всех готовиться к ним. Он резко ставит вопрос о необходимости захвата Дарданелл. На этом совещании подчеркивалась та мысль, что «нельзя представить, чтобы наши действия против проливов происходили без общеевропей-

ской войны». Но это конечно царских политиков и дипломатов не смущало. Задача, к которой стремилась царская внешняя политика, заключалась в том, чтобы так обеспечить за собой проливы, чтобы они не попали в чужие руки. Царские дипломаты и генералы знали, что против стремления России захватить проливы настроены не только Германия и Австрия, но и Англия и Франция. «На пути к проливам мы имеем серьезных противников в лице не только Германии и Австрии» (№ 295) — говорил на этом совещании представитель морского генерального штаба. Как видим, царские политики отдавали себе ясный отчет в этом вопросе, и война 1914—1918 гг. действительно показала, что никто не хотел дать проливы России. И поэтому на этом совещании конкретно обсуждалась та сумма мероприятий, которые в конце концов обеспечили бы за Россией проливы. На этом-то совещании и было уделено особое внимание предстоящему усилению турецкого флота, о чем мы писали выше. «Предстоящее усиление турецкого флота имеет весьма неблагоприятные для нас последствия, в частности с точки зрения обсуждения операций занятия проливов» — говорил исполняющий должность начальника морского генерального штаба Нешюков (№ 295). Разумеется, это еще больше подстегивало царскую Россию на выступления. Это совещание показывает, с каким упрямством царское правительство рвалось к проливам, развязывая своими действиями силы, неизбежно ведущие к мировой войне.

Как известно, русская буржуазия поддерживала царскую внешнюю политику именно потому, что царизм неплохо боролся за интересы русского финансового капитала. Тов. Ленин писал, что в вопросах внешней политики русская буржуазная партия — кадеты — была правительственной партией. Русский финансовый капитал упорно проникал в Турцию, в Персию и т. д. Аппетиты его росли, и он ставил перед собой задачу самостоятельной эксплуатации этих стран. Об этом свидетельствует например освещаемый в рецензируемом томе вопрос о Салоникском банке. Русский финансовый капитал пытается укрепить свои позиции на Балканском полуострове. В этом отношении характерна попытка приобретения Русско-азиатским банком в собственность не только отделений Салоникского банка на Балканском полуострове, но и центральных учрежде-

ний этого банка в Константинополе с отделениями, открываемыми в Самсуне и намеченными к открытию в Трапезунде и Эрзеруме. «Нам необходимо, — писал из Константинополя Гилькович 7 февраля, — иметь здесь самостоятельное русское учреждение, которое путем выполнения финансовых и экономических операций могло бы служить политическим нашим целям и создавать почву к упрочению нашего влияния в сопредельных с нами областях Малой Азии» (№ 199).

Однако для осуществления этого широкого проекта русский империализм еще не обладал достаточными возможностями. «Мы не богаты еще капиталами» — констатирует Гилькович. Волей-неволей пришлось прибегнуть к сотрудничеству с англо-французским капиталом. Но — это необходимо отметить — общая линия борьбы за свою самостоятельную линию была намечена: пока сотрудничать с англо-французским капиталом, использовать это сотрудничество «как первый шаг в желательном для нас направлении» (там же). В перспективе же считается возможным, что придется «убедиться в невыгодности для российских интересов предположенного сотрудничества русско-французско-английских капиталов, и мы к тому времени могли бы быть в состоянии создать для Турции чисто русское финансовое учреждение» (там же).

Центр внимания внешней политики царизма, как мы видим, был в эти месяцы на Балканах и в Персии. Но это не значит, что царская экспансия ограничивалась этими областями. Царское правительство продолжало и линию на укрепление своих позиций на Дальнем Востоке. Об этом свидетельствует в частности особый журнал совета министров от 25 декабря 1913 г. и 26 февраля 1914 г. На совете министров обсуждался вопрос об укреплении КВЖД. Дальний Восток не переставал быть местом крупных международно-политических осложнений. «Минувшей весной (т. е. в 1913 г.), — читаем мы в этом протоколе, — события на Дальнем Востоке неожиданно приняли весьма угрожающее для нас направление, причем мы оказались вынужденными срочно снарядить и командировать в Северную Манчжурию и Монголию значительные воинские отряды из всех родов оружия» (№ 441). Царское правительство не считало свои позиции на Дальнем Востоке достаточно обеспеченными как от Японии, так и от Китая. Именно поэтому

на заседании этом решают укрепить КВЖД, имевшую для царизма чрезвычайно серьезное значение «в качестве стратегической линии» (№ 330).

Царское правительство вело свою самостоятельную линию в области внешней политики. Оно пользовалось противоречиями между различными державами для того, чтобы сохранить, укрепить и расширить свои позиции крупной империалистской державы. Этим в значительной степени объясняется ее отношение к двум лагерям империализма. В этой связи интересно привести одно место из письма Бенкендорфа Сазонову от 25 февраля 1914 г. В это время, как мы уже указали, выявилась определенная напряженность англо-русских отношений. Сазонов и Бенкендорф обменялись по этому вопросу письмами.

В своем ответе Бенкендорф пишет: «Вы сравниваете Антанту с Тройственным союзом. Но разве нет существенного различия в том, что в то время, как Тройственное согласие состоит из трех равноправных держав, Тройственный союз состоит из хозяина и двух подручных, которым хозяин, смотря по обстоятельствам, то предоставляет свободу действий, то удерживает до тех пор, пока он сам не прикажет. Мы никогда не сможем участвовать в подобного рода группировке, и это между прочим одна из причин, почему мы вошли в другую, несмотря на то, что связь на самом деле может быть менее крепка и может исчезнуть, и если только упустить из виду характер самой группы и постоянные компромиссы, по необходимости из нее вытекающие» (№ 329). Разумеется, взаимоотношения в каждом лагере империализма были значительно сложнее, чем это рисует Бенкендорф.

Очень ярко в документах этого тома рисуются методы империализма вообще, русского — в частности. Поучительна в этом отношении политика царской России в Монголии. Так например представителя Монголии Сайа-Ноину прямо-таки террором заставляют подписать контракт по существу о полном и безраздельном контроле России над Монголией. Сам Сазонов должен был признать, что для того, чтобы заставить монгольского представителя подписать контракт, «понадобилось более сильное давление» (№ 142). Мы уже выше указали на заем как на один из методов империалистической политики. Но помимо этого империализм прибегает к другим

средствам. Это например прямая угроза войной державе, не желающей подчиниться воле империалистического государства, или, как сообщает русский посол в Париже Извольский, «предположенная вами (т. е. Сазоновым. — Р. К.) мера — занятие нами Трапезунда или Баязета, а французами и англичанами — Смирны и Бейрута» (№ 13) как метод давления на Турцию. Или вот зрелище для богов! Россия в роли «освободительницы» угнетенных национальностей Австрии... Чем не ярчайшая карикатура! Но царская Россия пыталась выступить и в этой роли, хотя и понимала, как трудно ей ее разыграть. И прожженный дипломат Сазонов в своей докладной записке Николаю II говорит о «желательности установить единую последовательную политику в области национальных вопросов у себя дома и за рубежом, без чего затруднено было успешное проведение задач» (№ 52).

Империализм угнетает малые национальности, а не освобождает их. Вот что например сообщает Сазонову Демидов, русский посланник в Греции: «Греческий министр финансов горько мне жаловался на тяжелые ростовщические условия займа, которые Греция была поставлена в необходимость принять» (№ 237). Также интересно отметить отношение царской России к Черногории. На совещании 3 февраля 1914 г. обсуждался вопрос о возобновлении военного соглашения между Россией и Черногорией по снабжению Черногории военным снаряжением.

Предоставляя Черногории средства на организацию армии, царское правительство, разумеется, стремилось подчинить Черногорию и ее армию своим собственным интересам на Балканах. Вместе с тем царское правительство поддерживало проект о слиянии Сербии с Черногорией, что конечно должно было усилить позицию Сербии против Австрии. Но так как черногорская королевская династия этим планам сопротивлялась, ибо имела свои собственные интересы, которые стремились защищать путем организации сильной армии, то петербургское совещание пришло к заключению, что «сила черногорской армии должна быть такова, чтобы армия, эта, будучи в состоянии оказать существенную пользу Сербии в нужную минуту, сама по себе была бессильна для предпринятия каких-либо самостоятельных выступлений» (№ 165).

Первому тому советской публикации предпослано блестящее предисловие т. Покровского, в котором дается анализ документов. Затем идет статья составителей «Методы и приемы публикаций», в которой даются указания, необходимые для работы над документами. Значительная часть документов сопровождается необходимыми примечаниями, облегчающими эту работу и дополняющими публикуемые материалы. В конце тома приложены имен-ной, тематический и корреспондентский указатели. Это, разумеется, значительно облегчает пользование документами для научной и преподавательской работы.

Наконец следует отметить, что по-скольку большинство напечатанных в этом томе документов публикуется впер-

вые, ранее опубликованные документы этого тома выступают в новом свете и в непосредственной связи с общей картиной обострения международно-политических противоречий и подготовки мировой империалистической войны.

Необходимо выразить пожелание, чтобы систематическое издание документов шло большевистскими темпами. Это издание несомненно положит основу для большой научной работы по истории международных отношений в эпоху империализма. Нужно добиться того, чтобы советское издание дипломатических документов стало достоянием трудящихся масс всего мира, борющихся против империалистических войн, за свержение господства капита-

К ЧИТАТЕЛЯМ НАШЕГО ЖУРНАЛА

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Вот уже второй год, как существует ежемесячный массовый исторический журнал «Борьба классов».

Редакция и сотрудники журнала в своей работе стремятся полностью проводить в жизнь указания т. Сталина по вопросам исторической науки, по вопросам истории большевизма в особенности, сформулированные им в письме в журнал «Пролетарская революция». Наш журнал как единственный в СССР массовый исторический журнал за последнее время значительно вырос в отношении тематики статей и улучшился в отношении темпов своего выхода, удвоился тираж журнала.

Редакция считает, что партийный актив по своим запросам настолько вырос, что журнал, ставящий своей целью пропаганду исторических знаний, должен выполнять эту задачу, РАЗРАБАТЫВАЯ целый ряд проблем, т. е. быть НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫМ журналом.

За весь прошедший период работы журнал выдвигал на первый план (эти же задачи стоят и впредь) марксистско-ленинское изучение истории ВКП(б) и Коминтерна, ИЗУЧЕНИЕ ВСЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА МИРОВОЙ БОРЬБЫ РАБОЧЕГО КЛАССА ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ, ЗА ДИКТАТУРУ пролетариата и ставил и ставит своей задачей освещение всех вопросов исторической науки под углом зрения ЛЕНИНСКОГО ЭТАПА ее развития. В вышедших в 1932 г. 8 номерах журнала (6 книг) нами помещены статьи, посвященные вопросам большевистской партийности исторической науки, возникновению большевизма, образованию германской и французской коммунистических партий, статьи, посвященные вопросам рабочего движения эпохи империализма и истории Коминтерна, а также статьи, непосредственно посвященные разработ-